

ЭКСПАНСИЯ.

Роман
ЗЛОТНИКОВ

ВЕЧНЫЙ
[ВОССТАВШИЙ ИЗ ПЕПЛА]

Annotation

Для того чтобы понять, что дар многоумного Творца – митриловый клинок, который рубит камень, сталь и даже келемит, – не самое главное оружие Вечного, нужно всего ничего: получить дипломы нескольких университетов Симарона, стать «мороженым мясом» и человеком-крысой в штольнях Рудоноя, возглавить крестьянский мятеж на убогой планетке Варанга, где правит зарвавшийся барон, вспомнить, что значит быть благородным доном, и сделаться мегамиллиардером на Нью-Вашингтоне. А в итоге выяснить, чем отличается месть от возмездия. Но Иву, бывшему Счастливику, и этого недостаточно – его космический путь более долог и извилист, чем тот, что замыслил для него Творец...

Роман Злотников

Восставший из пепла

– ...И на этом, уважаемые господа, позвольте мне завершить свою лекцию. – С этими словами профессор Эмундсен изящным движением, отточенным в многократных повторениях, деактивировал световую указку, уменьшив ее до размеров мизинца, и отключил визиэкран, в одно мгновение сузив область сосредоточения внимания слушателей до одной лишь кафедры из селурийского малахита, на которой он, так сказать, имел честь пребывать. – У кого будут вопросы?

Ив окинул взглядом небольшую аудиторию на шесть десятков посадочных мест, в которой вольготно расположилось около дюжины слушателей, живописно сгруппировавшихся в разнополые пары, и усмехнулся про себя. Профессору вряд ли стоило рассчитывать на вопросы. Курс Эмундссена не пользовался сколь-нибудь заметной популярностью среди студентов Симаронского университета, так что, скорее всего, эти парочки собрались здесь, просто чтобы всласть нацеловаться в затемненном зальчике и заодно получить лишние часы в зачетке. Видимо, это знал и сам профессор. Потому что он тут же опустил голову и, состроив на лице скучающую мину, протянул руку к загрузочной щели видеопроектора. Картридж с видеоматериалом, которым профессор пользовался во время лекции, с легким жужжанием выскочил наружу. В этот момент стены аудитории мелко задрожали, раздался характерный утробный грохот. Это один из тяжелых крейсеров объединенной эскадры, присланной добрым десятком государств для защиты такого светоча науки и культуры, каким всегда считался Симарон, пронесся над самыми крышами университета. Профессор покосился на потолок, поморщился и сурово, но несколько брезгливо сжал губы. Всем было известно, насколько профессор не любит войну и военных. И, судя по взгляду, который он бросил в сторону удалявшегося звука, этим проклятым милитаристам сильно повезло, что они устроили шум уже после того, как он закончил лекцию. Grimаса выглядела так уморительно, что кое-кто из студентов захихикал. Профессор вздрогнул и, попытавшись вновь напустить на себя непроницаемо величественный вид, что, впрочем, ему совершенно не удалось, повернулся к мгновенно умолкнувшим студентам.

Любая собака в университете знала, что у профессора Эмундссена с кафедры социоантропологии чрезвычайно скверный характер. И ни один студент, будучи в здравом уме и твердой памяти, не пожелал бы предоставить ему возможность лишней раз это продемонстрировать, тем более на себе. Дабы не затягивать неприятную паузу, профессор быстро щелкнул выключателями и, грозно оглядев столпившихся внизу немногочисленных слушателей, изобразил нечто вроде снисходительного кивка:

– Ну что ж, поскольку вопросов нет, позвольте откланяться.

Он снова придал своей физиономии столь знакомое всему университету высокомерное выражение, всем своим видом показывая, что утратил какой бы то ни было интерес к хилому, малограмотному стаду, до того момента изображавшему из себя его слушателей, и, вальяжно повернувшись, принялся складывать в кофр только что извлеченный картридж и портативный рекордер с записями лекции. Прюделав все это, он окинул обширный пульт придиричивым взглядом, проверяя, все ли выключено, и, слегка скривившись, начал неуклюже спускаться с кафедры по крутым ступенькам.

В Симаронском университете свято блюли традиции, и то, что здесь называлось

кафедрой, было именно кафедрой, а не каким-то новомодным невидимым силовым пультом, в котором лектор нелепо висел в воздухе, поддерживаемый обратным гравитационным вектором, как, по слухам, было принято в Ломоносовском, или глупейшим образом летал туда-сюда с помощью проектора обратной гравитации перед сферозэкраном, указывая студентам высвечиваемые на нем наиболее важные детали, словно некий херувим в костюме, как это было сделано в Нововашигтонском университете. Впрочем, и на Симароне некоторые аудитории были оборудованы подобным же образом, чего профессор Эмундсен категорически не одобрял. Если студент не хочет учиться – никакими новомодными штучками его к этому не принудишь. А если хочет, то ему довольно самого учителя и в крайнем случае старого доброго голопроектора со световой указкой.

Когда профессор спустился с кафедры, парочки уже поджидали его внизу, протягивая зачетки. Профессор, морщась, приложил к каждой свой личный магнитный кодер, зафиксировав таким образом, что данные студенты присутствовали на его лекции. При этом по его лицу было видно, что он с большим удовольствием устроил бы этим личностям что-нибудь вроде хорошенького аутодафе. Однако количество слушателей влияло на его рейтинг, а эти, как ни крути, отсидели-таки лекцию от начала и до конца. Так что профессор скрепя сердце отметил присутствие всем подавшим зачетки и, повернувшись к Иву, который спокойно стоял чуть поодаль, ворчливо пробормотал:

– Ну, а где ваша зачетка, молодой человек? Или вы думаете, что я буду целый час торчать в аудитории, дожидаясь, пока вы соизволите ее достать?

Ив улыбнулся и покачал головой:

– Извините, профессор, у меня и так достаточный рейтинг посещения, к тому же я – аспирант профессора Шкаличека, а он может быть несколько недоволен тем, что он называет «пустой тратой времени на пацифистские бредни».

Эмундсен изменился в лице и побагровел, на мгновение показалось даже, что он вот-вот взорвется, однако он справился с собой и принужденно рассмеялся:

– Что ж... хотя в таком случае весьма удивительно, что вы, аспирант этого осл... хм, стойкого милитариста, решили посетить мою лекцию.

Ив пожал плечами:

– Мои интересы простираются несколько дальше, чем... Вы позволите? – Ив ловко перехватил профессорский кофр, за мгновение до того с некоторой ленцой покинувший уютную подмышку Эмундссена и устремившийся к твердому полу из камгорского гранита, и подхватил профессора под локоть. – Странно, что нет ассистента.

– Я его выгнал, – резко заявил профессор, – и запретил появляться в аудитории, пока я ее не покину. – Он возмущенно вскинул голову. – Этот юноша не дает себе труда бриться по утрам, а уж как у него несет изо рта!..

С этими словами профессор, освобожденный от большей части своего груза, с достоинством повернулся и двинулся к выходу из аудитории, не потрудившись даже убедиться в том, что Ив следует за ним.

– Так вот, молодой человек, поскольку, как я понял, вы проявляете истинный интерес к моим идеям в области адаптации социальной психологии различных разумных рас, хотя, возможно, и не разделяете моих взглядов на нынешнее развитие контактов с разумной расой, которую некоторые крет... э-э... уважаемые коллеги называют враждебной, я мог бы уделить вам несколько больше времени.

Ив, уже успевший догнать профессора и пристроиться к нему с левой стороны, слегка

наклонил голову, изобразив на лице искренний интерес. Но профессор не обратил на эти ужимки ни малейшего внимания. Он вещал. Под неумолчное журчание монолога, источавшего самодовольство, они покинули аудиторию и подошли к открытому глйдеру, которыми на территории университета могли пользоваться только профессора, деканы и члены ректората. Ив аккуратно сложил профессорские вещи на заднее сиденье. Эмундссен придиричиво осмотрел их – в должном ли порядке разложены – и, повернувшись к Иву, закончил наконец свою речь:

– Посему я жду вас сегодня вечером в своей лаборатории, скажем, часам к пяти...

Ив сокрушенно вздохнул:

– Прошу простить, профессор, но сегодня у меня семинар.

Эмундссен недовольно поморщился и спросил несколько раздраженным тоном:

– Тогда завтра?

Ив изобразил на лице скорбную мину:

– К сожалению, вечер у меня свободен только в четверг.

Профессор недовольно дернул щекой, однако сдержался и, усевшись на сиденье глйдера, сварливо пробурчал:

– Ну что ж, в четверг так в четверг.

Когда машина профессора, заложив крутой вираж, скрылась за верхушками стройных сосен, Ив позволил выражению скорби сползти со своей физиономии и досадливо поморщился. В общем-то, идеи профессора его интересовали. То, как обстояли пока что дела на войне, которую, хотя энциклика Иеронима XII уже была опубликована, еще почти никто не называл Конкистой, можно было охарактеризовать одним словом – избиение. Больших конфликтов было не так уж много, но при всяком столкновении Враг делал с кораблями людей все, что хотел: некоторые просто уничтожал или брал на абордаж, другим – немногочисленным – позволял ускользнуть. Создавалось впечатление, что миры людей до сих пор не пали только потому, что Враг почему-то этого пока не желал. Однако Ив прекрасно знал, что спустя полтора столетия картина резко изменится, ведь то время, из которого он был переброшен Творцом в прошлое, судя по вычисленной Ивом динамике развития конфликта, было отделено лишь кратким отрезком от конца этой войны, причем конца, победоносного для людей. И с полгода назад ему вдруг пришло в голову, что пора уже сейчас подумать о том, как жить дальше и что делать с Алыми князьями ПОСЛЕ войны.

Ив поднял глаза, еще раз бросил взгляд на верхушки сосен, за которыми скрылась машина профессора, и усмехнулся. Вряд ли профессор приглашал его для высокоинтеллектуальной беседы. Скорее всего, Эмундссен из-за своего несносного характера лишился всех своих ассистентов. И основным занятием Ива будет вовсе не обсуждение передовых идей профессора, а банальное сидение за консолью да нудная загрузка профессорской директории Большого университетского биокомпьютера ворохом скучной статистики, от которой ни одному социопсихологу никуда не деться. При всем при том это открывало доступ как к личной директории профессора, так и к нему самому. А человеку, у которого в запасе тысячи, а может, и десятки тысяч лет здоровой жизни, можно и поскучать некоторое время, хотя, конечно, никто, даже Творец, не может сделать так, чтобы ему это занятие понравилось.

Семинар не принес ничего интересного. Все, что с таким жаром обсуждали аспиранты, Иву было уже давно известно. Следующие несколько дней тоже прошли в привычных делах, в черед которых значились и традиционная аспирантская пятничная попойка, и субботнее

катание на глассерах над саванной южного континента в компании с весело визжащими обнаженными студентками. Все это за девять лет пребывания на Симароне надоело Иву донельзя. Поэтому он не удивился, поймав себя на том, что с нетерпением ожидает четверга. Конечно, вряд ли профессор откроет ему пароль доступа к своим наиболее важным файлам, но ведь Ив в свое время наловчился взламывать даже военные коды, которые, кстати, были совершеннее нынешних на полторы сотни лет войны, а уж профессорский-то... тем более с его собственной консоли...

Четверг не обманул его ожиданий. Хотя круг его обязанностей оказался именно таким, как он и ожидал.

Профессор Эмундсен, встретив его даже не на пороге дома, а уже у дверцы своего глидера, недовольно проворчал:

– Почему так поздно, я чуть не уехал, – но, заметив на лбу Ива капельки пота, выступившие, между прочим, вовсе не из-за спешки, а скорее от жары, смягчился и с обычным апломбом добавил: – Ладно, будем считать, что это только в первый раз. Код доступа в директорию – «Неандертал-66». У консоли найдете восемь папок с материалами. Извольте успеть до полуночи.

С этими словами он отвернулся и уселся в машину. Спустя минуту профессорский глидер скрылся за деревьями. Ив усмехнулся: «Что ж, все, как и следовало ожидать» – и двинулся внутрь профессорского бунгало.

Загрузку поддиректории Ив закончил часа за два, несколько подивившись тому, что профессор, похоже, даже не подозревал о простеньком, но надежном сканирующем поле, которое было в его консоли, после чего вплотную занялся личными файлами профессора. Как он и предполагал, код доступа был примитивен, а система контроля вообще отсутствовала.

Слишком многие считали исследования профессора пацифистской чепухой, чтобы у него появились деньги на разработку индивидуальной компьютерной защиты. А стандартные системы могли сдерживать лишь хакеров, да и то лишь тех, кому исполнилось года четыре, не больше. Так что к полуночи Ив успел ознакомиться со всей информацией, хранившейся в личных файлах профессора, и пришел к выводу, что, хотя по большей части это был всякий статистический хлам, кое-какие идеи все же стоили того, чтоб над ними подумать. Хотя вероятность хоть какого-то использования этих идей в ближайшие полторы сотни лет была минимальна. Даже в качестве основы для дискуссий.

Вот почему, уже за полночь неторопливо шагая по темному скверу, живописно освещенному лишь мягким светом двух лун Симарона, Ив подумал, что, пожалуй, настала пора прощаться с Симароном. Он провел здесь девять лет и за это время умудрился получить дипломы магистра по гравифизике, истории, философии, политологии, экономике и финансам и еще полдюжины специальностей и был в одном шаге от того, чтобы стать доктором гравифизики. Если бы он, конечно, в один прекрасный день пожелал этого. И все же, честно говоря, Ив не чувствовал в себе каких-то коренных перемен. Приобретенные знания помогали ему просто немножко лучше разбираться в привычных вещах, о которых он и до этого знал немало. По сути дела, он оставался все таким же – крепким фермерским сыном со смазливой внешностью и достаточной долей удачи, озабоченным чаще всего тем, как бы набить брюхо да при случае задрать юбку какой-нибудь молодке. Ну и, конечно, Ив по-прежнему был не прочь подраться и зачастую даже не пользовался при этом своими особыми способностями, чтобы не перебивать вкус хорошей драки. При этом ему было

свойственно и чувство некоторой ответственности за происходящее, что, по сути дела, и побудило его поступить в аспирантуру.

После первых пяти лет, когда были молниеносно захвачены около десятка окраинных систем, война по какой-то причине словно бы привяла, людские массы и национальные правительства несколько оправились от охватившей было всех паники и привычно занялись междоусобными сварами. Однако Ив знал, что это затишье, получившее в дальнейшем название Десятилетие покоя, должно было скоро кончиться. И время после него было столь знаменито страшными, кровавыми битвами, что впоследствии получило название Годы вдовьего плача. Так что оставшиеся несколько лет необходимо было использовать с максимальной выгодой. Это и было одной из причин, почему он так надолго задержался на Симароне.

То, что были проиграны все уже состоявшиеся битвы, объяснялось тем, что человечество было пока еще слишком плохо вооружено. Поскольку принцип дистанционной многолучевой фокусировки гравитационных полей еще не был открыт, Ив, поступив в аспирантуру к профессору Шкаличеку, который не только был известным гравифизиком, но и имел серьезные связи в военных кругах республики Таир и Содружества Американской Конституции – главных спонсоров Симаронского университета, искусно подкинул ему пару идей, которые профессор теперь уже считал своими собственными. Потом Ив некоторое время работал под чутким руководством профессора Шкаличека в его лаборатории, доводя до ума прототип многолучевой гравитационной пушки, прообраза тех орудий, с которыми он так успешно управлялся полторы сотни лет спустя. Однако уже месяц назад Ив пришел к выводу, что все идет прекрасно и профессор вполне может закончить работу без его помощи. К тому же Шкаличек вцепился в него мертвой хваткой, требуя, чтобы Счастливирик опубликовал наконец свои материалы, поскольку, по его мнению, дальше тянуть с этим было просто непозволительно. Однако сие никак не входило в планы Ива – ему не хотелось светиться, да к тому же – что, возможно, и было главным – стало лень заниматься подготовкой публикаций. Кроме всего прочего, Иву порядком надоела молодая жена профессора, который, как и множество профессоров до него, имел глупость жениться на собственной студентке. Поначалу все было сладко и даже несколько пикантно, однако белокурая Эвис на поверку оказалась порядочной стервой. По правде говоря, Ив догадывался об этом еще до того, как впервые стянул трусики с ее крепкой попки, но догадываться о чем-то и испытывать это на собственной шкуре – далеко не одно и то же. И вот теперь он чувствовал, что его терпение на исходе. Так что по всему выходило, что на Симароне он задержался слишком долго.

Ив свернул на дорожку, ведущую к кампусу. Он по-прежнему занимал ту же комнату, что и в бытность свою студентом, и за девять лет она стала для него чем-то вроде настоящего дома. Он оброс кое-какими вещами, а шпага обрела постоянное место в постельном ящике под силовой тахтой. Какое-то время она висела на коврике над тахтой, но, доведенный до крайности предложениями продать шпагу и идиотскими вопросами типа: почему это он, беря с собой эту странную штуку даже при кратковременной отлучке, при этом ни разу не появился в университетском фехтовальном обществе, Ив вынужден был снять шпагу со стены и водворить ее на ныне уже ставшее привычным место в ящике.

Лесок поредел, за деревьями засверкали огоньки, а потом показался кампус. Его окна призывно горели в темноте. В последние два года на Симароне была введена строгая экономия энергии, освещение осталось только на центральных улицах больших городов.

Корабли Врага уже несколько раз были замечены в системе Симарона, пару раз их отгоняли даже с геостационарных орбит над планетой, и это явно предвещало скорую битву, которая затем осталась в исторических анналах как единственное крупное сражение Десятилетия покоя. Вот почему существенная часть энергостанций была напрямую подключена к накопителям, в которых собиралась энергия для питания планетарного щита и планетарных мортир. И хотя эти устройства в прошлом не спасли ни одну из девятнадцати планет, подвергшихся нападению, ничего лучшего у военных не было и они обреченно готовились к битве, которую уже заранее считали проигранной. Ибо человеку, что бы ему ни говорил его разум, свойственно кидаться в драку, даже если, кроме поражения, его явно ничто не ждет. К тому же Ив знал из исторических хроник, что к началу битвы за Симарон Шкаличек успеет не только закончить прототип многолучевой пушки, но и наладить производство таких орудий и даже пульсирующего варианта силового щита, что позволит Симарону продержаться в полной блокаде почти шесть лет. А это даст столь необходимое время другим государствам, чтобы провести перевооружение своих флотов. Ибо с падением Симарона закончится и Десятилетие покоя. Осада Симарона станет переломным этапом войны. Если до этого все, свершенное Врагом, можно было характеризовать словом «захват», то после это стало уже Завоеванием, притом кровавым.

Занятый своими мыслями, Ив с трудом сдержал икоту, когда его несколько более совершенные, чем у прочих, органы чувств вдруг ошарашили его сообщением о том, что впереди, за густыми кустами шиповника, притаилось пять человеческих особей мужского пола, не так давно изрядно принявших на грудь и потому заполнивших окрестности сильным запахом дешевого пива, дорогого бренди и терпкого пота возбуждения. Ив на мгновение задержал шаг, прикидывая, кто бы это мог быть, потом мысленно усмехнулся. Скорее всего, это была очередная компания Йогера Никатки.

Несколько месяцев назад на одном барбекю у них произошло небольшое столкновение из-за одной чрезвычайно сексапильной девицы, которая сильно заинтересовала Никатку, но отдала предпочтение Иву. Йогер Никатка, любимое и единственное чадо главы одного из великих кланов Таира и, соответственно, владелицы гигантского промышленно-финансового конгломерата, не привык к отказам, а потому пришел в бешенство. Девицу он впоследствии все-таки захомутил и всласть над ней поизмывался, а вот с Ивом вышла осечка. Йогер, парень не из мелких, к тому же неплохой спортсмен, пару раз попытался разобраться с Ивом, так сказать, по-мужски, но оба раза сел в лужу. В первый раз Ив просто слегка стиснул ему руку и, сохраняя на лице видимую всем окружающим милую улыбку, сообщил, что не дерется по пустякам. Сняв с руки гипс, Никатка предпринял вторую попытку выяснить отношения с Ивом, на сей раз уже с помощью двух дюжих дружков. Ив не был деликатен, как в прошлый раз, и Никатке пришлось оплачивать лечение и своих друзей тоже, причем в числе требуемых медицинских услуг было полное восстановление челюстей. Впрочем, Никатка мог позволить себе и платиновые челюсти для всех троих. Однако, как все «золотые мальчишки», он был порядочный жлоб и терпеть не мог лишних расходов, тем более на других. Спустя месяц после второй попытки профессор Шкаличек влетел в лабораторию странно взъерошенный и, изменив своему обыкновению прямо с порога обрушивая на присутствующих шквал ругани, лишь взглянул на Ива бешеными глазами и молча указал ему рукой на дверь своего кабинета. Оказалось, Никатка не успокоился и решил на этот раз расправиться с Ивом с помощью своей могущественной мамочки. Однако все ее усилия разбились об упрямство профессора. Шкаличек никому не позволял трогать своих людей, а его исследования были настолько

важны для военных, что даже неистовой госпоже Свамбе-Никатке пришлось отступить. И вот теперь, судя по всему, неугомонный Йогер решил сделать еще одну попытку.

Ив остановился прямо перед засадой и на какой-то миг удивился, почему это заговорщики остаются недвижимы, тупо глядя на него и как бы сквозь него, – но только на миг. Он усмехнулся, вспомнив о том, что автоматически скользнул в боевой режим и скорость его восприятия намного превышает обычную. Ив снизил скорость, оставшись, однако, в режиме восприятия, несколько превышающем обычный для человека, и тут его ударил по ушам визгливый голос Никатки:

– ...те его!

Ив насмешливо пожал плечами:

– Не стоит быть таким эмоц...

Он отпрянул в сторону, а на том месте, где он только что стоял, сверкнул энерголуч. Слово, конец которого он слышал, было не «бейте», а – «убейте». Ив сделал несколько резких бросков из стороны в сторону, кляня себя за глупость и стараясь вновь выйти на боевой режим. Что пока не очень-то получалось. Он чувствовал себя полным болваном, но хуже всего было то, что он растерялся. Судя по движениям нападавших, это были не просто дюжие громилы, а профессионалы, в то время как он вел себя подобно неуклюжему медведю. Движения нападавших были стремительны и экономны, Ив же никак не мог поймать ритм и просто молотил руками по сторонам, прыгая туда-сюда и стараясь ускользнуть от лучей. Ведь, хотя он двигался намного быстрее нападавших, для того, чтобы повернуть ствол лучевика, не надо много времени. В общем, это был сплошной позор. Слава богу, он довольно быстро кончился. До него вдруг дошло, что если его шкура смогла достойно противостоять келемитовым когтям Алых князей, то уж с лучевиком карманного калибра она как-нибудь справится. И в следующее мгновение он просто отпрыгнул назад.

Когда скорость его восприятия снова упала до обычного уровня, то первое, что он услышал, был звериный рев Йогера Никатки, которому один из его головорезов, неудачно развернувшись при падении от неуклюжего тычка Ива, отрезал лучом левую ногу и низ живота. Ив несколько мгновений тупо смотрел на отрезанный оковалок со слегка поджаренным срезом, из которого даже не сочилась кровь – лучевой пистолет запаял все перерезанные кровеносные сосуды и лимфотоки. Ив вздохнул. Да, пора было прощаться с Симароном.

Часть I
Путем Вергилия

Дождь лил всю ночь, и к утру глинистая дорога превратилась в цепь огромных луж, притом некоторые вполне могли претендовать на то, чтобы именоваться озером. Ив выбрался из мокрого прошлогоднего стога, в котором провел ночь, и, максимально обострив восприятие, настороженно осмотрелся. Вокруг на расстоянии пяти миль не было ни единой живой души – естественно, человеческой, поскольку всякой иной живности было более чем достаточно. Ив передернул плечами и, скользнув в режим ускоренного восприятия, резко встряхнулся, словно большой лохматый пес, вылезший из воды. С грубого камзола и накидки, которую, очевидно по какому-то недоразумению, толстый лавочник в космопорту всучил ему как непромокаемую, взмыли капли воды и сенная труха. Ив улыбнулся: когда-то он мог вызывать в себе эту способность только в минуту гигантского нервного напряжения, когда его жизнь была под угрозой, а сейчас, поди ж ты, ему просто не захотелось тратить время на то, чтобы слегка почиститься. Ив хмыкнул и неторопливо двинулся вперед, разогрев верхний слой кожи до шестидесяти градусов, чтобы одежда побыстрее просохла.

Ив родился на Пакроне в семье фермера, не то чтобы богатого, но и не бедного, лет через пятьдесят после начала Конкисты, как впоследствии люди стали называть долгую войну со страшным Врагом, которая к тому времени лишь разгоралась. Как и многие его сверстники, он хотел учиться, стать студентом. Но как-то так получилось, что стал он... воином, благородным доном, членом сословия наемных солдат, которые продавали свое умение и свою шпагу тем, кто мог заплатить. Это была честная сделка, ибо шла война и воины требовались многим, а благородные доны почти никогда не обманывали своих нанимателей, потому что Врагом в этой войне были чужаки, сообщество, во главе которого стояли существа, словно явившиеся из мифов или кошмарных снов. Демоны, или Алые князья – невероятные создания с прекрасными, могучими крыльями за спиной, алой кожей и рогами надо лбом, – могли заморозить и подчинить себе любого человека и были убеждены в том, что их предназначение – властвовать над человечеством. Как они уже властвовали над множеством рас и разумных видов. И, судя по упорству, с каким они воевали, пришельцы не намерены были позволить людям стать исключением. Семьдесят пять лет Ив провел в душных отсеках кораблей или за пультами боевых рубок, несясь сквозь пустоту в составе абордажных команд или отбиваясь от вражеских абордажников в тесных корабельных коридорах. За необычайную везучесть, позволявшую ему почти невредимым возвращаться из самых серьезных рейдов и сражений, он получил прозвище Счастличик.

В то время среди благородных донов, да и всех остальных представителей рода человеческого, имевших дело с оружием, бытовала легенда о Вечном, Сыне Божьем, посланном, чтобы, как говорил известный в среде благородных донов сказитель и менестрель дон Сивый Ус, «убедиться в том, что не оскудели люди верой и мужеством, что они достойны и далее продолжать род свой и нести правду Господню иным мирам и народам. И когда твердо уверится Вечный в том, что это так, тогда и позволит ему Господь явиться в своем истинном облике и повести людей на последнюю битву. И воссияет после сего светоч истинной веры и величия Человека, и наступит во Вселенной Царство Божие. А до тех пор, памятуя о том, что Он всегда среди людей, надо честно сражаться во славу рода человеческого и на погибель врагам его, дабы не усомнился Вечный в доблести и мужестве людей и не покинул бы их в час последней битвы». Верили в нее люди или нет, но о том, кто

умер достойно, говорили: «Хорошая смерть, Вечному бы понравилась».

Так и жил благородный дон Ив по прозвищу Счастливчик, коротая время между нанимателями и рейдами, пока военная судьба не занесла его на Зоврос – мир, первым подвергшийся нападению Врага. Именно здесь было место, когда-то послужившее Вратами, через которые пришли во Вселенную Алые князья. В том рейде он встретился с Творцом. Кем или чем было это существо, Ив не знал до сих пор. Скорее всего, Творец был тем, кого люди обычно считали Богом, но как же он отличался обликом и поведением от того, о ком повествовала Библия... Творец и сделал Ива неким подобием Вечного из легенды. Он наделил его силой, необычайной жизнеспособностью и прочими чудесными качествами, которые, как Ив понял уже тогда и сохранял поныне это убеждение, отнюдь не делали его достойным именоваться легендарным Вечным. По-видимому, так считал и сам Творец. Потому что, когда Ив попал в его измерение во второй раз, он окинул свое творение скептическим взглядом и вынес заключение: «Какой-то однобокий Вечный получился: гора мышц, мешок удачи, изрядная доля интуиции и наперсток интеллекта». И Творец решил, как он сам выразился, предоставить Счастливчику дополнительное время. Так Ив вновь оказался на Зовросе, планете, с захвата которой и началась Конкиста, и как раз в день нападения Врага. То есть за полтора века до своего времени. Он знал о том, чему еще только предстояло произойти, и догадывался, что ему самому суждено сыграть свою роль во многих из грядущих событий. Однако его время еще не пришло, так что он решил воспользоваться благоприятными обстоятельствами с максимальной для себя пользой. Так он оказался в знаменитом Симаронском университете.

Свои встречи с Творцом Ив вспоминал часто и всегда с улыбкой. Еще бы! Как это говорится? «Неисповедимы пути Господни»?.. Но чтобы Господь всеблагий и всемогущий в ответ на вопрос: «Что мне надо делать?» – пожал плечами и сказал: «А хрен его знает, сам разберешься», – это, знаете ли...

Посмотрев на небо, Ив прибавил шагу. Часа через полтора выглянуло солнце. Ив покосился на свои ноги – сапоги были облеплены грязью. Он остановился, нарвал травы, тщательно очистил их и перешел на другую сторону дороги. Это, впрочем, совершенно ничего не изменило, поскольку грязи там было не меньше, и скоро его сапоги снова превратились в облепленные глиной неподъемные колоды. С той стороны, куда Ив направлялся, потянуло потом, навозом, горелой изоляцией, прогорклым маслом и бог знает чем еще. Все эти десятки запахов означали одно – близость человеческого жилья. Впрочем, оно было не так уж и близко. Будь Ив такой, как все люди, он унюхал бы эти ароматы лишь через пару-тройку миль, не раньше. Ив вздохнул: Варанга и спустя полтора века оставалась захолустьем, хотя и была какое-то время из-за войны, сильно сократившей в числе миры людей и доступные им маршруты, перекрестком торговых и армейских путей. Но это было недолго, сейчас же... Однако Иву как раз и требовалось именно такое местечко, чтобы немного отсидеться подальше от хватких рук мадам Свамбе-Никатки. Конечно, у него были все основания полагать, что в своем стремлении покарать его ей ни за что не удастся добиться желаемого результата, поскольку, как он уже сам убедился, единственным внешним воздействием, которому оставался доступен его организм, было употребление горячительных напитков. Однако, пораскинув умом, он пришел к выводу, что мамаша Йогера будет довольно настойчива в своих устремлениях, а раз за разом терпеть ее наскоки может быть не только накладно для его кошелька, но и обременительно для его нервной системы. Поэтому Ив решил удариться в бега. К тому же он пока не был готов обнародовать свои способности,

поскольку, согласно легенде, Вечный как-никак был благородным доном, а таких в настоящее время почти не было в наличии. Да и те, что были, называли себя каперами, а не благородными донами. Что ж до него, то он пока что был всего лишь аспирантом Симаронского университета. Вот почему, пока Йогер приращивал себе новую ногу и восстанавливал нервы в лучших клиниках республики Таир, Ив поспешил убраться с Симарона. Предварительно демонстративно пробив себе в кассах маршрут аж до Нового Петербурга, потому что, по его прикидкам, это должно было показаться мамаше Никатке чрезвычайно разумным решением с его стороны. Ведь человек с его набором дипломов мог рассчитывать на теплое местечко в любом цивилизованном обществе, а русский император к тому же был известен своей неприязнью к иностранцам, незаконно сующим свой нос в его дела. Так что, доберись он до Нового Петербурга и устройся на работу в какой-нибудь имперской структуре, что, в общем, не выглядело невозможным, мадам Свамбе-Никатке осталось бы только кусать себе локти от досады. Ведь даже и она не могла себе позволить раздражать русского императора. Впрочем, в этих столь гладких умозаключениях, вполне доступных уму среднего аспиранта, был некий нюансик, который мог остаться не замеченным этим аспирантом, но только не благородным доном, имевшим за плечами немало так называемых операций по умиротворению и хорошо знающим, на что способны венценосные особы, когда речь заходит о так называемых государственных интересах или интересах короны. Мадам Никатка была фигурой, в чьих возможностях было потрафить императору, например сбросив цену в какой-либо сделке или передав императорским спецслужбам лакомый кусочек информации, так что существовала вероятность того, что при некоем гипотетическом развитии событий имперская тайная канцелярия будет рада сама преподнести его голову мадам Свамбе-Никатке на блюдечке. Все это не позволяло Иву всерьез надеяться на благополучное избавление, а поднятая им суета с покупкой билетов, осторожные намеки, перешептывание с тщательно отобранными «доверенными лицами» и подчеркнуто скрытый, а потому замеченный массой народа набег на магазин путеводителей – все это было предназначено лишь для того, чтобы у как можно большего числа людей создалось впечатление, что он отправляется именно на Новый Петербург. Единственное, чего он опасался, так это – не переборщил ли он. Ведь вряд ли мадам Никатка наймет какую-нибудь дешевую «грязную контору», как называли агентства, оказывавшие услуги деликатного свойства, а Ив не был столь опытен в подобных делах, чтобы все его действия выглядели стопроцентно убедительными. И никакие его способности не могли возместить отсутствие этого опыта.

Ив вздохнул и снова перешел на другую сторону дороги. Как все было просто *там*, на полторы сотни лет вперед, пока он не провалился в то странное место, где встретился с Творцом. Там Враг, здесь доны, а если ему приходится туго, то рядом всегда шпаги друзей, ну а когда возникали какие-то проблемы где-то наверху, то – даже если это было ему не по душе – его это не касалось.

Тут Ив поскользнулся и не шмякнулся в лужу только потому, что мгновенно скользнул в боевой режим и оттолкнулся ногой от моментально затвердевшей воды. Он сделал несколько шагов вперед, спасаясь от брызг, медленно поднимавшихся с поверхности воды, а потом запоздало ощупал все вокруг сузившимися глазами. Нет, со столь нахальным использованием своих способностей пора было кончать. Он слышал, что в таком захолустье, как это, вполне могли и за не столь откровенные выкрутасы отказать в приюте или даже побить камнями, что, впрочем, для него было бы не столь уж большой неприятностью, но пойдут слухи...

Развитие ситуации зависело от дремучести местной публики и настроения приходского священника. К тому же сейчас даже до такого захолюстья дошли известия о войне, Враге и его физических особенностях, так что всякий путешествующий должен быть крайне осторожен. И уж тем более он, наверняка преследуемый агентами «грязной конторы», если не нескольких сразу. Недаром он не рискнул воспользоваться своей кредитной картой, и, чтобы получить наличные, ему пришлось заложить в припортовом ломбарде единственную вещь, которая показалась приемщику достаточно ценной. К сожалению, этой вещью была шпага. В результате Ив остался без нее, это впервые за последние восемьдесят лет, и потому чувствовал себя голым. Договор залога был составлен сроком на пять лет, а Ив рассчитывал разрешить свои проблемы максимум за год-два, но все равно, когда он, получив деньги, протянул шпагу приемщику, у него было такое чувство, будто он лишается существенной части самого себя. Хотя, если взглянуть с другой стороны, это был достаточно разумный ход, ведь шпага, кроме всего прочего, была серьезной приметой, так как все, знавшие Ива сколь-нибудь хорошо, наверняка были уверены, что уж что-то, а шпагу он не выпустит из рук никогда. Так что решение на время расстаться с ней казалось ему и разумным и неизбежным. Хотя это ему почему-то очень не нравилось, очень.

Ив обогнул ствол поваленного дерева и настороженно замер. В придорожных кустах кто-то был. Он чуть усилил обоняние и слух и удовлетворенно кивнул. Трое, нет, четверо. И собака. Ив скинул с плеч дорожный мешок со сменой белья, утер рукой лицо, хотя оно вовсе не было потным, и повернулся к кустам:

– Эй, вы там, у вас что, принято таиться от добрых людей по кустам?

Некоторое время в кустах было тихо, потом ветки зашевелились, и на дорогу выбрались трое крупных, кряжистых мужиков, одетых во что-то среднее между ливреей и униформой. Они застыли на месте, недобро глядя исподлобья на Ива. Четвертый и собака не показывались. Что ж, вполне разумная предосторожность. С минуту все молчали, потом самый здоровый, с сединой во всклоченной бороде, разлепил толстые губы и ворчливо произнес:

– А почему я знаю, что ты добрый?

– А почему ты знаешь, что я злой? – возразил Ив.

– А так спокойнее, – справедливо заметил мужик.

Ив усмехнулся и кивнул головой:

– Пожалуй, ты прав.

Мужик несколько мгновений не сводил с Ива пристального взгляда, потом хмыкнул:

– Из Варанги идешь?

Ив кивнул.

– Беженец?

Ив сделал неопределенный жест, который с некоторой натяжкой можно было назвать утвердительным. Мужики, оторвав глаза от Ива, перемигнулись и опять уставились на него. Повисшее молчание и на сей раз нарушил старший.

– А шел бы ты, парень, в другую сторону, – сказал он неприветливо.

– Это почему? – удивился Ив.

Старший то ли вздрогнул, то ли пожал плечами и после минутной паузы пояснил:

– У нас тут не любят всяких...

Ив качнул головой и, стараясь, чтобы его голос звучал несколько униженно, сказал:

– Мне и всего-то нужно – стол да постель...

Мужики снова быстро переглянулись, и Иву показалось, что двое явно замышляют что-то недоброе. Старший, однако, еле заметно качнул головой и, повернувшись к Иву, с деланным равнодушием пожал плечами:

– Ну, как знаешь. Мое дело – предупредить.

Все еще немного помолчали, потом мужики повернулись и бочком двинулись обратно в чащу, а Ив, проводив их взглядом, принялся снова месить дорожную грязь.

Как только поваленный ствол скрылся за поворотом дороги, Ив скользнул в придорожные кусты. Он отбежал от дороги, залез под упавшую сосну и, бросив на мокрую землю плащ, лег, укрывшись от нескромных взоров густыми еловыми лапами. Как оказалось, предосторожность не была излишней. Вскоре по опушке леса на другой стороне дороги, громко бухая сапогами, пробежал парень с большой лохматой собакой на коротком поводке. Напротив того места, где Ив свернул в чащу, собака на мгновение притормозила, натянув поводок, но парень ругнулся сквозь зубы и рванул поводок, собака послушно потрусила следом. Ив удовлетворенно кивнул. Четыре человека с собакой – не слишком ли много для простого дозора, хотя и недостаточно для серьезного сопротивления на случай внезапного появления врага. Поваленное дерево – не препятствие для глидера или тяжелого армейского краулера, разве что для беженцев... Ив поднялся с земли, решив, что надо уходить. Скоро парень поймет, что потерял след, и повернет назад. Только в обратную сторону он, скорее всего, пойдет по этой стороне дороги и на сей раз будет внимательнее к своей собаке, так что, если Ив хочет попытаться его обмануть и избежать схватки, шанс только один. Ив высунул голову из-за кустов и, быстро осмотревшись (благодаря своему обостренному восприятию Ив слышал, как парень, уже скрывшийся за поворотом дороги шагах в сорока впереди, шлепал сапогами по мягкой траве), шустро перескочил через дорогу и побежал следом за парнем. Судя по всему, пес был не специально выведенной и хорошо обученной ищейкой, а обыкновенной деревенской дворнягой, разве что чуть умнее других да нюхом поострее. Да и парень явно не производил впечатления крутого розыскника или большого интеллектуала. Вполне возможно, что, когда пес унюхает след Ива и потянет за собой хозяина, тот решит, что он пытается его повести по их же собственному старому следу, а результат будет таков – пинки псу и никаких неприятностей для Ива. Но как бы то ни было, подобная манера встречать прибывающих вдали от деревни наводила на определенные размышления. Ив утвердительно кивнул самому себе и, чуть снизив восприятие, углубился в лес.

Там он затаился и стал ждать. Минут через пять из-за поворота снова донесся топот, слышимый даже обычным ухом. Ив сощурился, всматриваясь. По другой стороне дороги приближалась «сладкая парочка». Ив приник к сосновому стволу и замер, стараясь не дышать. Когда парень с псом пробежал мимо того места, где Ив пересек дорогу, пес опять попытался вильнуть в сторону, но хозяин сердито пнул его под ребра и потянул за собой. На его взмокшей туповатой физиономии был написан страх, а, судя по изношенной униформе, он отнюдь не принадлежал к верхушке славного воинства, стоявшего дозором на дороге. Повидимому, исчезновение преследуемого (а после увиденной сценки Ив уже не сомневался в том, что ему удалось оторваться, хотя бы на какое-то время) создавало проблемы не только для пса, но и для парня. При этой мысли Ив усмехнулся и, подождав, пока парочка скроется за поворотом, вскочил на ноги. Пройдя какое-то расстояние по лесной дороге, прихотливо извивавшейся среди деревьев, он свернул в чащу, прибавил шагу и устремился вперед так быстро, что его вряд ли смог бы кто-нибудь догнать, не считая, конечно, первой восьмерки

участников финального марафонского забега Олимпийских игр.

Примерно через полчаса он оказался на лесной опушке, где и остановился неподалеку от покосившейся жердяной изгороди, окружавшей, судя по всему, довольно крупную деревню, дворов на пятьсот, не меньше. Примыкавшие к изгороди усадьбы, в свою очередь, были обнесены каждая особой тесовой оградой, виднелись лишь крытые соломой двускатные крыши, весело поблескивавшие отсветами солнечных коллекторов на одном из скатов. Ну еще бы, кто же откажется от дармовой энергии, да и солома у крестьян бесплатная, можно хоть каждый год менять, все равно ни к чему ее не приспособишь, потому как надо быть дураком, чтобы, имея коллектор, не иметь на заднем дворе тысячеголлонного томсоновского размножителя адаптированной хлореллы. Ив огляделся. Там, где он стоял, околица подходила к самому лесу, а с другой стороны, где в деревню вливались две дороги, по одной из которых он и шел из космопорта, тянулись поля. Ив постоял еще немного, раздумывая и в то же время сосредоточенно вслушиваясь, всматриваясь и даже внюхиваясь в залитую полуденным солнцем деревню. Все было спокойно и даже как-то... умиротворенно. Но тогда зачем и почему была устроена засада у дороги? Ив перебирал в уме всевозможные варианты разгадки, не в состоянии остановиться ни на одном. Деревня как деревня. Коровы, свиньи, лошади, многофункциональные тракторы, бесматкоровые колонны, от которых в полуденной жаре плыл навозный запах. Из домов доносились привычные звуки. Нигде не было слышно ни крика, ни ругани, кроме одного дома, стоявшего довольно далеко от Ива, где ссорились двое, явно муж и жена. Насколько можно было понять, супруги разошлись во мнениях относительно приемлемости количества домашнего бренди, употребленного главой семьи. Ив хмыкнул и уменьшил остроту восприятия. Всякий раз, когда он становился невидимым свидетелем таких сцен, ему было как-то неловко, как будто он подсматривал в замочную скважину. Оглянувшись по сторонам, Ив со вздохом двинулся к деревне... Он пришел сюда, чтобы спрятаться здесь, пока не отстанет от него погоня, вероятно уже пущенная по его следу мадам Свамбе-Никаткой. И поскольку главным мотивом, побудившим Ива высадиться на Варанге, было казавшееся вполне логичным предположение, что такого многократно дипломированного человека, как он, вряд ли станут искать в такой глуши, надо было как-то устраивать свою жизнь на ближайшие полгода-год.

Ив остановился у длинного дома, скорее напоминавшего большую ригу, на одном конце которого, судя по дошедшему до его настороженных ушей сквозь толстые бревенчатые стены позвякиванию посуды, было жилье, стало быть, остальное предназначалось для хозяйственных целей. Коллектор на крыше дома был совсем маленький, а чана – размножителя хлореллы – не было видно вообще. Впрочем, может быть, он внутри? Ив оглядел двор, испещренный подсыхающими лужами, ограду с подгнившими столбами, черные растрескавшиеся стены дома из огромных древесных стволов геномодифицированной лиственницы (любой другой материал при здешних суровых зимах потребовал бы слишком много энергии для обогрева, да к тому же стоил бы намного дороже, чем могли себе позволить крестьяне), и переступил через рухнувшие жерди ограды.

В отличие от других дворов, здесь собаки не было, что также свидетельствовало о бедности хозяев. Он снова слегка усилил восприятие – стало слышно, что в доме разговаривают двое. Один голос принадлежал женщине, причем молодой, определить же принадлежность второго голоса – надтреснутого, сиплого и вместе с тем несколько визгливого – было довольно трудно, хотя определенно можно было сказать, что человек этот нездоров. Ив пожал плечами: бедный дом, больной хозяин, полное запустение – чем не

вариант. Можно было надеяться, что здесь будут рады лишней паре рабочих рук. Не сразу. Когда рассеется первоначальное недоверие. А оно рассеется, ведь эти руки достанутся им так дешево. Ив готов был работать за еду и ночлег, хотя, по правде говоря, он подозревал, что вполне может обходиться без пищи и сна, во всяком случае довольно долго. Полной уверенности в этом не было, поскольку единственным пока подтверждением этого могла служить лишь трехдневная оргия, которую устроила их студенческая группа по окончании основного курса. После трех дней непрерывного секса и двенадцати литров отличного бренди он был свеж, как мартовский ветерок. По крайней мере физически, потому как во всех остальных отношениях чувствовал себя словно выжатый лимон, слава богу, что хоть алкоголь на него по-прежнему действовал, а то бы... Ив улыбнулся своим воспоминаниям и направился через двор к дому, старательно выбирая места посуше и все же принесся к самому порогу огромные комья грязи, налипшие на его сапоги. Дверь была не заперта. Ив пару раз стукнул по выщербленному косяку и, не дождавшись приглашения, отворил дверь и вошел внутрь.

Лишь тут он понял, почему на его стук никто не ответил. Дверь была сделана из деревянных плах почти с ладонь толщиной и обита изнутри овечьими шкурами, кроме того, за ней располагался небольшой темный тамбур. Подойдя ко второй двери, Ив на миг остановился, раздумывая, стучать или нет, потом решил, что не стоит – ведь все равно он уже вошел. К тому же эта массивная дощатая дверь, обитая какими-то лоскутами, из-под которых во все стороны торчала пакля, вряд ли пропускала звук лучше входной, так что он просто отворил ее и шагнул в комнату. Там царил полумрак. Когда Ив, преодолев низкую притолоку, выпрямился, то увидел мужчину в потертой душегрейке и молоденькую девчонку, сидевших за самодельным столом, сбитым из разнокалиберных струганных досок. Дверь со скрипом захлопнулась, они вздрогнули и повернулись в его сторону.

Ив поспешно улыбнулся:

– Добрый день, прошу прощения, но я стучал... – Он замолчал, ожидая реакции.

Невысокая плотная девушка, почти девочка, с простоватым лицом, кожа на котором была слегка попорчена, очевидно какой-то болезнью, смотрела на него испуганно, а взгляд мужчины неопределенного возраста, в драной душегрейке мехом наружу, странных войлочных сапогах, с намотанным на шею шарфом, выражал скорее раздражение, хотя и с некоторой толикой страха. На какой-то миг Ива охватило предчувствие чего-то плохого, но он усилием воли подавил его. В комнате повисла испуганная тишина. Гость молча стоял у двери, а хозяйева так же молча таращились на него из-за стола. Наконец мужчина не выдержал:

– Ты кто?

Ив снова улыбнулся, на этот раз стараясь сделать это так искренне и миролюбиво, как только мог, и ответил:

– Прохожий. – Поначалу он хотел ответить как-то покрасивее – сказать что-нибудь вроде: «Бродяга, из тех, кого носит по земле ветром», но вовремя вспомнил, как его папаша-фермер реагировал на подобную чепуху, и прикусил язык.

Наступившее молчание снова нарушил хозяин дома:

– И чего тебе?

Ив пожал плечами:

– Переночевать... И горячего поесть.

Хозяин помрачнел:

– Прости, парень, у нас нет похлебки для лишнего рта.

Ив раздвинул губы в улыбке:

– Ну и ладно, у меня в котомке есть добрый кусок копченого бекона и горбушка хлеба, а за клочок соломы и подстилку я отработаю.

Девчонка стрельнула глазами в его сторону, а мужчина удивленно качнул головой. Потом, пожевав губами, как-то растерянно спросил:

– Из космопорта, что ли?

Ив молча кивнул. Хозяин с усилием наклонил голову к плечу и, облизав губы, спросил:

– И что, никого не встретил?

Ив ухмыльнулся:

– Почему же? Встретил кое-кого у поваленной сосны...

– И что? – вскинулся мужик.

– А ничего. Поговорили – я и пошел дальше. – Ив не собирался рассказывать о парне с собакой.

Мужчина недоуменно посмотрел на него, потом на девчонку и снова на Ива:

– А делать что умеешь?

– У моего отца ферма на Пакроне.

Мужчина снова повернулся к девчонке, но та, сжав губы, смотрела куда-то в сторону. Мужчина вздохнул:

– Ладно, надо вычистить загоны, погрузить навоз и отвезти к соседской бесматкоровой колонне. Трактор водишь?

Ив кивнул.

– Вот и хорошо, – подытожил хозяин, и Ив понял, что по крайней мере до завтра кров ему обеспечен.

Воткнуть, приподнять, повернуться, метнуть, воткнуть, приподнять, повернуться, метнуть... Ив наполнил тележку и воткнул в навоз пятизубые вилы. Он жил у Домата и Сутреи вот уже почти неделю. Хозяева действительно были почти нищими, а хворь, привязавшаяся к Домату этой весной, вообще поставила их на грань полного разорения. Домат лишь неделю назад начал понемножку вставать, а Сутрея, как ни билась, не могла уследить одновременно и за огородом и за скотиной, к тому же чан размножителя подтекал, да и рабочий раствор надо было менять, а денег на новый не было.

Ив включил двигатель тележки и взялся за ручку, управляющую задними колесами. Сегодня он закончил со свинными загонами, осталось три стойла, в двух из которых имелся только навоз и никакой скотины, и небольшой курятник. Работа была нетяжелая, но долгая и нудная. У своего отца он убирал навоз вакуумным погрузчиком, но здесь о таком нельзя было и мечтать. Отцовская ферма была построена из добротных пятислойных панелей с внешним слоем из синтогранита, а каждой из пятисот коров корм выдавался нажатием одной клавиши, причем для каждой готовился индивидуальный рацион. И ведь отец считался на Пакроне средним фермером. А здесь... Да еще туалет – простая дыра в дальнем углу скотного двора, который, как он и предположил в самом начале, находился под одной крышей с жильем. Так что на большее, чем на гравилопату, он не рассчитывал, но чтобы вилы...

– Пошли, поснедаем.

Ив обернулся. Сутрея стояла пунцовая от смущения, в чистом, ослепительно белом переднике. Ив кивнул:

– Сейчас, отвезу последнюю тележку и приду.

Сутрея исподлобья стрельнула глазами и убежала в дом. Ив усмехнулся. Судя по всему, Домат сегодня не только собирается предложить ему пожить у него сколько он захочет, но и имеет на его счет какие-то планы.

Войдя в комнату, Ив понял, что его предположение не очень далеко от истины. Стол был накрыт чистым белым полотном, а в центре стояла бутылка домашнего бренди, который гнали здесь чуть ли не в каждом доме. Домат сидел в углу, в чистой рубахе и на сей раз без своего неизменного шарфа на шее.

Ужин начали в полном молчании. Однако, когда они с Доматом опрокинули по стаканчику бренди, тот, скоренько зажевав едкий напиток, отложил вилку и повернулся к Иву:

– Куда идешь-то?

Ив отправил в рот очередной кусок и пожал плечами:

– Так, куда ноги несут.

Домат переглянулся с Сутреей:

– На Варанге кто из родни есть?

Ив мотнул головой. Домат крикнул. Ив продолжал молча есть. Некоторое время в комнате слышались только хруст капусты и жевание. Молчание снова нарушил Домат:

– А где думаешь зимовать?

Ив пожал плечами:

– Докуда дойду – там и перезимую.

Домат переглянулся с Сутреей, которая от волнения даже перестала жевать, и вкрадчивым тоном произнес:

– Может, тут? До зимы-то всего ничего осталось. Уж и лужи по ночам оледеневают.

Ив положил вилку, продолжая жевать капустку с деланно задумчивым видом. Хозяева замерли. Несколько мгновений в комнате стояла напряженная тишина, потом Ив, еще разок пожав плечами, ответил:

– Могу и тут.

Сутрея выронила вилку, а Домат радостно гыкнул и схватился за бутылку.

Вечером Ив вышел к ограде и, опершись спиной о столб, поднял глаза к звездам. Где-то там, далеко, были Зоврос, Пакрон, Симарон, а еще дальше, за облаками туманностей, Тронный мир, на котором еще не родилась даже прабабка Тэры. А он был здесь, и теперь у него был стол, ночлег и время, чтобы как следует обдумать, как он будет жить до встречи с Тэрой. Хотя времени оставалось не так уж и много. Всего-то полторы сотни лет.

Ив набрал команду на дисплее, и огромная машина многофункционального трактора медленно вползла в ангар. Ив заглушил турбины, отключил консоль, откинулся на спинку сиденья и потянулся. У ворот тут же возникла Окесиана. Она, подбоченясь, стала у створки и, приподняв плечи так, чтобы крепкая грудь сильнее натянула материю блузы, уставилась на него своими яркими черными глазами. Ив с усмешкой подумал, что она, как и почти все местные девицы, считает его выгодной партией. Молодой, работающий парень без родни поблизости... А кто из крестьян откажется от лишней пары умелых рук?

– Эй, парень, если ты не торопишься, то у нас сегодня свежие вареники с сушеной вишней.

Ив хмыкнул:

– Ну, если вареники...

Окесиана извернулась всем телом и, кокетливо отбросив на спину косу, еще раз стрельнула глазами в его сторону, а потом, игриво хихикнув, побежала через машинный двор к добротному двухэтажному дому, первый этаж которого был из камня, а второй из дерева. Семья Окесианы была одной из самых зажиточных в деревне. Еще бы, утеплитель для камня стоил столько же, сколько весь второй этаж, а такого мощного многофункционального трактора не было даже у самого барона Юксуля. Так что, будь он на самом деле деревенским увальнем, неизвестно какими ветрами занесенным так далеко от родной планеты, каким старался казаться, над столь заманчивыми перспективами, на которые Окесиана намекала не только словами, но и всем своим жарким телом, касаясь Ива то рукой, то бедром, то животом, то крепкой грудью слишком часто, чтобы это могло сойти за случайность, стоило бы как следует подумать.

Ив спустился по лесенке из кабины и, накинув на плечи промасленную стеганую куртку, поскольку, хоть уже была середина травня, ветерок был еще по-весеннему пронизывающий, неторопливо двинулся через машинный двор.

Он спокойно пережил зиму, успешно отбиваясь от местных молодух, пытавшихся залезть к нему в штаны. По правде говоря, с некоторыми он был бы совсем не прочь и покувыркаться, но при здешних патриархальных нравах подобные выходы могли сильно осложнить ему зимовку. Так что он вел целомудренный образ жизни, а это делало его в глазах многих отцов и матерей местных девушек самой желанной партией. Впрочем, не только это.

Семья Окесианы была многочисленной. В большом доме жили родители Окесианы с тремя младшими детьми, семьи трех ее старших братьев, две незамужние тетки и бабка. И всю эту разношерстную родню крепко держал в своем жилищем кулаке отец Окесианы Остан. Это был высокий, сухощавый мужчина с желчным лицом и брезгливо поджатыми губами. О таких, как он, здесь говорили «крепкий хозяин». В деревне второго такого не было. Остан владел почти четвертью земельного клина общины, имел собственную маслобойню, каждый год нанимал десять работников, и половина деревни ходила у него в должниках. Когда Ив, прослышав о том, что Остан прошлой осенью купил большой смитсоновский многофункционал, предложил Домату попросить его в аренду на несколько дней, рассчитывая, что за это время успеет обработать Доматово поле, тот замахал руками:

– И не думай, я и так уже должен хозяину Остану семь тысяч. Он скорее подаст в суд о

возмещении ущерба и отсудит мое поле, хотя не знаю, покроет ли это ему убытки... А там, глядишь, и до дома доберется... – Домат закашлялся и махнул рукой, он все еще был очень слаб после болезни.

Ив усмехнулся:

– Нужно ему твое поле. Да и дом тоже. Он в таком доме скотину и ту держать не станет. Домат зло покосился на него, теребя шарф, потом глубоко вздохнул:

– Ты прав, но вот у Метрая Голубицы поле было не лучше моего и дом тоже, однако же теперь это поле принадлежит хозяину Остану, а дом гниет без хозяина. В деревне поговаривают, что хозяин Остан хочет заполучить все земли в округе. Старый барон ему этого не позволял, но он уже давно болеет, а управляющий у Остана в кулаке... – Домат поежился и, покосившись в угол, еле слышно зашептал: – А уж как молодого барона из учебы выгнали, так и совсем... – Домат обреченно махнул рукой.

Ив нахмурился. Об этом молодом бароне ходило много разных слухов, и ни одного хорошего. Во всяком случае, говорили, что тех людей на дороге из космопорта поставил именно он. Кроме того, по деревне ходил слух, что молодой барон набрал к себе каких-то инопланетников и творит с ними совсем уже что-то непотребное. В чем выражалось это непотребство, Иву не говорили, лишь неодобрительно качали головой. В общем, этот молодой отпрыск местного землевладельца явно становился крупной местной проблемой, но какое дело было до этого Иву?

Они немного помолчали, потом Ив повернулся к Домату:

– А тогда что мы теряем, если я спрошу? Хуже-то от этого не будет, так?

Домат подумал, напряженно наморщив лоб, потом со вздохом сказал:

– Куда уж хуже-то? – И, помедлив, добавил: – А зачем тебе такой большой трактор?

Ив пояснил:

– На смитсоновском многофункционале я за два оборота закончу и подогрев стерни, и подготовку почвы, и посев, а любой другой потребует не меньше четырех, а твой – так и пяти оборотов, так что дня через три покроем плату за прокат и будем в выигрыше. Есть и еще одна штука... – Ив хитро прищурился. – Я слышал, урожай на Остановых полях всегда лучше, чем у соседей?

Домат настороженно кивнул. Ив усмехнулся:

– Говорят, у него раньше был катерпиллеровский многофункционал?

Домат снова кивнул.

– На «катерпиллере» отличный микроволновый излучатель, – продолжал воодушевленно Ив. – Почва прогревается гораздо глубже и долго держит тепло, так что семена быстрее идут в рост, а на «смитсоне» излучатель еще лучше, причем сильнее всего нагревается нижний слой, так что росткам не страшны даже небольшие заморозки. Вот и еще выигрыш.

Домат с пониманием улыбнулся, потом его глаза потухли, он тоскливо вздохнул:

– Да не даст он.

Ив поднялся и накинул стеганую куртку:

– Посмотрим.

Этот разговор с Доматом состоялся две недели назад. А сегодня Ив закончил обработку не только Доматова поля, но и двух Остановых, что и было платой за аренду. Проходя через двор, Ив припомнил свой разговор с Останом. Поначалу его удивило, что Остан так просто согласился. Когда Ив в сопровождении старшего сына Остана предстал перед его светлые, водянистые очи, тот оторвался от овсянки с кефиром и, лениво приподняв подбородок,

установился на Ива немигающими глазами. Несколько мгновений они бодались взглядами, потом Ив, вспомнив о своей роли просителя, опустил глаза. Остан слегка скривился и негромко спросил у сына:

– Чего ему надо?

Тот подобострастно хихикнул:

– Трактор пришел просить.

Остан повернулся, удивленный, к Иву:

– Зачем ему трактор? И кто он такой?

Сын, опасливо косясь на отца, пояснил:

– Пришлый это, у Домата живет.

Остан покачал головой:

– Надо же. А я-то думал, что Домат и кошку не прокормит, не то что...

Тут до Ива дошло, что весь этот разговор – просто комедия, которую Остан зачем-то решил разыграть перед Ивом и с его участием. Смешно было бы думать, что до Остана не дошли слухи о том, что он зимует у Домата. Тем более что его дочка Окесиана частенько забегала в гости вроде как к Сутрее, с которой они были одногодки и которая после каждого такого посещения с тревогой присматривалась к Иву, бросая на него испуганно-нежные взгляды. Впрочем, такое бывало не только после Окесианы. За семь долгих зимних месяцев в гостях у Домата и Сутреи перебивалась вся деревня, причем не проходило и дня, чтобы не наведались две, а то и три незамужние девицы в возрасте от пятнадцати до тридцати лет. Однако такое поведение Остана оставляло какую-то надежду. Ведь обычно он отказывал сразу. Ив потупился, а Остан отодвинул тарелку и лениво произнес:

– С чего это ты решил, что я буду таким транжирой, что доверю свой трактор какому-то неумехе пришлому?

Ив пожал плечами:

– Я не неумеха. Я водил такой трактор три года... – Тут Ив чуть не поперхнулся. Да, он водил его, но тот многофункционал был самым стареньким и изношенным среди всей отцовской техники, а здесь это, скорее всего, наиновейшая модель и вполне возможно, что появилась в продаже год, от силы – два назад, ни о каких трех годах и речи быть не может. Однако пронесло. Остан недоверчиво поджал губы, потом медленно спросил:

– А почему я должен тебе верить?

Ив уклончиво качнул головой:

– Можешь и не верить. У «смитсона» есть тестовая программа, запусти ее, пусть меня протестирует. Все равно тому, кто не пройдет тест, эту машину с места не сдвинуть.

Дома Ив набирал на тесте до девятисот сорока очков. С учетом того, что программа давала допуск к управлению с двухсот пятидесяти, это было совсем неплохо.

Остан не спускал с Ива пристального взгляда.

– Что ж, и проверю... как-нибудь. – Он лениво махнул рукой.

И тут до Ива дошло, что и как. Судя по всему, у Остана был трактор, но не было того, кто мог бы им управлять. Смитсоновский многофункционал отличался от «кэтерпиллера», как пространственно-поверхностный лайнер от каботажного шаттла, так что учиться управлять им надо было практически заново. Вот это номер! Насколько он помнил, все дилеры компании «Смитсон и сыновья» проводили отличное обучение водителей, причем за весьма умеренную цену, и Ив поначалу никак не мог понять, почему же Остан не отправил на учебу кого-нибудь из своих сыновей. Возможно, просто не хотел тратиться или решил, что

«смитсона» можно освоить и так. Нет, дело не в этом. Властный Остан просто боялся выпустить сына из-под надзора на сколько-нибудь долгое время. Что ж, подобный расклад давал Иву приличные козыри. Он сдержал ухмылку и, молча кивнув, повернулся и направился к выходу вслед за сыном Остана, который, бросив опасливый взгляд на отца, суетливо просеменил к двери и выскользнул из комнаты перед Ивом.

Когда они часа через два вновь предстали пред светлые очи хозяина Остана, сын боязливо приблизился к отцу и, бросая на Ива удивленные взгляды, зашептал ему что-то на ухо. Ив, скромно потупясь, стоял у косяка. Он набрал семьсот пятьдесят очков. Это означало «зеленую зону», полный допуск. А судя по тому, как вытянулось лицо Останова сына, когда он уже на первой минуте теста перешел в «фиолетовую зону», что означало первоначальный допуск, ни один из Остановых сыновей не набрал даже и жалких двухсот очков. Когда Остан, выслушав сына, несколько брезгливо отстранил его от себя и повернулся к Иву, тот понял, что выиграл. А в следующее мгновение и сам Остан понял, что Ив не только выиграл, но и знает об этом. Несколько мгновений Остан рассматривал Ива с плохо скрытым раздражением, потом крикнул и стукнул по столу сухонькой ладошкой:

– Вот что, пришлый, сначала обрабатываешь мои поля.

Ив с сомнением покачал головой:

– Не думаю, что это хорошее решение.

Остан изумленно уставился на него:

– Что-о-о-о?

Ив пояснил:

– На Доматово поле уйдет два дня, ну три от силы, а с твоими и за полторы недели не управиться, да еще кое-что надо вспомнить, потренироваться. Не на твоих же полях, хозяин? А ну как пересушу?

Такой подход Остана не совсем устраивал, но показался разумным.

– Хорошо. Но рядом с собой посадишь Тараска. Пусть учится.

На том и порешили.

Войдя в комнату, Ив застал всех старших членов семейства уже за столом. Он невольно остановился на пороге. Когда Окесиана пригласила его на ужин, он ожидал чего-то вроде того вечера у Домата и Сутреи полгода тому назад, когда ему предложили остаться на зиму. Недаром Тараск несколько раз заводил разговор о том, что его сестренка уже в самом соку, да и он Остану нравится, но Ив либо молчал, либо лениво отшучивался, но чтобы так, всей семьей... Остан, как всегда, последним поднял глаза на Ива и несколько мгновений мерил его уже привычным оценивающим взглядом, потом указал ему на место по правую руку от себя:

– Садись, работник, поснедаем.

Ив мысленно лишь покачал головой. Место по правую руку... Кажется, сегодня ему собираются предложить что-то большее, чем просто жилье на зиму. Он скинул свою стеганую куртку и, сполоснув руки под небольшим умывальником у двери, подошел к столу и уселся на указанное место. Остан сумрачно кивнул. Все поднялись и, сложив руки на животе, забормотали молитву. Иву пришлось тоже оторвать от табурета свой зад, погрузневший за последние месяцы из-за мучной болтушки да сала, и принять смиренную позу. «Отче наш, иже еси...» В доме его отца не было столь показной набожности, но каждую субботу вся семья отправлялась на глидере в церковь, которая служила местом общения не только, да и не столько с Господом, сколько с соседями фермерами. Именно там и устраивалось что-то

вроде смотрин, и Ива во время таких поездок частенько посещали не совсем благочестивые мысли. Но молитвы он еще помнил.

Наконец молитва закончилась, все уселись и принялись за еду. Ив несколько расслабился, однако оказалось, что сюрпризы еще не кончились. Стоило мужчинам зачерпнуть по одной ложке, как Окесиана метнулась к занавеске и достала из буфета несколько больших бутылок темного стекла с домашним бренди. Ив мысленно усмехнулся. Здешние крестьяне не начинали ни одного серьезного дела, не пропустив предварительно по стаканчику этого вонючего пойла.

Когда все утолили первый голод и было выпито уже с пяток стаканчиков, Остан обратился к Иву:

– Ну и как тебе у нас?

Ив отложил в сторону ложку и, слегка подавшись назад, повернулся к главе семьи:

– Нормально. Люди добрые.

– Люди... – Остан фыркнул и скривил губы в холодной, презрительной усмешке.

В деревне говорили, что он частенько поколачивает не только жену, но и взрослых сыновей и их жен, прошел даже слух, что он живет со старшей невесткой, но Иву в его пестрой жизни доводилось слышать о еще более странных вещах, так что он относился к этим слухам спокойно. Разбираться в том, что из этих слухов правда, а что – выдумка, ему было ни к чему. Единственное, на чем сходились все, было вот что: Остану лучше не перечить. Ив, не открывая рта, выжидательно смотрел на хозяина, а тот, вдруг весь передернувшись, сердито отшвырнул вилку и заговорил злобно, брызгая слюной:

– Тоже мне, люди... Голытьба и бездельники! Я вообще не могу понять, как это господин барон позволяет им так долго испытывать свое терпение. – Остан ощерился и стал похож на злобную большую крысу. – Слава богу, молодой барон, кажется, понял, что с этими лентяями не стоит церемониться, и взял хозяйство в свои руки. Те, кто не сможет выплатить ленные к началу лета, сильно пожалеют об этом. – Остан поджал губы и, бросив на Ива обеспокоенный взгляд, сбавил тон и дальше говорил уже спокойнее, даже попытался изобразить улыбку. – Так что скоро все пойдет как должно. – Он кивнул Окесиане, которая, как и остальные, сидела съежившись на своем месте, ожидая, пока у отца пройдет эта внезапная вспышка гнева. – Налей.

Окесиана проворно вскочила и, схватив бутылку, тут же осторожно наполнила стопки, стоявшие перед отцом и Ивом. Они молча выпили. Остан крякнул, подцепил вилкой соленый гриб и, отправив его в рот, снова обратился к Иву:

– Вот что, пришлый, у нас к тебе предложение. – Он сделал паузу, стараясь понять, как отнесется к этому Ив, но тот продолжал мерно жевать. Остан нахмурился, но решил все же продолжать дальше, хотя и говорил теперь уже не так живо, как начал. – В деревне о тебе говорят хорошо, да я и сам вижу, что ты не лентяй, с техникой управляешься неплохо, да и голова есть на плечах. Почему бы тебе не пойти ко мне в зятя?

Ив чуть не поперхнулся. Вот так предложенье. «Почему бы тебе не купить мою корову?» Остан принял его оторопъ за нерешительность и решил слегка поднажать:

– Окесиана у меня в самом соку, а в доме нужен парень с головой. На кого еще хозяйство оставить? На этих, что ль? – Остан презрительно кивнул в сторону сыновей, один из которых дернулся было, но сдержался и остался сидеть, как сидел. Лишь склонил голову к самой тарелке.

Ив молча прожевал гриб, проглотил и мотнул головой:

– Прости, хозяин, но я не собираюсь жениться... – Если бы Ив на этом и остановился, то все еще могло кончиться хорошо, хотя и это вряд ли. Но то ли местное пойло оказалось на этот раз слишком крепким, то ли еще по какой причине его развезло – и он совершил ошибку: вдруг решил дать Остану совет. Глубокомысленно наморщив лоб, он добавил: – Да и в любом случае это было бы не самое удачное решение.

Остан ошеломленно выпучил глаза и побагровел. Но Ив не заметил этого и продолжал заливаться соловьем:

– Посуди сам. – Тут он припомнил, как отец, договариваясь с банковским агентом об очередном кредите, подносил к глазам свои крупные, нагруженные руки и, перечисляя аргументы в свою пользу, загибал один за другим пальцы на левой руке, и с нетрезвым глубокомыслием решил повторить этот жест. – Ты ищешь такого мужа для своей дочери, который бы стал тебе хорошим подспорьем, но не смел бы тебе перечить, так же как и твои сыновья. Но это невозможно... – Ив походя отправил в рот кусок вареника, прожевал в полной тишине, проглотил и продолжил дальше: – Не пройдет и недели, как ты примешься давить на меня, как давишь на них, да только я не поддамся.

Ив сделал паузу и, глядя на Остана, заговорил снова:

– Ты думаешь, мой отец был сильно счастлив, когда я собрался покинуть ферму? – Ив развел руками и, покачнувшись, самодовольно улыбнулся. – Однако, как видишь, я тут, а не на ферме отца. Так что все кончится тем, что мы с тобой вдрызг разругаемся и...

Тут Ив наконец заметил мрачное выражение на лицах всех сидевших за столом и замолчал. Было видно, что его слова произвели совсем не тот эффект, которого он ожидал. Когда же он искоса взглянул на Остана, то все стало ясно. Они с Останом никогда ни о чем долго не разговаривали, так что тот и понятия не имел, что Ив за человек. Так, перебросятся парой фраз у трактора, когда Ив забирает его для работы, а Тараск в своих докладах обращал внимание больше на то, что ему казалось просто виртуозной работой за пультом трактора. К тому же Ив, встречаясь с хозяином, старался больше держать язык за зубами, помня о характере Остана и справедливо опасаясь получить от ворот поворот за какую-либо промашку, так что Остан слабо представлял, кого он наметил себе в зятя. На первый взгляд все выглядело неплохо. Пришлый парень, без родни, вроде без особых претензий – ведь не всякий согласился бы остаться жить у нищего Домата, – к тому же толковый и работающий, да и Окесиане нравится... Ив досадливо крякнул и поднялся из-за стола:

– Что ж, хозяйева, спасибо за угощение, – и направился к двери.

Да, как видно, трактора ему больше не видать как своих ушей, но убрать урожай Домат сумеет как-нибудь и на своем стареньком, а что до Остановых полей... Это уж не его проблема. Ив уже протянул было руку к ручке двери, когда его настиг резкий, визгливый окрик:

– Стой!

Ив замер и медленно повернулся. Остан смотрел на него, пылая злобой. Этот пришлый осмелился перечить ему. ЕМУ! Остан повел головой из стороны в сторону, словно пытаясь проглотить застрявший в горле ком, сглотнул и заговорил снова все тем же визгливым голосом:

– Я еще не решил, как ты будешь расплачиваться за трактор.

Ив удивленно покачал головой:

– Мы же решили еще до того, как ты первый раз позволил мне сесть за его консоль.

Остан скривил рот в презрительной усмешке:

– А я передумал!

От криков Остана с Ива слетел последний хмель, он почувствовал, что вот-вот взорвется. Но это было ни к чему. Он в упор посмотрел на Остана, усмехнулся и пожал плечами:

– А это уж твоя проблема.

Остан вздрогнул. Еще никто и никогда не смел так с ним разговаривать. Кроме молодого барона. Но тот стоял слишком высоко на иерархической лестнице, а этот пришлый... Остан оскалился:

– А ну, сыны, поучите-ка его вежливому обращению.

Сидевшие за столом парни все трое разом отодвинули табуреты и, вскочив на ноги, двинулись на Ива. Тот удивленно воззрился на Остана:

– Послушай, хозяин, не надо бы этого. Сказать по правде, я ведь во время своих странствий занимался не только крестьянской работой... – Тут Ив присел, пропуская над головой тяжелый кулак, и увернулся от другого. Поначалу он рассчитывал обойтись легкой потасовкой с минимальными повреждениями, но, взглянув мельком на пышущего злобой Остана, понял, что дело плохо. Он стиснул зубы, увертываясь от пинка в пах, и скользнул в боевой режим.

Когда Ив остановился и понизил скорость восприятия, по ушам ему ударил многоголосый женский крик. Остановы невестки вопили, уставившись на валявшихся на полу мужей, но не решаясь броситься к ним на помощь, а Окесиана как замороженная смотрела на него. Впрочем, невестки, как показалось Иву, вопили скорее из страха перед свекром, чем перед ним. Остан с побелевшим лицом сидел, откинувшись к стене. Ив полоснул его суровым взглядом, шагнул к поверженным противникам и пощупал пульс у всех троих, чем вызвал новые вопли невесток. Он так давно не занимался ничем подобным, что испугался, уж не переборщил ли он. Без тренировки в режиме ускоренного восприятия легко было не рассчитать силы и ударить крепче, чем нужно, а ведь если не считать стычек с приятелями Никатки, то последний раз он серьезно дрался почти десять лет тому назад... или сто сорок пять тому вперед, это уж как посмотреть. Но, слава богу, все обошлось, мужики были живы и почти здоровы, хотя кое-где у них будет два-три дня довольно сильно болеть, а в одном месте даже подольше. Ив окинул взглядом испуганные женские лица и, посмотрев на Остана, покачал головой:

– Зря ты это, – повернулся и вышел из комнаты.

Услышав стук двери, захлопнувшейся за Ивом, Остан проглотил слюну и в бессильной ярости смахнул со стола на пол попавшиеся под руку тарелки. Потом обвел злым взглядом съжившихся родичей и прошипел сквозь зубы:

– Он мне за это заплатит.

Ив затынул горловину мешка и окинул взглядом комнату. Домат и Сутрея понуро сидели на скамье, неотрывно следя за ним глазами. Иву вдруг стало неловко, он отвернулся и еще раз окинул глазом убогую комнатенку, ставшую такой привычной за семь с лишним месяцев. За зиму он заново проконопатил щели между древесными стволами, а за окном блестели свежей эмалью новый чан и бесматкоровая колонна. Под новый урожай управляющий барона выдал Домату кредит. Слава богу, это произошло еще до того, как Ив рассорился с Останом, а то бы не видать им этого кредита как своих ушей. Когда управляющий решил пойти на попятную, было уже поздно – кредит был уже полностью перечислен на счета «Дженерал сторм Варанга компани», а пятисотгаллонный хлорелловый чан и бесматкоровая колонна-миньон на подворье барона были абсолютно не нужны. Управляющий, несмотря на неистовство Остана, скрепя сердце решил дожидаться урожая. Ибо за пропавший кредит барон взгрел бы его почем зря, а так хоть была надежда, что деньги все-таки вернутся.

Однако Остан не унимался. Два дня назад он заявился к Домату вместе с молодым бароном. Как раз во время завтрака дверь с грохотом распахнулась, и на пороге возник высокий, стройный молодой человек с тонкими усиками над верхней губой и надменным выражением лица. Сутрея вздрогнула, а у Домата задрожали руки. Молодой человек шагнул через порог и, брезгливо оглядывая комнату, стянул с рук перчатки. Ив посмотрел в окно. На дворе стояли с десяток дюжих парней в ливреях, очень похожих на те, в которые были одеты мужики, встретившиеся ему на дороге прошлой осенью, а рядом маячили фигуры Остана и его старшего сына, которые явно чувствовали себя не в своей тарелке. Хотя Остан, как обычно, хорохорился. Домат вскочил с трясущимися губами и, подбежав к гостю, неловко бухнулся на колени:

– Ва-ва-ваше...

Молодой человек небрежно отмахнулся и, обойдя стоявшего на коленях Домата, уселся на его место:

– Перестань, хозяин Домат, что за замашки времен Терранского средневековья!

Ив понял, что эта фраза была обращена скорее к нему и должна была показать, что молодой барон достаточно образован, чтобы знать и о прародине человечества, и о средневековье. Ив оценил и саму фразу, поскольку сам узнал об этом только в Симаронском университете, и побудительные мотивы, которые заставили молодого барона произнести ее. Барон между тем повернулся к Иву и в упор уставился на него, разглядывая с уверенной бесцеремонностью человека, который считает себя вправе руководствоваться только своими собственными желаниями и решениями, не обращая внимания на мнение окружающих. Во всяком случае, тех, которые сейчас находились рядом с ним. Ив усмехнулся про себя и неторопливо отложил вилку, всем своим видом показывая, что он бывал и в лучших компаниях, но стараясь, однако, чтобы это выглядело не слишком вызывающе. Кто его знает, что может прийти в голову этому хлыщеватому типу? В подобных деревнях всякое громкое происшествие становится предметом пересудов на долгие годы. Он и так уже за зиму дал достаточно пищи для разговоров, а после стычки в Остановом доме... Так что, возможно, еще лет десять, рассказывая о каком-то семейном событии, тут будут уточнять: «Так это было через год после того, как у хозяина Домата зимовал тот пришлый». Но что делать? Он не мог спокойно смотреть, как из-за болезни хозяина окончательно рушится хозяйство, да и

весь тот нехитрый мирок, в котором жили Домат и Сутрея. Если бы он сидел сложа руки, то вслед за ним по проселкам Варанги отправились бы в путь и Домат с дочерью, гонимые нищетой. А сейчас у них появился шанс. Но все же Иву не хотелось слишком сильно светиться.

Молодой барон отвел взгляд от Ива, лениво протянул руку над столом, взял кончиками пальцев немножко капусты с деревянного блюда и, отправив в рот, снова повернулся к Домату, все еще стоявшему на коленях:

– Ну что, хозяин Домат, когда будешь отдавать долг?

– Ваша милость... Да я... Да если...

Барон поморщился:

– Ай, перестань, Домат, ты обещал мне еще прошлой осенью, что к весне найдешь деньги. И, как я слышал, ты их действительно нашел. – Он наклонился вперед, уперев в Домата настойчивый взгляд, и продолжил злобно-вкрадчивым тоном: – И куда же ты их дел?

Домат задрожал. Тут Ив не выдержал и вмешался:

– Ваша милость, разве эти деньги пропали? Если вы сейчас отберете усадьбу и найдете на нее покупателя, то стоимость ее уже будет почти в полтора раза больше, чем в прошлом году, а если согласитесь подождать, то через два года вернете все до последнего цента. На третий год получите еще и хорошие проценты по отсрочке.

Барон повернулся к Иву и смерил его насмешливо-удивленным взглядом, делая вид, будто только сейчас заметил его присутствие, однако, когда он заговорил, в голосе его слышалась злость.

– И кто это тут решил, что может давать советы МНЕ? – Барон все еще старался сохранить легкий, насмешливый тон. Но злость прорывалась наружу, несмотря на все его старания. Тем более что он не привык сдерживать свои чувства.

Ив тут же пожалел о своем порыве, запнулся и, стараясь не встречаться глазами с бароном, сказал, пожав плечами:

– Я что, решать вам, ваша милость.

Барон скривил губы в улыбке:

– Тут ты прав, пришлый, решать мне. – Он поднялся и, подойдя к окну, махнул рукой. Мгновение спустя появился Остан, его сын и четверка лакеев.

Остан шагнул через порог, со злорадством посмотрел на коленопреклоненного Домата, не преминул кинуть злобный взгляд на Ива, стянул с головы шапку и с какой-то странной смесью подострастия и кичливости поклонился молодому барону. Тот небрежно кивнул в ответ и спросил, презрительно цедя сквозь зубы:

– В чем ты обвиняешь этого человека, хозяин Остан?

Остан злобно ощерился и визгливо затараторил:

– Нанесение ущерба здоровью, оскорбление и хула, небрежение обязательствами.

Барон повернулся к Иву. Тот пожал плечами:

– Простите, ваша милость, но обвинение ложно.

Барон пренебрежительно усмехнулся:

– Ты что, обвиняешь одного из самых уважаемых хозяев деревни в нарочитой лжи?

Ив понял, что рассчитывать на то, что удастся остаться незаметным и незамеченным, больше не приходится. Но делать было нечего. Он почувствовал, как в душе закипает злость, поднял глаза на барона и, спокойно встретив его взгляд, проговорил, отчетливо произнося каждое слово:

– Да, я считаю, что обвинение хозяина Остана есть не что иное, как месть с его стороны за то, что я не согласился стать его зятем.

Наступила мертвая тишина. Слова Ива, сказанные им при полудюжине свидетелей, уже сегодня же к вечеру разнесутся по всей деревне, и, если раньше многие осмеливались говорить о причинах конфликта Ива с Останом лишь шепотом, то теперь, вне всякого сомнения, это заявление станет главной новостью недели на две, не меньше, и все это время ни Остану, ни Окесиане, ни ее матери лучше будет не показывать носа на улицу. Да и остальным членам большого Останова семейства тоже. Засмеют. Остан побагровел, а его сын даже на миг забыл о трепке, полученной недавно от Ива, и угрожающе качнулся вперед. Правда, он тут же опомнился и, покосившись на отца, замер у его плеча в несколько нелепой позе. Барона же, напротив, слова Ива и последовавшие за ними телодвижения Останова сына только позабавили. Вдоволь насладившись картиной, он повернулся к Иву и, растягивая слова, произнес:

– И ты можешь это доказать?

Ив молча достал из кармана простенький визирекордер и бросил на стол. Барон заинтересованно посмотрел на вещичку, потом снова повернулся к Иву. Несколько мгновений они смотрели в глаза друг другу, затем Ив, решив, что не стоит еще больше обострять ситуацию, заставил себя отвести взгляд в сторону. Барон, приняв это как свою победу, чуть искривил кончики губ в некоем подобии улыбки и, наклонившись вперед, негромко произнес:

– Допустим, этот так, но здесь я – суд и именно я решаю, какие доказательства принимать во внимание, а какие нет.

Ив насмешливо улыбнулся:

– В сорока милях отсюда космопорт, а там представитель планетарного трибунала, так что... – Он развел руками, давая понять, что вопрос не столь однозначен, как кому-то кажется.

Барон, хихикнув, добавил:

– Так ведь туда надо еще добраться.

Ив с улыбкой пожал плечами. Барон побагровел и, повернувшись к своим людям, свирепо рявкнул:

– А ну-ка прочтите этого...

Лакеи грозно двинулись на Ива. Домат охнул, Сутрея тоненько вскрикнула. Ив быстро оглядел противников. Здоровенные туши, увитые сырыми, узловатыми мышцами. Он мысленно сморщился: «Быки – грубая сила и никакой сноровки». Даже не будь у него необычных способностей, они все равно не представляли бы серьезной угрозы для дона-ветерана, пусть и растерявшего некоторые свои навыки за десятилетие сытой, спокойной жизни. Однако драка в комнате означала бы порядочный разгром, так что лучше было бы переместиться во двор, а если уж драться тут, то надо покончить со всем быстро и круто. Ив решил, что, пожалуй, последнее предпочтительнее, если учесть, что во дворе толпилось еще человек семь. Это обещало не слишком кратковременную схватку, без крови дело явно не обошлось бы: несколькими молодцам так или иначе пришлось бы что-нибудь да сломать, иначе потасовке не было бы конца. «Итак, деремся тут. Ладно, где наша не пропадала». Ив привычно скользнул в боевой режим и прямо с лавки стремительно бросился вперед, поднырнув под замершую в воздухе руку с плеткой и в броске мягко толкнув ее так, чтобы лакей грохнулся на спину посреди комнаты, не задев ничего из обстановки. За пять шагов,

отделявших его от двери, Ив легкими тычками расшвырял находившихся в комнате лакеев и Остана с сыном, метя так, чтобы все шмякнулись об стену там, где ничего не стояло. И все же, видимо, перестарался, поскольку от почти одновременного удара дюжих тел о бревенчатые стены дом вздрогнул и со стены рухнула полка с посудой.

Ив остановился на пороге, вышел из боевого режима и, небрежно усмехнувшись, кивнул в сторону окна:

– Те, что на дворе, тоже пришли меня учить?

Барон, ошалело переводивший взгляд с одного скорчившегося тела на другое, при этих словах Ива вздрогнул и, слегка пошатнувшись, повернулся к нему. Мгновение он испуганно смотрел на Ива, затем, опустив глаза, хрипло пробормотал:

– Э... Как это тебе удалось?

Ив усмехнулся:

– Как я уже говорил хозяину Остану, когда он приказал сыновьям проделать со мной что-то вроде этого, во время странствий мне приходилось заниматься не только крестьянской работой.

Барон помолчал, наморщив лоб и словно бы о чем-то напряженно размышляя, потом поднял глаза на Ива:

– Слушайте, э-э... – Барон выразительно смотрел на Ива, давая понять, что хотел бы обратиться к нему по имени, но Ив продолжал молчать, решив: после всего, что произошло, тот обойдется и без представления, и барон сдался: – Милейший, вы бы не хотели вступить в мою дружину?

Ив скривился:

– Чтобы грабить беженцев на дороге?

Барон вздрогнул, как от пощечины, а Ив между тем продолжал:

– Не беспокойтесь, барон, я собираюсь не позже чем через пару дней отправиться дальше, – и, заметив, какой радостью блеснули под стеной глаза Остана, добавил: – Впрочем, я намерен в ближайшие год-два еще раз посетить здешние места, скорее всего, вместе с группой... старых приятелей, проведать своих друзей, посмотреть, как у них идут дела... – И после грозной паузы закончил: – И навести порядок, если кто портит им жизнь.

Барон покраснел и скрипнул зубами, но не решился произнести ни слова. А Ив еще раз обвел взглядом присутствующих, избегая смотреть лишь на Домата и Сутрею, круто повернулся и вышел за дверь, направившись в дальний конец дома, туда, где помещался хлев. Для этого у него не было особых причин, но он решил не создавать лишних проблем хозяевам – надо было дать возможность гостям покинуть дом так, чтобы не казалось, будто он их вышвырнул. Когда через несколько минут он вернулся, в комнате были только Домат, бросивший на него испуганный взгляд, и Сутрея, которая, не поднимая головы, сметала осколки посуды сорговым веником. Ив вздохнул. Наверное, все это время он действовал не так. Вместо достатка и безопасности он оставляет Домату и Сутрее близкое ожидание нищеты и страх. Ни барон, ни Остан никогда не простят им того унижения, которое испытали. О господи, Творец прав: все, что из него получилось, – это неплохой рубака и повеса и ему никогда не стать ничем большим. Ив горько усмехнулся и пошел кидать навоз в горловину бесматкоровой колонны. Слава богу, хоть в этом деле от него был какой-то прок.

И вот настал день, когда Ив должен был покинуть этот дом и его обитателей, так и не придумав ничего, что могло бы им помочь. За последние два дня к ним не заглядывала ни одна соседка и ни одна Сутрейна подружка. Они оказались в некоем вакууме, будто

выброшенные из жизни деревни, которая затаилась в ожидании, чем же все кончится. Ибо никто, даже сам Ив, не тешил себя надеждой, что молодой барон стерпит то, что с ним произошло. Счастливчик разрывался между желанием остаться и опасением, что от этого может стать только хуже. К тому же нужно было возвращаться в большой мир. Он достаточно долго задержался на задворках, чтобы его преследователи потеряли след или, по крайней мере, отклонились от верного пути. Ив вздохнул и закинул мешок за плечо:

– Ну... Прощайте, хозяева.

Домат подошел к Иву, неловко стиснул ему руку и тут же отошел в сторону, а Сутрея протянула ему узелок и, моргнув поблескивающими глазами, ткнулась дрожащими губами в его щеку. Ив слегка смутился, до сих пор его отношения с женщинами были несколько вольнее. За одним исключением. Но о нем он уже давно не смел упоминать всуе. Ив еще немного потоптался, потом повернулся и шагнул было к двери и тут же остановился, ибо в следующее мгновение дверь распахнулась и на пороге показался молодой барон. Ив чуть не скользнул в боевой режим, настолько сильно на него пахнуло опасностью, но за спиной барона смутно виднелся только один человек – судя по смеси запахов навоза, кислой капусты и пота, это, скорее всего, был Остан. Ив еще раз внимательно ощупал окружающее пространство, до предела обострив восприятие, но ближайший лакей барона был шагах в сорока от дома, в соседнем переулке, за штурвалом краулера, в кузове которого теснилось еще десятка два бароновых прихвостней. Ив немного расслабился. Судя по всему, если что-то и должно было произойти, то не тотчас. Пока он занимался оценкой обстановки, барон в упор смотрел на него, и, когда взгляд Ива снова сфокусировался на лице барона, тот улыбнулся, демонстрируя нарочитое дружелюбие, и шагнул вперед:

– Слава богу, мы тебя застали. – Барон протянул руку и, заметив, что Ив не делает ни малейшей попытки пожать ее, просто поднял ее выше и как бы дружески потрепал Ива по плечу. – В прошлый раз мы расстались не очень дружески, а мне не хотелось бы, чтобы о том, как принимают гостей в вотчине баронов Юксулей, пошли дурные слухи. – Барон сделал паузу и, улыбнувшись своим мыслям, повторил: – Да, не хотелось бы, чтобы пошли дурные слухи.

С этими словами барон, обойдя вокруг Ива, не спеша приблизился к столу, окинул оценивающим взглядом Сутрею и с улыбкой обратился к Домату:

– Что же это ты, хозяин, так гостя отпускаешь, не накормишь на дорожку?

Домат, испуганный донельзя, мелко закивал и кинулся за занавеску, а барон гаркнул ему вслед:

– Только посуду, хозяин Домат, выпивка и закуска у нас с собой, – и, повернувшись к двери, позвал: – Эй, хозяин Остан, неси корзинку.

За занавеской что-то громынуло. Ив скачком усилил восприятие и увидел Домата – тот, бессильно опустившись на лавку, утирал вспотевшее лицо потрепанным полотенцем. Ив вздохнул. Пожалуй, он ошибался – что-то все-таки должно произойти именно здесь, в доме. На мгновение мелькнула шальная мысль: а не прикончить ли на месте барона и Остана? Он отмахнулся от нее и шагнул к столу. Посмотрим, что будет дальше.

Не прошло и десяти минут, как стол был накрыт и странная компания расселась по лавкам. Остан, ни на кого не глядя, поднял здоровенную двухгаллонную бутылку с домашним бренди и разлил мутноватое варево по стаканам, после чего уселся, положив руки на стол. Ив заметил, что они слегка дрожат. Барон бросил на Остана презрительный взгляд, поднял свой стакан и повернулся к Иву:

– Ну, пришлый, счастливого пути.

Ив усмехнулся:

– Что-то слишком много провожатых ты с собой привез. За каждым углом по пять человек.

Барон вздрогнул и быстро вытер лоб, однако на лице его снова заиграла улыбка. Он поднял стакан и вылил содержимое себе в рот, следом торопливо опорожнил свой стакан Остан, а за ним и все остальные. Ив выпил последний. Ставя на стол пустой стакан, он вдруг заметил, как глаза барона полыхнули радостью, и понял, что сделал что-то не то. В следующее мгновение Домат вдруг застонал и схватился за живот. Сутрея, которая сидела на краю лавки, судорожно всхлипнула и рванулась к отцу, но барон протянул руку и, поймав ее за рукав, с силой отшвырнул назад, потом повернулся к Иву и злорадно прорычал:

– Значит, любого поборешь, а попробуй теперь крысиный мор побороть.

За ним забормотал и Остан, давась от судорожного смеха:

– Встанет им поперек горла наше угощение.

Домат рухнул на пол и с кряхтеньем и стонами засучил ногами. Ив прислушался к своим ощущениям: да, у него в желудке словно разгорался пожар. Он удивленно посмотрел на свои руки – они дрожали. Неужели его бессмертие – фикция и его, способного выдержать в упор залп лучевого пистолета, можно самым банальным образом отравить? Ив гневно оскалил зубы. Кому нужно такое бессмертие? Перед глазами заколыхалась белесая пелена. Все окружающее стало каким-то размытым, и только чьи-то глаза с сузившимися зрачками, горящие злобой и торжеством, были видны четко, до последней прожилочки, до каждого лопнувшего сосудика. У Ива мелькнула мысль: а может, все правильно, он слишком уверовал в свою неуязвимость, за что и поплатился. Он попытался подняться, но кто-то, вроде бы барон, ударил его по лицу, и он упал навзничь. Где-то на периферии сознания звенел дикий крик Сутреи. Он почувствовал, что в комнату вошел еще кто-то, потом на него плеснули чем-то жидким и вонючим, за этим последовало несколько ударов и чей-то незнакомый голос пророкотал, странно растягивая слова, а может, это делало его искаженное сознание:

– С-с-смот-т-три-ка, е-е-еще шев-е-е-елит-т-т-ся. – Потом, спустя мгновение, тот же голос произнес: – П-п-прощай, чуж-ж-ж-жак.

Собрав все силы, Ив прошептал:

– Барон...

Тот же голос удивленно пробормотал:

– Бо-о-о-оже, он-н-н еще гов-в-ворит, а отец И-и-иеремиа о-о-обещал, что не п-п-п-протянет и ми-и-и-нуты.

– Барон... Мы еще встретимся, – тихо сказал Ив, вложив в эти слова последние силы.

Его угасающее сознание уловило раскатистый смех, потом прежний голос пробормотал:

– Прико-о-о-ончить е-е-его.

Ив почувствовал страшную боль в груди, там, где было сердце, потом взорвался болью череп, живот, пах – и наконец все закончилась. Остался только мучительный жар, который становился все сильнее и сильнее. А потом его унесла черная мгла.

Барон смотрел на полыхающий дом, заслонясь рукой в перчатке от обжигающего жара. В пяти шагах от него, в грязной луже, выла нагая и избитая Сутрея. Когда жар от горящего дома стал слишком силен, а бароновы молодцы, насытившись, оставили ее, она приподнялась и, опираясь на дрожащие руки, поползла к дому. Но когда ее волосы стали потрескивать от огня, она не выдержала, рухнула на землю и дико завывала. От этого воя кровь стыла в жилах.

Барон достал лучевик, шагнул вперед и, приложив дуло к затылку девушки, нажал на спуск. Сутрея захлебнулась криком и затихла. Барон обернулся и, кивнув Остану, который с каким-то первобытным ужасом смотрел на него, небрежно усмехнулся и произнес:

– Вот и все, хозяин Остан, можешь считать, что его поле теперь твое. – Он подошел к Остану вплотную и, приблизившись к самому его лицу, добавил: – И всегда помни о том, что происходит с теми, кто попытался перейти мне дорогу.

Ив с трудом разлепил обгорелые веки и повел глазами по сторонам. Если бы то, что осталось от его губ, могло пошевелиться, наверное, он попытался бы улыбнуться. Тот ли это был свет или нет – только Ив здесь уже был, и не раз. Он лежал на прохладной, идеально ровной поверхности, а воздух вокруг был наполнен золотистой дымкой. Боль, заполнявшая, казалось, каждую клеточку его изуродованного тела, как будто утихла, сделалась как бы неощутимой, лишь слабо напоминая о себе. Ив, опираясь на руки, со стоном приподнялся.

– Ну, наконец-то...

Ив дернул головой в ту сторону, откуда раздался голос, и заскрипел зубами. Боль, почти неощутимая, пока он не двигался, при малейшем движении обжигала пламенем.

– Ладно, лежи, я подожду.

Перед Ивом возникла худая, жилистая фигура мужчины с иконописным лицом и такими знакомыми ехидными глазами. Мужчина, сидевший в удобном, старомодного вида кресле, окинул его критическим взглядом и поморщился:

– Ну и что теперь?

Вопрос был чисто риторический, поэтому Ив промолчал. Творец спросил:

– И во что ты вляпался на этот раз?

– А то ты не знаешь, – сердито буркнул Ив, пытаясь осторожно согнуть ноги в коленях. Это ему удалось, но от боли перед глазами еще с минуту плясали огоньки.

Творец покачал головой:

– Да-а-а, пожалуй, кто увидит тебя в таком виде, уже никогда не станет называть тебя Счастливым.

– Что, так плохо?

– А то ты не чувствуешь...

Ив, скривившись, осторожно кивнул головой. Они помолчали. Творец шевельнул пальцами. Перед Ивом тут же возник низкий столик, очень похожий на те, что так любили в султанате Регул, уставленный блюдами с фруктами.

– Подкрепись, похоже, тебе это сейчас не помешает.

Ив в нерешительности помедлил, однако привычки донов все же взяли верх, и он медленно протянул руку к разрезанному арбузу, взял лопатку и впился в него зубами. Творец удовлетворенно кивнул.

Когда Счастливчик, довольно вздохнув, отодвинулся наконец от столика, Творец окинул насмешливым взглядом учиненный им разгром – и столика как не бывало.

– И что ты теперь собираешься делать?

Ив ответил вопросом на вопрос:

– Я жив?

Творец сделал неопределенный жест рукой:

– Скажем так – ты не совсем мертв. Чем все это кончится – зависит только от тебя.

– То есть?.. – удивился Ив.

– Ну, не вечно же мне выпутывать твою задницу из всего, во что ты умудряешься вляпываться, – Творец ехидно прищурился, – или ты понял прозвище Вечный именно так?

Ив недовольно поморщился:

– Как ты помнишь, до нашей первой встречи я как-то обходился без твоей помощи.

Творец кивнул:

– Но позже ты принял на себя кое-какие обязательства, или я не прав?

Ив молчал. Да и что было говорить? Творец усмехнулся:

– И чем ты занимаешься?

Ив недоуменно посмотрел на него:

– Но ведь ты же сам сказал...

– Что?

– Ну... Ты же сам... это... в смысле интеллекта.

– Верно. – Творец снова растянул губы в своей обычной ухмылке и повторил свой вопрос: – Ты чем занимаешься?

Счастливец никак не мог понять, чего тот хочет.

– То есть как это чем?

Творец поднялся с кресла, воздел руки вверх, как если бы говорил: «Господи, дай мне терпения с этой бестолочью», что в данном случае выглядело несколько забавно, прошелся туда-сюда перед Ивом и, повернувшись к нему, снова заговорил:

– А если бы я отправил тебя в эту, как ее, средневековую Европу или, еще хлеще, в Древний Египет, ты бы тоже прямым ходом отправился в университет?

Ив сверлил непонимающим взглядом дырку во лбу Творца. Из всего сказанного им он понял только то, что в названных им абсолютно незнакомых ему местах тоже были свои университеты. Творец сокрушенно покачал головой и остановился перед Ивом:

– Понимаешь, все так называемые знания, которыми вы обладаете, – это... – Он запнулся и сделал замысловатый жест рукой. – Ну вроде представлений древних людей о том, что Земля плоская или что звезды движутся по небу потому, что закреплены на вращающемся хрустальном куполе...

Слова Творца заставили Ива улыбнуться, хотя до него все никак не доходило, о чем же все-таки идет разговор. Тот, по-видимому, это понял, потому что сокрушенно вздохнул и опустил в кресло, мгновенно возникшее под его сухопарым задом.

– Ну как бы тебе объяснить... – Он на мгновение задумался, скептически улыбаясь. – Представь себе, что некий слепец наткнулся на осла и дернул его за хвост. – Он замолчал, испытующе глядя на Ива, а тот невольно улыбнулся, представив себе эту картину. Заметив его улыбку, Творец удовлетворенно кивнул и продолжил речь с заметным энтузиазмом в голосе: – Так вот, сначала он со страху принялся наделять это непонятное существо всякими сверхъестественными чертами. Но время шло, и постепенно слепец понял, что осел, который представлялся ему состоящим только из хвоста и глотки, вполне управляем. С течением времени он научился, соразмеряя силу и продолжительность рывка, добиваться желаемой громкости и продолжительности крика. Потом оказалось, что осел может двигаться и даже перевозить грузы, так что к представлениям слепца об осле прибавилось понятие спины и, вероятно, пары ног, ведь столько же у него самого. – Творец немного помолчал, давая время Иву вникнуть в его притчу, и жестко закончил: – Так вот, современное тебе общество отличается от древних людей только тем, что научилось дергать за хвосты много разных ослов.

Когда до Ива дошел – с некоторым запозданием – смысл сказанных слов, он чуть не подскочил от возмущения:

– Но...

– Ты собираешься спорить со МНОЙ?! – с иронией воскликнул Творец.

Это был убийственный аргумент, и Счастличик оборвал себя на полуслове. Они помолчали. Наконец Ив уныло спросил:

– А чем же я должен был заниматься?

Творец покачал головой:

– Я надеялся, что ты сам это поймешь, – и добавил ворчливым тоном: – И какого дьявола я все это делаю?

Однако Ив не успел разобрать этих слов – его подхватило и понесло. Из далекой дали до него донесся затухающий голос Творца:

– Даю тебе еще один шанс, но учти, это последний.

И Счастличик понял, что на этот раз вляпался во что-то гораздо более серьезное, чем когда-либо прежде.

Когда звезды на востоке поблекли, все еще дымившаяся груда углей вдруг зашевелилась и из-под кучи пепла показалась рука, обгоревшая почти до кости. Рука пошевелила пальцами, потом замерла, будто отдыхая, а затем поползла дальше вверх. Вскоре показалось плечо, потом шея, лысая, обгоревшая голова, и вдруг в воздух взметнулось целое облако пепла. Когда он осел, оказалось, что на углях стоит черная фигура, чем-то напоминающая пришельца из преисподней. Фигура покачнулась и рухнула на одно колено, и если бы кто-то наблюдал эту сцену, он решил бы, что она сейчас рассыплется по кусочкам, по косточкам и осядет кучкой праха, однако фигура каким-то чудом осталась цела. Постояв какое-то время неподвижно, видимо собираясь с силами, фигура наклонилась, подобрала обгорелую доску и, опираясь на нее, выпрямилась. Немного постояв, она двинулась затем с каким-то глухим скрипом и скрежетом в сторону темневшего неподалеку леса.

– Убери граблики, урод.

Фуг Стамеска пнул Убогого по вытянутой ноге и, харкнув так, что плевок попал Убогому на рукав, важно прошествовал мимо. Убогий, при первых же звуках торопливо отодвинувшийся в угол, уже привычным жестом поправил наброшенный на голову капюшон, сшитый из какого-то тряпья, – он закрывал большую часть изуродованного лица, пряча пустую левую глазницу, – и проводил Фуга Стамеску затравленным взглядом. Он жил в этой ночлежке, расположенной в двух шагах от космопорта Варанги, уже третий месяц. Он не помнил ни того, как попал сюда, ни того, кто он такой. Мамаша Джонс, добродушная чернокожая женщина средних лет и не меньше трехсот фунтов весом, являвшаяся чем-то средним между хозяйкой и кухаркой и потому пользовавшаяся у обитателей ночлежки авторитетом, рассказала ему, что его приволок Грязный Буч. Он наткнулся на Убогого, возвращаясь в ночлежку перед самым рассветом, и принял его в темноте за Слезливого Гржимека, одного из старожиллов ночлежки, промышлявшего нищенством у задних грузовых ворот космопорта. И немудрено было перепутать – от Убогого изрядно пахло гарью и мочой, что было одним из характерных признаков Гржимека. Когда же Буч обнаружил, что приволок не того, то ругался чуть ли не полчаса. Да только было уже поздно. Уж так повелось, что обитатели ночлежки никогда ничего не выбрасывали, стараясь приспособить для дела даже самый что ни на есть завалящий предмет. Даже такой вонючий и обгорелый, каким был Убогий. Сначала его оставили в покое, дав время отлежаться, и первую неделю мамаша Джонс даже некоторым образом ухаживала за ним, делая это, впрочем, больше по доброте душевной, чем из каких-то иных соображений.

Обитателей ночлежки, людей опустившихся и давно махнувших на все рукой, отличала среди прочих особенностей невероятная живучесть. Поэтому все решили, что раз он, несмотря на столь страшный внешний вид, до сих пор не окочурился, то, значит, будет жить. А раз так, то о своем пропитании пусть сам и позаботится. После чего мамаша Джонс погрузилась с головой в свои дела, и статус Убогого скатился в самый низ местной таблицы о рангах. Убогий полежал еще несколько дней в дальнем углу ночлежки, потом голод заставил его подняться, и вот уже второй месяц он числился в помощниках у мамыши Джонс, делая кое-что по хозяйству. Хотя толку от него пока что было немного. Руки слушались его все еще плохо. Правая уже почти совсем восстановила подвижность, и основная проблема была в том, что на пальцах почти не осталось плоти, а вот с левой дело обстояло намного хуже. Но самое ужасное было не это – он ничегошеньки не помнил. Ни имени, ни кем он был раньше, ни даже того, кто и за что его так изуродовал. Это не была полная амнезия, когда стираются абсолютно все воспоминания, так что человека приходится заново учить самым элементарным вещам, но вся его сущность, привычки, воспоминания детства и всей остальной жизни, короче, все то, что и составляет человеческую личность, все это было утрачено. Кто-то хорошо поработал над его мозгом. Как и над всем остальным. Похоже, этот кто-то очень хотел, чтобы не только у Убогого не осталось никаких воспоминаний, но и из этого мира исчезла всякая память о том, что данная личность когда-то существовала. Судя по ожогам, его, прежде чем бросить в огонь, хорошенько полили каким-то маслом или иной горючей жидкостью, отчего на пальцах левой руки сухожилия сгорели почти полностью и он лишился нескольких фаланг. Как и почему это случилось, он совершенно не помнил. В

памяти осталось только ощущение нестерпимой боли и удивление пополам с недоверием. Будто он никак не мог поверить в то, что все это произошло именно с ним. Словно с тем, кем он был тогда, не могло приключиться ничего подобного. И это удивление вновь и вновь всплывало в его беспокойных снах. Однако до его переживаний никому не было дела. Здесь действовал один принцип – как хочешь, так и выживай, а сдохнешь – что ж, туда тебе и дорога. Так что каждый выживал как мог. Кто нищенствовал, кто воровал, кто грабил, кто перебивался случайными разгрузками в космопорту, кто нанимался на сезонную работу к крепким хозяевам в близлежащие деревни, остальные лизали зад всякому, кто хоть что-то имел, и за это получали право подбирать упавшие со стола крохи. Убогому было отведено место среди последних.

– Эй, Убогий, там в котле немного мучной болтушки, можешь дохлебать. А как закончишь – помоешь котел.

Голос мамыши Джонс оторвал его от тягостных раздумий. Он торопливо кивнул и, опираясь на стену, поднялся на ноги. Сегодня ему повезло. По меркам Убогого, его ждал роскошный ужин, если, конечно, его не опередит кто-нибудь такой же убогий, но покрепче и пошустрее. А потому следовало торопиться. Он подтянул костыль, сделанный из той самой доски, с помощью которой уковывлял со смутно припоминаемого пепелища, – дерево хорошо прокалилось, и когда счистили верхний слой, то под углями оказалась крепкая, неповрежденная сердцевина, – и торопливо двинулся к закутку с очагом, служившему кухней мамаше Джонс. Слава богу, он успел раньше остальных.

Вечером, лежа на своей подстилке в самом сыром углу ночлежки, он в сотый раз мучительно думал о том, кто же он такой. Это уже стало навязчивой идеей. Временами ему казалось, что еще чуть-чуть – и он вспомнит что-то очень важное, может быть даже все, но это ощущение проходило, и он оставался наедине с тем обрубок человека, которым стал.

Мимо, ругаясь сквозь зубы, протопали три «ночных богомола», как в ночлежке звали громил, промышлявших тем, что грабили подгулявших завсегдатаев припортовых баров. Один из них бросил в его сторону брезгливый взгляд и поморщился. Убогий этого не заметил, но инстинктивно поежился и судорожным движением поглубже зарылся в кучу грязных, вонючих тряпок, будто стараясь спрятаться от своих мучительных мыслей. Он уже привык к этой вони, но где-то в глубине подсознания сохранилось ощущение того, что тот, кем он был раньше, вряд ли бы стал терпеть подобную вонь даже в течение минуты. И это воспоминание – скорее даже намек на его прежнее «Я», случайно пробившийся сквозь стену, которая отделяла его от собственного прошлого, – согревало душу Убогого сильнее, чем лишняя ложка мучной болтушки. Но сейчас он был совершенно другим человеком, и этот человек был даже рад этой вони, потому что благодаря ей он мог быть спокоен, зная, что на тряпки, служившие ему одеждой и постелью, никто не покусится.

Из темноты показалась грузная фигура Грязного Буча. Тот до сих пор не мог простить себе, что приволок в ночлежку «этого урода». Убогий вжался в стену и подгрел тряпки ближе к себе, но на этот раз Буч прошел мимо, едва удостоив его взглядом. Когда его громоздкая фигура исчезла за углом, Убогий облегченно вздохнул. За последние два месяца он научился многому из того, что крысы знают от рождения. А также чего можно ожидать от человека, который считает тебя намного ниже себя и абсолютно уверен в собственной безнаказанности. Знать это было жизненно необходимо. Главное же из всего, что он успел понять за последние недели, было следующее: его первейшая забота – выжить, ни о чем другом он не должен даже думать. Все, что выходит за этот четко очерченный круг, любая

мысль и переживание – в его положении nepозволительная роскошь.

Мамаша Джонс подняла его на рассвете. Выглядел этот подъем довольно бесцеремонно. Убогий проснулся от чувствительной затрецины, и, пока он ошеломленно хлопал глазами, мамаша Джонс сунула ему в руки миску овсянки, скупо приправленной *настоящим маслом*, и добродушно пробормотала:

– Ешь, страдалец.

Убогий, несколько опарашенный столь щедрым подношением, тут же принялся торопливо уплетать кашу. В его положении грех было бы упустить такую возможность набить брюхо.

Мамаша вернулась спустя пару минут, когда Убогий уже долизывал доньшко тарелки. Забрав тарелку, она поманила его за собой. Убогий поднялся и, опираясь на костыль, шустро поковылял за ней. В закутке мамыши Джонс стояло большое корыто, наполненное горячей водой, от которой поднимался белый пар, рядом лежала относительно чистая тряпица и потрепанный, но чистый комбинезон портового рабочего. А также совершенно не подходящий к нему дорожный термоплащ с давно выпотрошенными внутренностями. В таком виде он вряд ли мог кого-то согреть, но для любого ночлежника был бы шикарным подарком, поскольку выглядел почти целым. А большинство обитателей ночлежки носили свою одежду до тех пор, пока общая площадь дыр не становилась больше площади оставшейся ткани. Впрочем, многие и после этого продолжали таскать свои одежды, просто надевая их в несколько слоев, так, чтобы верхняя закрывала прорехи нижней и так далее. Убогий и сам сейчас был одет именно так.

Рядом с корытом стоял Грязный Буч, переругиваясь то ли с мамышей, то ли с корытом, поскольку мамаша Джонс не обращала на него никакого внимания. Когда Убогий, переступив порог, настороженно замер, готовый броситься вон, если вдруг Буч обратит свой гнев на него, мамаша Джонс повернулась к нему и показала рукой на корыто:

– Раздевайся.

Убогий удивленно воззрился на нее. Он знал, что мамаша относится к нему неплохо, но то, что он видел перед собой, по местным меркам было настоящим, стопроцентным чудом. А то, что в этом участвует Грязный Буч... И тут Буч напомнил о себе. Он шагнул вперед и рывкнул:

– Шевелись, мешок с костями, я что, должен тут сгнить, пока ты соизволишь раздеться?!

Убогий тут же начал непослушными руками торопливо стягивать с себя тряпье, а мамаша Джонс посмотрела на Буча и укоризненно покачала головой:

– Ты мог бы быть с ним поласковой, Бучито.

– Еще чего, – пробормотал тот, но, когда Убогий наконец разоблачился, он подхватил его, почти не причинив боли, и опустил в корыто.

Спустя полчаса Убогий сидел на табурете, облаченный в поношенную, но чистую одежду, и наслаждался давно забытым ощущением хорошо вымытой кожи и отсутствием уже ставшей привычной вони. Вернее, вонь не исчезла окончательно, ведь никуда не исчезла ночлежка, просто по сравнению с тем облаком вони, которое постоянно окружало его последнее время, то, что ощущал сейчас его нос, казалось просто свежим дыханием майского утра. Очевидно, все это было написано у него на лице, потому что мамаша Джонс, жалостливо посмотрев на него, порылась в своем закутке, шаркая ногами, подошла к Убогому и протянула ему замасленный кулек. Убогий вскинул удивленный взгляд на Мамашу, осторожно взял кулек и развернул: на измятом листке бумаги лежало два небольших

желтоватых кусочка сала. Убогий тупо уставился на этот немислимый деликатес. Он подействовал на него как холодный душ. По своей наивности Убогий еще мог принять за нечаянное чудо все, что произошло с ним до сего момента, но сало... Он поднял на мамашу Джонс испуганные глаза и спросил срывающимся голосом:

– Что со мной сделают?

Мамаша всхлипнула и отошла в сторону, а на пороге каморки появился отлучавшийся куда-то Грязный Буч. Бросив сердитый взгляд на мамашу Джонс, он повернулся к Убогому и рявкнул:

– Ну, ты готов?

Убогий вздрогнул:

– К чему?

Грязный Буч посмотрел из-под насупленных бровей на мамашу, потом на Убогого и кивнул в сторону двери:

– Вставай. Пошли.

– Куда? – Убогий не двигался.

С перекошенным от бешенства лицом Буч схватил Убогого за шиворот, стащил с табурета и, встряхнув несколько раз, проорал:

– Куда надо!

Мамаша Джонс всплеснула руками:

– Бучито!

Тот недовольно покосился на мамашу Джонс, однако выпустил воротник Убогого, который мешком свалился на пол с лицом, мокрым от слез, и комком горечи во рту. Он в очередной раз почувствовал себя униженно слабым и никчемным, и ему подумалось, что лучше бы ему сейчас же умереть.

Буч не дал ему долго размышлять. Он легонько пнул его под ребра и, бросив на мамашу Джонс настороженный взгляд, примирительно сказал:

– Ну ладно, вставай, пора.

Убогий понимал, что всякое сопротивление с его стороны бесполезно, будет только хуже. Грязный Буч еще больше разозлится и вообще перестанет обращать внимание на мамашу Джонс, а это значит, что его все равно доставят туда, куда хотят, да перед этим еще и избьют. Поэтому он неуклюже поднялся, с каким-то странным в данных обстоятельствах огорчением подумав об испачканных штанах, и обреченно заковылял к двери. Буч подхватил упавший костыль, догнав Убогого, сунул ему в руку, распахнул дверь и, поддерживая его под локоть, вывел наружу.

Последний раз Убогий был на улице три месяца назад, но единственным сохранившимся воспоминанием было ощущение влаги на лице, то ли от дождя, застигнувшего его в лесу, то ли оттого, что во время очередного падения он упал лицом в лужу. Больше он ничего не помнил, поэтому, выйдя из дверей, он невольно остановился и зажмурился. Как ни удивительно, Буч не стал пихать Убогого в спину, а терпеливо дождался, пока тот откроет глаза, и лишь потом осторожно подтолкнул в поясницу. То ли от яркого света, то ли от свежего ветерка, то ли еще почему, но Убогий вдруг почувствовал такой прилив сил, что сумел без посторонней помощи сделать несколько шагов и перейти через переулок, в котором и располагалась ночлежка. Однако, дойдя до угла, он почувствовал, что задыхается, с трудом подошел к стене и, прислонившись к ней спиной, повернулся в сторону ночлежки. Он впервые видел ее с улицы. Ночлежка занимала цокольный этаж обгоревшего,

полуразрушенного здания, судя по всему до пожара бывшего припортовым складом. Убогий из разговоров знал, что в припортовом районе есть и другие ночлежки и что в сравнении с многими из них берлога мамыши Джонс – грязная дыра. Но на протяжении нескольких месяцев она была его домом. К тому же ночлежки получше, как правило, принадлежали «крутым», и вряд ли Убогому удалось бы протянуть там дольше, чем требуется для того, чтобы извлечь нож и полоснуть им по горлу. Он еще раз посмотрел на ночлежку и с какой-то мрачной иронией подумал: «От пепелища ушел и к пепелищу пришел». В темном провале двери белели лица ночлежников, следивших за ним с некоторой жалостью, любопытством и даже злорадством. Убогий вдруг разозлился на себя и, решительно оттолкнувшись от стены, крикнул Грязному Бучу:

– Ну, так куда мы идем?

Буч, различив новые нотки в голосе жалкого уродца, удивленно вскинул бровь и ехидным тоном, в котором, однако, сквозило невольное уважение, ответил:

– На «мясной склад», парень.

Это было что-то новенькое. Но Убогий просто кивнул и, опираясь на костыль, двинулся вперед, на ходу бросив:

– Я не совсем понял, какое отношение это имеет ко мне. Если ты только не собираешься сдать меня на консервы.

– Ты не знаешь, что такое «мясной склад»? – изумился Буч. – Как же ты попал на Варангу?

В голове у Убогого что-то забрезжило. Наверное, смутное воспоминание из его прошлой жизни, хотя сам он еще этого не осознавал. Он застыл на месте словно пораженный громом:

– Ты хочешь сказать...

Буч кивнул, настороженно глядя на Убогого, будто собираясь решительно пресечь всякую попытку неповиновения. Что со стороны Убогого было бы просто смешно. Он лишь постоял неподвижно, переваривая эту новость, а потом даже слегка усмехнулся:

– Ну что ж, мне кажется, в моем положении это не худший вариант.

Буч в изумлении качнул головой. Этот калека словно нарочно решил сегодня удивлять его. Впервые ему попался человек, который не боится «мясного склада». На многих пограничных планетах до сих пор не хватало чернорабочих, и многочисленные компании с готовностью брались решить эту проблему. Официально они занимались вербовкой людей в отсталых мирах, а так как требовалась дешевая рабочая сила, то компании старались экономить на всем. Один из способов экономии заключался в том, что отобранных, а кое-где и просто отловленных людей заталкивали в криоохладильники и отправляли к месту назначения, набив под завязку холодильные камеры, устроенные в грузовых трюмах тихоходных транспортных кораблей, замороженными телами. В достаточной мере отработанная технология позволяла оживить практически всех. Другое дело, что некоторые становились дебилами, другие по каким-то причинам просыпались с напрочь отмороженными пальцами, мужчины теряли то, чем больше всего дорожили, женщины – груди, кое-кто мог очнуться и вообще без рук без ног. Но в подавляющем большинстве работать они могли, а ведь стоили компаниям ненамного дороже мороженой сублимированной говядины. Конечно, с подобными конторами вряд ли можно было столкнуться в достаточно цивилизованных мирах, во всяком случае легально. Поговаривали, что многие крупные корпорации на цивилизованных планетах тоже используют партии «мороженого мяса», скажем, для работы на отдаленных рудниках или в подводных

перерабатывающих заводах, а уж на таких, как Варанга, они орудовали почти не скрываясь. Во всяком случае, именно благодаря тому что ночлежка мамыши Джонс не реже одного раза в неделю поставляла «товар» на «мясной склад», которому покровительствовал местный полицейский-премьер, обитатели ночлежки могли жить относительно спокойно. Разве что на склад поступил бы действительно крупный заказ... Тогда, конечно, негласная договоренность была бы тут же отброшена в сторону, но можно ли ожидать иного в этом столь несправедливом мире?.. В конце концов, некоторым ночлежкам приходилось еще хуже, ибо зачем тратить, пусть даже гроши, на официальный наем и рисковать, опять же, деньгами, пусть и мизерными, на выплату компенсации в случае необратимого ухудшения здоровья, что очень вероятно при подобной практике, если можно просто послать с десятков дюжих полицейских в ближайшую ночлежку и загрести нужное количество бессловесных скотов, по внешнему виду напоминающих людей. А если вдруг окажется, что у них не все в порядке со здоровьем, что ж, это можно списать на последствия заморозки. Ведь коли нет официального договора о найме, то нет и никаких финансовых последствий типа выплаты компенсации. В этом бизнесе никто не требовал товара высшего качества. Счет шел по головам, по числу, а это конторы обеспечивали.

Убогий упорно ковылял вперед, с каждым шагом все больше убеждаясь, что его болячки были следствием не только тяжелых испытаний, но и в немалой степени того, что он сам согласился с положением полной развалины. Возможно, поначалу подействовало потрясение из-за потери памяти и подсознательного ощущения, что когда-то прежде он занимал намного более высокое социальное положение. Однако сейчас он понимал, что его физическое состояние было бы уже намного лучше, если б он задолго до сегодняшнего похода перестал жалеть себя и распускать сопли. Грязный Буч, всю дорогу поглядывавший на него с нескрываемым удивлением, замедлил шаг, крепко взял Убогого за руку и остановился.

– Уже пришли?

Буч кивнул, забрал у Убогого костыль, отбросил его в сторону, придирчиво осмотрел спутника и, продолжая крепко сжимать его руку, повернул к большой двери, видневшейся на противоположной стороне улицы. Они перешли через дорогу, и Буч несмело постучал в дверь, затем приоткрыл ее и просунул голову в щель:

– Можно?

– Ну?! – гаркнул чей-то голос, и Буч поспешно протиснулся внутрь, таща за собой Убогого.

Они оказались в небольшой комнатухе, в которой господствовал огромный стол. Половину стола занимал полицейский пульт, остальное пространство было завалено какими-то распечатками. Над всем этим хаосом гордо возвышались панероновые каблуки полицейских сапог, владелец которых лениво рассматривал вошедших между носками вытянутых ног, словно сквозь коллиматорный прицел тяжелого полевого плазмобоя. Буч подтолкнул Убогого вперед:

– Вот, господин полицейский-премьер... – Он неуклюже сдернул с головы шляпу и переступил с ноги на ногу.

– Этот урод? – В недовольном голосе хозяина комнаты выразилось сомнение.

– Не сомневайтесь, г-господин полицейский-премьер, он достаточно крепок. Если бы вы видели его три месяца назад, то удивились бы, что он так хорошо выглядит.

Полицейский снял ноги со стола и, подавшись вперед, уставился на Убогого, затем встал, обошел вокруг него, бесцеремонно пощупал мышцы и оттянул верхнюю губу.

– И это ты называешь «хорошо»?! – прокричал он Грязному Бучу, брызгая слюной. – Да ты смеешься надо мной, вонючка!

Буч, красный как рак, пролепетал:

– Никак нет, ваша честь. – Он торопливо сунул руку за пазуху и выудил оттуда какой-то сверток. – Вот, господин полицаи-премьер, мамаша Джонс велела передать. – Буч потерянно развел руками. – Все, что могли, вы уж простите...

Полицейский взял сверток, сунул его, не разворачивая, в карман и сказал уже тоном ниже:

– Черт знает что. – Он подозрительно взглянул на Убогого и с сомнением добавил: – А не подохнет при заморозке?

Буч энергично замотал головой:

– Я же говорю, живучий, как крыса.

Полицейский, вздохнув, вернулся к столу и принял прежнюю позу:

– Ладно, передай привет мамаше Джонс, но чтоб в следующий раз «мясо» было качественным. – Он нажал клавишу на пульте: – Эй, Орбах, сучий потрох, быстро ко мне, заберешь «мясо».

Минут через двадцать Убогого привычным пинком впихнули в камеру отправки. В отсеке уже находилось человек сорок, и вряд ли среди них был хотя бы один, кто пришел сюда по своей воле. Когда дюжие охранники приволокли Убогого к внешней двери и, держа оружие наготове, втолкнули в решетчатый тамбур, несколько человек попытались кинуться на решетку, но охранники явно ожидали такого поворота и несколькими рядами искровиков заставили менее решительных отскочить назад, а самых ярых просто вырубил. Так что появление Убогого в камере было ознаменовано таким электрическим салютом. Обозленные бунтовщики, прежде чем разойтись по своим углам, уселся на пол и отупело уставиться в стену, излили свой гнев на вновь прибывшего, несколько раз пнув его в ребра. Убогий привычно перетерпел пинки, а когда драчуны разошлись, поднялся на ноги, упрямо стиснув зубы, и принялся осматривать камеру. По дороге из ночлежки он дал себе слово больше не раскисать и теперь намерен был упорно претворять в жизнь свое решение.

– Эй, добрый человек, иди сюда, здесь для тебя найдется местечко.

Убогий повернул голову. Из дальнего угла ему махал здоровенный краснорожий мужик с объемистым брюхом, одетый во что-то отдаленно напоминавшее рясу. Убогий заколебался было, глядя на мужика, но тот выглядел не опаснее других, и он решил принять приглашение. Когда он добрался до мужика, тот приветливо улыбнулся и кивнул на место рядом с собой:

– Садись, добрый человек, и да хранит тебя Господь.

Из-за плеча мужика тут же высунулась чья-то голова и зло прошипела:

– Эй, урод, жратва есть?

Убогий по привычке вжал голову в плечи, но, вспо-мнив о своем решении, выпрямился и ответил тихо, но твердо:

– Нет.

Последовало заключение:

– Ну ты козел, – а другой голос добавил:

– Глянь, Кабан, у него неплохие шмотки.

Пригласивший Убогого человек возмущенно всплеснул руками:

– Прости, Господи, этих людей, зачем вам его вещи, вы же знаете, что через несколько часов мы все останемся нагими и босыми перед нечестивыми фарисеями, использующими

создания разума человеческого, дарованного нам Господом нашим, в своих непотребных целях?

– Заткнись, монах, – прорычал первый голос, – а то и тебя пощипаем.

Монах сложил ладони и, прошептав: «Прости мне, Господи, прегрешения мои», слегка повернулся всем корпусом и двинул локтем по кадыку первого из говоривших, да так, что тот отлетел к стене, сопровождаемый изумленным взглядом ошарашенного подельника. А святой отец, не дожидаясь, пока подельник опомнится, хватил и его кулаком по темечку. Тот рухнул на пол. Монах кряхтя поднялся, подхватил обмякшее тело под мышки и отволоч к первому, после чего опустился на колени рядом с ними и, молитвенно сложив руки, что-то забормотал. Когда он вернулся к Убогому, в отсеке камеры все еще царило мертвое молчание. Монах опустился на свою циновку и с легким поклоном представился:

– Мое имя – фра Так, добрый человек, – и после короткого молчания простодушно спросил: – А не соблаговолишь ли ты назвать свое?

Убогий пробормотал себе под нос:

– Скорее фра Кулак, – и чуть громче сказал: – Я вряд ли смогу назвать его тебе, святой отец. Мое имя умерло вместе с тем человеком, которым я был раньше. Так что зови меня так, как это тебе больше нравится, а хочешь, – Убогий печально улыбнулся, – стань моим крестным отцом. – Он немного помедлил и тихо добавил все с той же горькой улыбкой: – Накануне нашего паломничества в неизвестный новый мир.

Монах, улыбнувшись в ответ, кивнул головой:

– Со смирением соглашаюсь и с первым, и со вторым. – Он перевел дыхание и с хитрой миной пророкотал: – Нарекаю тебя, раб божий, именем Корн, что на языке уттаров, среди которых я усмирал свою душу последние двадцать лет, означает «Ищущий утраченную силу». – Монах замолчал, наслаждаясь удивлением, написанным на лице Убогого, и, наклонившись к нему, уже тише добавил под дружный хохот сокамерников, которые приняли это за очень удачную шутку: – Что не так далеко от истины, как может показаться. Не правда ли, сын мой?

Холод... Холод, вызывающий дрожь во всем теле, и вата, набившаяся в рот, уши, нос, и песок... Песок под веками, под ногтями, песок в желудке, мошонке и под крайней плотью, и зуд... Убогий почувствовал, что вот-вот закричит в голос от этих невыносимых ощущений, но тут сквозь вату пробились какие-то голоса. Сначала речь была невнятной, будто кто-то гонял рекордер на разной, по большей части низкой, скорости, потом стали проскальзывать отдельные высокие звуки, а спустя несколько мгновений Убогий понял, что различает отдельные слова. Говорили двое. Первый говорил хриплым голосом и шепелявил, словно у него не хватало зубов, второй при каждом слове причмокивал.

– ...Такой урод, куда он годится?

– Заткнись, Пристукнутый, чего еще ты ожидал? Или ты думаешь, что «белолицы» делают нам такие подарки к каждому Рождеству?

– Но... до Рождества еще целых два месяца!

Второй фыркнул:

– Тем более, идиот. Мы получили это «мясо» просто потому, что им дешевле оформить бесплатную выдачу, чем отправлять его назад. А с тех пор как тут появился новый военный комендант, на нелегальной утилизации можно запросто попасться.

Собеседники ненадолго замолчали, потом первый голос заговорил снова:

– Да он не заработает даже себе на еду!

– Заработает, в крайнем случае позовем Пыхтягу, чтобы он отрубил ему ногу по ягодицу, может, еще и левую руку, да на морде шрамы сделаем побольше, и пусть Белобрысая Грета берет в свою команду, в развлекательный центр. Будет ветераном. Здесь не внутренние планеты – после Зовроса, Нупатки и Нового Магдебурга народец изрядно напуган и защитничку-инвалиду накидают мелочишки.

– Белобрысая возьмет себе большую часть дохода, а нам останутся крохи! – недовольно пробурчал первый.

– А что делать? – безнадежным тоном возразил второй. – Если у этого парня не найдется никаких иных талантов, другого выхода нет.

Наступило молчание. Потом второй проворчал:

– Что-то он долго не просыпается...

– А может, уже проснулся?

Второй хмыкнул:

– Да нет, когда «оттаиваешь» после заморозки, тебя так корчит, что орешь как резаный. По себе знаю, – добавил он после паузы, – самого привезли таким же мороженым куском мяса двадцать лет назад.

– Всех нас так привезли. Но я не о том. Глянь на него – может статья, они заморозили готовый труп.

– Не думаю. Они же не знали, что это мясо достанется нам, а с «Копями Рудоноя» такие штуки не проходят. В позапрошлом году их попробовала было надуть одна фирма с Эмблона, так Игенома доложил мадам Свамбе, та даже не стала крутить хвосты своим юристам, а просто послала на Эмблон парней из «грязной конторы», и те ребятки больше уже никого не обманут. – Говоривший умолк и тут же снова заговорил: – Ну да ладно, он действительно что-то долго в ступоре, ну-ка я его...

Убогий почувствовал, как его руку поднимают, прижимают что-то, и в тот же миг его пронзила острая боль. Прислушиваясь к разговору, он как-то отвлекся от мучительных ощущений, и вот теперь они вернулись вновь, с еще большей силой. Убогий дернулся и застонал. Первый голос удовлетворенно произнес:

– Видишь, живехонек.

Его собеседник возразил:

– Что-то мне не верится, что он на что-то способен. А может, оттяпаем ему ногу прямо сейчас, пока он еще еле шевелится? А то потом вопить начнет.

– погоди, сначала давай обсудим. Кто его знает, на что он еще годен? А вдруг нога у него и есть самое ценное, потом локти себе будем кусать.

Второй недоверчиво цокнул языком:

– Если бы от него был какой-то прок, нам бы он не достался.

Первый хмыкнул:

– Когда ты вот так же лежал на столе, будто кусок оттаявшей мертвечины, о тебе тоже ничего хорошего сказать было нельзя. Однако, как видишь, я нашел, как приспособить твои таланты.

– Я – другое дело.

– Ну-ну...

Они снова замолчали. Не было слышно ни звука. Убогий почувствовал, что оцепенение почти прошло, и решился открыть глаза.

– Ты смотри, какой шустрый, уже глазами хлопает, – радостно сказал первый голос. – Я, помнится, как очнулся, так почти час не мог даже через губу переплюнуть, а этот... – Убогий почувствовал какое-то неясное движение, и тот же голос закончил: – А ты говорил – труп, труп.

Убогому удалось наконец сфокусировать зрение, и он посмотрел вбок. Рядом с ним стояли, возбужденно его разглядывая, двое всклокоченных старичков с седыми бородами, усами и волосами. Лет им было, наверно, не меньше чем по сто восемьдесят на брата. Убогий попытался пошевелить языком, но это получилось лишь с третьей попытки:

– ...е а?

– Чего?

– ...де я?

– А-а... – Старички обрадованно закивали. – На Рудоное, где ж еще, аккурат в Первой шпальне.

Убогий устало прикрыл глаза и задумался. Голова работала пока не очень хорошо, в памяти наличествовали провалы, но, скорее всего, это было следствием того, что он еще не до конца «оттаял». Убогий попытался прикинуть, сколько времени прошло с тех пор, как он покинул Варангу, но понял, что без дополнительных данных этого не сделать. Во всяком случае, вряд ли больше полугода. Транспорты с «мороженым мясом» очень медлительны, но и они добираются до самой дальней точки освоенного людьми пространства месяцев за восемь – десять максимум. Тут в его памяти всплыла картина отправки. Фра Так оказался прав. С момента его появления в отсеке прошло около двух суток, на протяжении которых Убогий был занят только тем, что дремал, слушал нескончаемую болтовню монаха и, памятуя о своем решении, пытался потихоньку делать кое-какие упражнения. К его немалому удивлению, некоторые упражнения получались как бы сами собой. Как будто он когда-то уже делал их и его тело помнило, с какой силой и в какой последовательности напрягать разные

группы мышц. Свет в камере горел круглосуточно, хотя в ночные часы он слегка тускнел. Однако ни один разумный хозяин не станет тратить деньги на содержание «мороженого мяса» в камере отправки слишком уж долго. Так что стоило лампам после второй «ночи» вновь вспыхнуть в полную силу, как из забранного решеткой отверстия громкоговорителя раздался вой сирены, способный поднять даже мертвого из могилы глубиной в десять ярдов. Фра Так, как обычно проболтавший всю ночь и только за полчаса до того прекративший балагурить и выпрашивать все и вся у окружающего люда и прикорнувший привалившись к стене, моментально вскочил и, подхватив одной рукой свой объемистый мешок за ляжки, а другой Убогого за шиворот, проворно ринулся к дальней стене, стараясь пробиться к самой ее середине. Спустя несколько мгновений сирены смолкли, а решетка, отделявшая отсек от небольшого тамбура, вдруг вздрогнула и медленно двинулась на них. Несколько горячих голов бросились было на решетку, то ли собираясь каким-то образом остановить ее движение, то ли просто от отчаяния, но тут же стало ясно, что подобные фокусы предусмотрены конструкцией. По прутьям пробежала искра, раздался треск, и незадачливые борцы с воплем отскочили назад. Некоторое время решетка двигалась вперед, прижимая людей к дальней стене и заставляя их равномерно распределяться вдоль нее. Все это сопровождалось воплями и яростными тычками, когда крайние, пытаясь избежать прикосновения к решетке, остервенело вбивались в плотную толпу у стены, расталкивая более расторопных, но менее крепких, однако фра Так сумел не только удержать занятое положение, но и ворот Убогого. Наконец, когда все присутствующие расположились равномерной плотной линией вдоль стены, а между лопатками крайних и прутьями с трудом можно было просунуть ладонь, решетка остановилась. Затем из динамика вновь послышался вой сирены и скрипучий голос произнес:

– Не шуметь, не толпиться, заходить по одному.

В следующее мгновение стена, к которой они были прижаты, поползла вверх, открывая ряды черных проемов в форме вытянутых овалов. Фра Так тут же рванул вперед и, ловко проскочив перед носом соседей, заскочил в ближайший проем, швырнув Убогого в соседний и рывкнув на прощание:

– Удачи, парень!

Позади раздался разочарованный вопль, но за спиной Убогого уже закрывалась, мягко шурша, овальная задвижка, и он оказался в небольшом помещении, напоминавшем круглый металлический стакан. Перед лицом осветился небольшой экранчик. Убогий, которого фра Так изрядно помял во время героического прорыва на выбранное место у стены и борьбы за его сохранение, воспользовался моментом и попытался прислониться к стене, но его тут же потряхнуло разрядом тока, а на экранчике появилось изображение сурового мужского лица со стесанным подбородком, словно у хорька, и визгливый голос проорал:

– Стоять прямо, левую руку просунуть в отверстие слева у плеча.

Фра Так немного рассказал Убогому о том, как происходит заморозка. Сначала в кровь вводили сорокапроцентный раствор номия, который должен был подготовить тело к быстрому восприятию низких температур и скомпенсировать расширение жидкости при замерзании, чтобы свести к минимуму потерю клеток. Когда номий проникал в мельчайшие кровеносные сосуды и лимфотоки, тело превращалось в идеальный температурный проводник и замораживание происходило мгновенно. В идеале никаких повреждений быть не могло, по прошествии времени заледенелый кусок мяса, в который превращался человек, столь же мгновенно разогревался, после чего достаточно было удалить из организма номий,

что можно было сделать простым уколom специального нейтрализатора, разлагающего препарат, и вколоть стимулятор. Жаль только, что человек при этом оставался в сознании до последнего момента, а номий имел свойство при температурах выше пятидесяти градусов по Фаренгейту быстро менять структуру, теряя эффективность. Вот почему фра Так был столь несолидно тороплив. У тех, кто попал в камеру заморозки первым и получил самый свежий номий, было больше шансов остаться нормальным. Впрочем, это касалось лишь тех случаев, когда на эту партию рабочих не поступило «специального» заказа. Ведь на некоторых работах вполне достаточно дебилов, а проблем с ними возникает несравненно меньше, чем с нормальными.

Убогий с опаской покосился влево, но экранчик сердито мигнул, и он торопливо вставил руку, куда приказали. Плечо мгновенно обхватила плотная манжета, и Убогий почувствовал, как в вены вошли иглы. Тут же в кровь начал поступал раствор номия, и новоявленное «мороженое мясо» почувствовало сначала сухость во рту, а потом по жилам начала разливаться боль. Через несколько минут – или часов? – манжета, удерживавшая руку Убогого, разжалась, изображение на экранчике, которое он уже с трудом мог различить, удовлетворенно кивнуло и рывкнуло:

– Внимание! Стоять в центре, голову держать прямо, руки опустить вниз и прижать к бокам.

В следующее мгновение сверху упал узкий металлический цилиндр морозильника и из его толстых стенок ударили струи жидкого азота.

Когда замороженное тело ухнуло в открывшийся в полу люк и, дребезжа, скользнуло по лотку на транспортерную ленту, контролер, наблюдавший за процессом с экрана, нажал на кнопку и впустил следующего.

Убогий очнулся от воспоминаний. Голосов больше не было слышно. Он попытался повернуть голову, чтобы лучше рассмотреть место, где оказался. Это удалось сделать не до конца, но кое-что стало видно. Убогий лежал плашмя, причем на мягком или твердом – неизвестно, тело пока этого не ощущало. Над головой тянулись какие-то трубы, а сквозь забивавшую уши вату, которая, наверное, была не чем иным, как ощущением – просто слух еще не восстановился полностью, – слышался гул каких-то машин. Чуть дальше виднелась часть обшарпанной стены с изрядной дырой, из которой торчала ржавая арматура, на ее отогнутых прутьях висело какое-то тряпье. Убогий собрался с силами и дернул шеей. Тело тут же пронзил новый приступ боли, но он все же сумел повернуть голову еще на ладонь. Однако ничего больше рассмотреть не успел. Тряпье, загораживавшее вход, раздвинулось, и внутрь протиснулся один из старичков:

– Ого, да мы уже совсем очухались. Что ж, парень, тогда тебе надо знать, что теперь ты собственность Гугнивого Марсея, то есть меня, и Пристукнутого Пита. И первое, над чем тебе надо подумать, это как ты будешь приносить нам доход. Если ничего не придумаешь, мы сделаем это сами, и, клянусь гремлинами Рудоноя, тебе это не понравится. – С этими словами он задрал Иву подбородок и, потянув за некое подобие ошейника у него на шее, поднес к его глазам бирку, на которой было написано: «...тело серия VTTU № 129734503 выдано со склада компании „Копи Рудоноя“ 25 апреля 3594 года Марселю Пруа и Питу Сукенрою и является их собственностью в течение пяти лет со дня выдачи из акриогенного центра или до того момента, когда они сами решат вернуть ему гражданские права».

Так начался его первый день в штольнях Рудоноя.

Уже три месяца Убогий жил в Первой штольне. Рудоной был кислородной планетой, на

которой, однако, существование людей было возможно только в условиях искусственной атмосферы. На этой планете что-то было с избытком, чего-то не было вовсе. Содержание кислорода в атмосфере было так велико, что растения не потрудились даже изобрести что-нибудь вроде фотосинтеза, а люди, попробовавшие дышать местным воздухом без специальных фильтров, через несколько минут становились жертвами кислородного опьянения. Температура на экваторе позволяла даже в глубокой тени запекать яйца в песке, хотя небо над планетой было постоянно затянуто плотным слоем облаков, а брызги местного океана, попав на кожу, могли вызвать ожог. С другой стороны, на планете почти не было металлов. Вернее, их почти не было в ее коре. Где-то там, под тонким слоем базальта, едва достигавшим толщины пятнадцати километров, клокотал раскаленный металл, которому, однако, вряд ли когда-нибудь суждено было быть извлеченным на поверхность. Планета не представляла интереса для терраформирования, ибо находилась слишком близко от звезды. И единственной причиной, почему здесь жили люди, был каронит – исходный материал для производства реакторных сердечников. Его можно было изготавливать и искусственным путем, но себестоимость такого каронита была так высока, что даже при содержании этого минерала в местных породах на уровне всего 0,05 процента и гигантских затратах на обеспечение жизнедеятельности в местных условиях доходов хватало, чтобы не только окупать содержание колонии, насчитывавшей почти триста сорок тысяч человек, но и обеспечивать солидную прибыль. Каронит располагался в коре планеты практически равномерно, слегка увеличивая концентрацию на глубине от одного до полутора километров, поэтому, когда встал вопрос о выборе местоположения колонии, компания «Копи Рудоной» поступила просто. Колония была заложена на глубине наиболее концентрированного залегания каронита, а место на поверхности, куда выходил ствол шахты и где был устроен космопорт, выбрали, руководствуясь соображениями экономии и географическими факторами.

Вся жизнь колонии была сосредоточена в штольнях. Перед началом разработок компания провела исследования и определила наиболее оптимальный размер подземной выработки, руководствуясь при этом в первую очередь финансовыми приоритетами. То есть штольня должна была обходиться как можно дешевле. Поэтому, когда горнорудные машины, выгрызая и измельчая породу, достигали определенной границы, за которой, несмотря на специальные технологии, используемые для упрочнения породы, возникала угроза обрушения штольни, работы прекращались и все машины по проделанному в стене штольни тоннелю переправлялись в следующую точку, расположенную, как правило, в нескольких километрах от старого места, оставляя за собой выплавленные в скальной породе воздуховоды, тоннели, неисправное оборудование и опорожненные емкости. Образовавшиеся же пустоты обживали иные существа. Первыми на освободившееся место приходили крысы. Никто не мог понять, как крысы попали на Рудоной, а главное – как они могли здесь существовать и чем питались. Однако факт оставался фактом – в мире, где человек мог существовать только в искусственных подземных полостях, с помощью механизмов заполняемых специально приготовленным, очищенным и охлажденным воздухом, крысы чувствовали себя настолько комфортно, что, расплодившись, стали серьезной проблемой для администрации. Следом за крысами в брошенных штольнях появлялись люди. Это были по большей части бывшие рабочие шахт, которые больше работать либо не хотели, либо не могли из-за увечий или преклонного возраста. Впрочем, последних было мало, редко кто из «оттаявших» доживал до старости, хотя находились и такие. Но большинство среди

населения старых штолен составляли все же те, кто сбежал из рабочих казарм или был выкинут оттуда из-за увечья, потому что компании было гораздо выгоднее привозить свежее «мясо», чем оплачивать регенерацию старого. Здоровье во все времена было дорогим товаром. По существу, эти люди были теми же крысами и существовали скорее милостью компании, которая не обращала внимания на то, что из ее энергетических сетей по подпольным самодельным шунтам уходит некоторая часть энергии. Уж чего-чего, а энергии на Рудоное всегда было предостаточно. Зато у компании всегда был некий резерв рабочей силы. Так что если запаздывал очередной транспорт с «мороженым мясом» или на каком-то участке возникал прорыв, компания просто отправляла сотню надсмотрщиков в старые штольни, и спустя несколько часов требуемое количество рабочих рук уже приступало к работе.

Первая штольня называлась так потому, что именно с нее начинались «Копи Рудоноя». Когда-то в ней располагались все административные службы и даже квартиры управленцев, а энергостанция находилась там до сих пор. Так что эта штольня была построена не в пример прочнее других, и поэтому, хотя уже пустовали и Вторая, и Третья, и Четвертая штольни, большинство людей-крыс ютились именно в ней. И среди этих отщепенцев тоже существовало свое сословное деление. Около сотни человек составляли аристократию Первой штольни. Компания устроила в Пятой штольне развлекательный центр с казино и стриптиз-барами, и люди-крысы с наиболее любопытными уродствами демонстрировали там своего рода местную экзотику, придавая особую пикантность заведению, которое, кроме всего прочего, было единственным на всю обитаемую людьми часть Галактики центром развлечений, расположенным в подземной выработке на глубине почти полутора километров. Заправляла всем этим Белобрысая Грета, женщина с обезображенным лицом, о которой ходили слухи, будто когда-то она была секретаршей и любовницей главного администратора, а нынешний свой вид приняла, когда стала слишком давить на шефа. Так это было или не так – точно никто не знал, однако Белобрысая Грета цепко держала в своих пухлых руках все нити полуофициального нищенства, и без ее одобрения ни один из нищих не мог попасть за металлические двери тамбура, ведущего в Пятую штольню. Второе сословие составляли тоннельные воры, ведь, хотя компания закрывала глаза на то, что люди-крысы влезали в ее энергосети, все остальное им приходилось добывать самим. Компания бдительно охраняла свои запасы, а в этом мире человеку было просто не прожить без довольно большого набора относительно сложных приспособлений. Поэтому третьими от верха шли владельцы мастерских, ведь любое техническое устройство требовало подзарядки батарей, к тому же всякий механизм использовался здесь до тех пор, пока не разваливался окончательно. «Оттаявшие» в своем большинстве были представителями дна и в своих родных мирах, а все технические специалисты работали здесь по контракту. Так что людей, хоть немного разбиравшихся даже в простейших приборах, в Первой штольне можно было пересчитать по пальцам. И хотя основная часть мелких мастерских, как правило, выполняла только одну работу – заряжала севшие аккумуляторы, уже это было немало. Ибо тем главным, что превращало человека-крысу из отбросов Первой штольни в уважаемого хозяина мастерской, было наличие отводка от ближайшего энергокабеля. А людей, которые могли правильно подсоединить шунт, во всей Первой штольне было всего трое. И они брали за свои услуги столько, сколько составляла, по их мнению, «справедливая цена». Еще ниже на иерархической лестнице располагались владельцы каких-либо технических устройств, которые могли давать их напрокат, самыми же отверженными были те, что звались «свежее

мясо», – новички, которые сбежали из рабочих казарм или от которых «Копи Рудоноя» отказались сами. Таких было большинство, ибо люди-крысы, в отличие от своих четвероногих и хвостатых тезок, редко выдерживали в Первой штольне больше двух-трех лет. Долгожителей было мало, и они были известны всей штольне. Так что хозяева Убогого были люди знаменитые, что, впрочем, никак не отражалось на их статусе и достатке.

Убогий получил работу в крошечной мастерской, принадлежавшей малоприятному субъекту по имени Крысиный Помет. Это было удивительно, но заморозка не только ничуть не повредила Убогому, но даже, похоже, пошла ему на пользу. На его руках каким-то странным образомросло немного плоти, шрамы подзатянулись, и даже слабость накатывала не так часто, как раньше. И когда Убогий окончательно оправился после «оттаивания», как здесь называли посткриогенный синдром, оказалось, что он уже может довольно крепко держаться на ногах. Хотя выглядел он все еще довольно отталкивающе. В любом месте, кроме Первой штольни Рудоноя, Убогого вряд ли впустили бы даже в заднюю дверь мало-мальски приличного дома, но здесь, среди «оттаявших» самого низкого пошиба, его уродство было скорее нормой, чем исключением. Убогому казалось, что до сих пор он нигде и никогда не встречал такого количества изуродованных лиц, изувеченных или парализованных конечностей, беззубых ртов и лысых черепов. Так что здесь никому не было дела до того, как он выглядит. Поэтому, когда он, пройдя следом за Пристукнутым Питом, бойко постукивавшем своей клюкой из гнutoго куска пластиковой трубки, между кучами битого камня, из-за неоднократных камнепадов завалившими нижний уровень Первой штольни, добрался до вывески из потрескавшегося пластика, на котором было грубо намалевано изображение дугового паяльника, то, несмотря на нескрываемый скептицизм хозяина, оказалось, что тут-то он и сможет показать, на что способен. Хозяин небрежно предложил Убогому «посмотреть» галогенный фонарь. Он взял фонарь, повертел его в руках и совсем уже было собрался положить на место, но тут в голове что-то засвербило. Убогий еще раз внимательно оглядел фонарь. Похоже, он когда-то имел дело с подобными штуками. И что-то подсказало ему, что попытка вспомнить это будет не совсем безнадежной. Убогий присел на корточки, отыскал среди мусора на полу расплющенный гвоздь и склонился над фонарем.

Он просидел над ним полтора часа. И когда владелец мастерской уже совсем было собрался дать ему от ворот поворот, фонарь наконец заработал. Сей факт поверг владельца мастерской в изумление, и Убогий был немедленно принят на работу.

Когда Убогий немного разобрался в принятой местными умельцами технологии ремонта и зарядки батарей, то, опираясь на непонятно откуда взявшуюся уверенность в том, что когда-то он был большим докой по этой части, попытался объяснить хозяину пагубность общепринятой практики. В мастерских Первой штольни следовали принципу: «Набивай под завязку», поэтому аккумуляторы обогревателей, переносных буров, пил, регенераторов, плиток, местных повторителей, ножей и фонарей после нескольких десятков перезарядок летели ко всем чертям. Убогий же откуда-то знал, что, если четко выдерживать оптимальный уровень наполнения, время работы на одной зарядке уменьшается всего на десять – двенадцать процентов, зато ресурс перезарядок возрастает больше чем на порядок. Но когда он сказал это хозяину, тот замахал руками:

– Если после нашей зарядки фонарь Хромого Паука или Стервы проработает хоть на сутки меньше, чем после зарядки в другой мастерской, они тут же устроят скандал и больше у меня не появятся.

Убогий сделал еще одну попытку:

– Да, но тогда они смогут пользоваться аккумулятором в десять – пятнадцать раз дольше, что с лихвой покроет расходы на лишнюю зарядку.

Хозяин покосился на него и недовольно буркнул:

– Ты вот что, «свежее мясо», клиентуру мне не отваживай. Хотят люди, чтобы я заряжал столько, значит, буду заряжать. А сколько протянет их машинка – это их проблемы.

Убогий пожал плечами и принялся за работу. В конце концов, это было и не его делом. Вскоре слава об умельце из дальней мастерской разнеслась по всей Первой штольне, и хозяин начал делать настойчивые предложения Гугнивому Марселю о продаже работника. И старик уже начал склоняться к этой мысли, когда Убогий, собравшись с духом, предложил ему открыть собственную мастерскую.

– Нам же не на что нанять мастера, чтобы сделал отводок.

Убогий, который за последнее время исполнился изрядной уверенности в себе, с усмешкой возразил:

– Ну, это не обязательно. Здесь полно мастерских, которые только и делают, что качают энергию с шунтов, зато таких, которые бы действительно умели чинить, практически нет. Так почему бы нам не заняться починкой.

Гугнивый Марсель недоуменно посмотрел на него и медленно, словно растолковывая что-то неразумному ребенку, сказал:

– Ты не понимаешь. Нет шунта – нет мастерской.

Убогий поморщился. Похоже, шунт здесь считается неременной принадлежностью мастерской, чем-то вроде отличительного знака, даже фетиша. Что ж, это не проблема.

– Ну, раз так, то я сам проведу шунт.

Гугнивый Марсель изумленно воззрился на него:

– Ты?!

Убогий кивнул:

– Да, но только если вы снимете с меня это. – Он показал на ошейник.

– Да ты что?! – вскипел старик, возмущенный столь серьезным ущемлением своих прав, но Убогий перебил его:

– Подумай, достаточно мне сделать шунт – вы уже становитесь владельцами мастерской, а ведь я собираюсь еще и работать в ней.

Гугнивый Марсель задумался. Все это выглядело очень заманчиво, но он боялся продешевить.

– Лучше я продам тебя в ту мастерскую. Хозяин обещал дать хорошую цену.

– И потом будешь локти кусать, видя, что он заработал на мне в несколько раз больше, чем заплатил вам, – насмешливо сказал Убогий.

Такой вариант старику в голову не приходил, он сердито посмотрел на свою строптивную собственность и отвернулся. Несколько минут слышалось только сопение старика, потом он растерянно протянул:

– Погоди, дождемся Пристукнутого Пита.

Вечером, после яростной перебранки, сопровождавшейся плевками и швырянием мисок, Убогий наконец получил вольную. Когда Гугнивый Марсель, все еще ворча, снял с его шеи ошейник, делавший его всего лишь телом серии VTTU № 129734503, Убогий облегченно вздохнул. Этот виток судьбы привел его на самое дно пропасти, о существовании которой в своей прежней жизни он, наверное, и не подозревал, но, судя по всему, сегодня он наконец

оттолкнулся от ее дна. Оставалось совсем немного. Всплыть и... вспомнить.

Стоватор Игенома, главный администратор концессионной компании «Копи Рудоноя», стоял у окна кабинета и смотрел на теряющееся вдаль пространство Седь-мой штольни. Она закладывалась как место, куда можно было бы перевести административные службы, и в целях безопасности была несколько меньше обычных размеров. И все равно достигала в высоту почти семисот метров, а по окружности – более семи километров. Кромешную тьму, которая просто немыслима на поверхности, кое-где рассеивали цепочки огней транспортных маршрутов и шары уличного освещения жилой зоны административного городка. Вдалеке смутно виднелся гораздо более скудно освещенный массив рабочих казарм, мастерских и технических служб, а в полутора километрах, у самой стены, сверкала огнями площадка лифтовых шахт. Все это было частью его мира, мира, в котором он был полновластным хозяином. До сегодняшнего дня.

Он знал, что проиграл. Вероятнее всего, сегодня его последний день в нынешней должности, но даже если это и не так, все равно ему осталось недолго. Он провел на Рудоное почти двадцать лет. Здесь выросли его дети, здесь умерла жена. Он создал эту компанию своими руками, и это не было только фигуральным выражением. Ведь, когда «Копи Рудоноя» только начинались, обвалы случались регулярно, и тогда всем, включая главного администратора, частенько приходилось брать в руки старую добрую лопату и откапывать заваленную технику. Методики расчетов прочности штолен тогда были еще слишком ненадежны, поскольку в то время знания о недрах Рудоноя были скудны, а опыта не было вообще. Никто не строил прежде полностью заглубленные колонии, да еще на такой глубине. Так что и ему пришлось тогда изрядно помахать лопатой, ибо если начинались обвалы, то они шли волнами в течение нескольких часов, и в конце концов вся техника, которую не удавалось вывести из-под обрушившейся породы, оказывалась совершенно непригодной к ремонту. Тогда на его руках были мозоли от черенка лопаты. Стоватор Игенома поднес к лицу свои крупные руки, посмотрел на ладони, на которых, правда, уже не осталось и следа от мозолей, и вздохнул. Счастливым было время – люди работали здесь не только ради денег, они мечтали покорить этот мир, заставить его служить человеку. В то время здесь не было ни одного «оттаявшего». Но потом у компании появились другие хозяева, превыше всего была поставлена финансовая целесообразность, и все изменилось. На Рудоной потоком пошли «оттаявшие», высококвалифицированный персонал, управлявший сложнейшими машинами, стал повсеместно заменяться ими, хитроумные машины – простыми в управлении ротационными проходческими щитами, которые часто ломались, калеча механиков, но зато очень дешево стоили, а в Первой штольне, где прошли самые счастливые годы Стоватора Игеномы, поселились люди-крысы. Главный администратор прислонился лбом к холодному стеклу. Сегодня ему предстояло дать последний бой. Полчаса назад с поверхности сообщили, что в космопорту приземлился шаттл, на борту которого на Рудоной прибыл представитель самой мадам Свамбе-Никатки, и главный администратор знал, чем вызван его визит. Разработки велись уже в Восьмой и Девятой штольнях, и потому пора было переносить энергостанцию из Первой штольни в Шестую. А в Третьей смонтировать новую обогатительную фабрику, убрав ее с поверхности, где расходы на противодействие бешеной атмосфере Рудоноя были слишком высоки. Но всего этого нельзя было сделать, не наладив переброску отвалов пустой породы в Первую и

Вторую штольни. Во всяком случае, таким был наиболее дешевый и простой вариант, представленный финансовым и инженерным отделами фирмы. И хотя против него очень резко выступал начальник службы охраны, заявлявший, что потери на операции по очистке штолен от людей-крыс съедят все выгоды проекта, высшее руководство материнской компании, судя по всему, склонялось к этому проекту. А Стоватор Игенома стал на сторону начальника охраны. Это произошло не само собой – он был уверен в своей правоте, хотя не мог подтвердить правильность своего варианта с цифрами в руках. Просто его двадцатилетний стаж администратора подсказывал ему, что этого делать нельзя. Он не мог смириться с самой мыслью о том, что придется каким-то образом затронуть людей-крыс. К этому его побуждали не одни только финансовые соображения – в его душе было живо ощущение, хотя и неясное, своего родства со всеми теми, кто вместе с ним дышал воздухом этих штолен. Нет, никто не мог бы упрекнуть главного администратора в сентиментальности. Во всяком случае, когда возникала необходимость действовать жестко в отношении людей-крыс, он делал это без колебаний. К тому же не это ощущение было основной причиной его несогласия, а что-то другое, более глубинное, на уровне подсознания, какая-то внутренняя уверенность в том, что, хотя в представленном молодым амбициозным директором финансового департамента плане все выглядело убедительно, его выполнение приведет к катастрофе. Однако, когда Игенома отверг это предложение, причем в довольно резкой форме, директор финансового департамента затаил обиду и обратился напрямую к Инсату Перье, финансовому советнику мадам Никатки. Тому план понравился, о чем мистер Перье и оповестил господина главного администратора два месяца назад. А сегодня он прилетел, как было сообщено с борта шаттла, «для ознакомления с ситуацией и уточнения некоторых деталей». Но главный администратор был слишком опытным бюрократом, чтобы не понимать: за этой, казалось бы ничего не значащей, фразой скрывается его отставка.

Блок лифтовых шахт осветился ярким светом. Это означало, что с поверхности прибыла очередная лифтовая кабина. Стоватор Игенома оторвался от своих размышлений и посмотрел туда, где располагался огромный стол, скрывавший под своей идеально гладкой поверхностью множество чрезвычайно полезных приспособлений. Ждать пришлось недолго. Со стороны стола послышался сухой щелчок, и мелодичный голос секретарши произнес:

– Господин главный администратор. Господин Инсат Перье покинул приемный зал лифтовой шахты VIP.

Игенома поморщился и кивнул:

– Хорошо, спасибо.

– Рады служить на благо Рудоноя, – привычно приветливо отозвалась секретарша, а главный администратор вздохнул.

Конечно, следовало бы встретить столь важную персону в приемном зале, но какого черта... Ведь этот самоуверенный индюк приехал его снимать, так что обойдется. Он усмехнулся столь детскому проявлению своей обиды и, тяжело вздохнув, направился к выходу из кабинета. Ведь, если он не встретит Инсата Перье хотя бы в вестибюле офиса, это может плохо отразиться на размере выходного пособия. А ему надо было еще оплачивать обучение дочери.

Когда большие зеркальные двери вестибюля распахнулись, главный администратор привычно натянул на лицо слащавую улыбку с оттенком деловитой усталости и, протянув руку вперед, энергично, но с достоинством двинулся навстречу высокому гостю, по пути

отметив, что Грегори Экрой, тот самый амбициозный сопляк, что обратился через его голову к Инсату Перье, уже успел затесаться среди толпившихся за спиной господина финансового советника высших администраторов компании, поспешивших засвидетельствовать свое почтение столь важному лицу. Все они несколько отстраненно, некоторые даже с насмешкой, взирали на Стоватора Игеному. В их взглядах читалось только одно слово: «Бывший». Инсат Перье был известен жесткостью своих решений, поэтому чиновники пребывали в напряженном ожидании ледяного: «Добрый день, господин *бывший* главный администратор», ибо эта фраза в различных вариантах, в зависимости от того, к кому была обращена, была давно известна в среде менеджеров (именно так господин Перье приветствовал руководителей компаний, в результате его хитроумных манипуляций внезапно оказавшихся в цепких руках всемогущей мадам Никатки, появляясь в их офисе). По их мнению, наступил подходящий момент, чтобы повторить ее еще раз. Однако господин финансовый советник удивил всех. Он широко улыбнулся, шагнул вперед и, схватив обеими руками протянутую руку главного администратора, громко и радушно проговорил:

– Очень рад приветствовать вас, господин Игенома. Мадам Никатка просила передать вам самые лучшие пожелания.

По рядам менеджеров пронесся вздох изумления, а главный администратор почувствовал, как у него отвисает нижняя челюсть. Но он прошел слишком хорошую школу, чтобы демонстрировать свое удивление долго. Игенома мгновенно восстановил на лице прежнее выражение и в свою очередь захватил пухлую ручку финансового советника в свою лопатообразную ладонь.

– Искренне польщен, господин Перье, прошу передать госпоже Никатке горячую благодарность за столь благожелательную оценку моих скромных заслуг. – Не выпуская руки высокого гостя, он повернулся и указал на дверь кабинета: – Прошу. – И оба они прошли внутрь.

На следующий день Стоватор Игенома поднялся довольно рано. Вчерашний вечер был заполнен всякими мелочами, приятными и не очень. Он представил господину Перье высший инженерно-административный персонал компании, хотя вряд ли в этом была необходимость. За те пятнадцать лет, что он работал под руководством мадам Свамбе-Никатки, главный администратор успел отлично изучить ее стиль руководства и прекрасно представлял себе, что досье на весь руководящий персонал компании, собранные административной группой мадам, наверняка составляли пачку распечаток толщиной не менее руки на каждого. И уж конечно, финансовый советник мадам, прежде чем отправиться на Рудоной, не мог не ознакомиться с ними достаточно внимательно. А вероятнее всего то, что господин Перье по каким-то своим причинам уже давно не выпускал из виду компанию «Копи Рудоноя». Уж слишком быстро он отреагировал на предложение того сопляка. Во всяком случае, когда Стоватор Игенома после всей суматохи добрался наконец до своих апартаментов и получил возможность спокойно поразмышлять, он пришел именно к такому выводу. Это могло означать только одно – то, что, несмотря на утреннюю сцену в вестибюле, его отставка предрешена. А неожиданная отсрочка вызвана лишь тем, что господин Перье готовит, очевидно, очередную блестящую комбинацию и пока не успел закончить приготовления. Главный администратор решил не расслабляться и быть начеку. Господин Перье двигал людьми как пешками на шахматной доске, придерживаясь при этом рискованного стиля игры с многочисленными жертвами фигур. Хотя, надо признать, он был гениальным игроком.

Игенома умылся и отключил кухонный комбайн, достав из отсеков свежие тосты, горячий кофе и яичницу с беконом. С тех пор как сын окончил университет, а дочь уехала в колледж, Игенома хозяйничал самостоятельно. Что с учетом всех этих бытовых устройств, которыми напичкала дом его покойная жена, оказалось совсем несложно. После скромного завтрака он оделся и направился к двери. Ровно в семь сорок у дверей его апартаментов остановился служебный «роллс-ройс». Главный администратор не любил этот породистый, как чистокровная английская лошадь, лимузин, чаще пользуясь для разездов обычным техническим магнитоптером, лишь слегка переоборудованным. Но пребывание столь высокого гостя обязывало к соответствующему антуражу. К тому же вчера вечером господин Перье попросил показать ему колонию, и Стоватору Игеноме ничего не оставалось, как воспользоваться этим символом престижа.

Пока машина ехала по улицам административного городка, главный администратор мучился одним вопросом. Он знал, что господин Перье взвешивает каждое слово, которое изрекает. И отчаянно пытался понять, почему господин Перье вчера попросил показать ему не *компанию*, а *колонию*.

Господин финансовый советник уже ждал его в офисе. Рядом с ним отирался какой-то тип с холодными рыбьими глазами, прибывший вместе с ним и весь вчерашний вечер молча проторчавший рядом (его имя и лицо показались Игеноме странно знакомыми, но он никак не мог вспомнить откуда). Когда оба с непроницаемыми лицами уселись на мягкий диван «роллс-ройса», у главного администратора екнуло сердце. Уж очень выражение лица господина Перье отличалось от того, что он демонстрировал вчера вечером. Всю дорогу до Восьмой штольни господин Перье молча слушал пояснения, с непроницаемым видом, лениво рассматривая сквозь прозрачный бронепластик окна стены тоннеля и проносившиеся мимо грохочущие самоходные проходческие щиты с чумазыми горняками за рычагами управления.

– Они все «оттаявшие»? – вдруг спросил странный попугчик, и Стоватор Игенома вспомнил, где он его видел. Полковник Эронтерос. Палач Убийны. Лет пять назад в одной из колоний-поселений начался бунт. Концессионная компания, владеющая лицензией на эту планету, попыталась навести порядок своими силами, но сделала только хуже. На планете начались настоящие бои, благо планета была земного типа и партизанам было где развернуться. Тогда для наведения порядка было принято решение использовать войска под мандатом ООН. Мандат на посылку войск был выдан королевству Инката, на что не было никаких особых причин, кроме опасения каждой из великих держав предоставить кому-то из соперников лучшие возможности для закрепления за собой новой колонии.

Командовать экспедиционной бригадой было поручено молодому, но уже прекрасно зарекомендовавшему себя полковнику Эронтеросу, блестящему отпрыску благородного, но обедневшего семейства. Спустя две недели после прибытия войск на планету в колонии наступило полное спокойствие и прибывшим эмиссарам межпланетного сообщества был представлен доклад о четком проведении миротворческой посреднической миссии. Все средства массовой информации взахлеб превозносили полковника Эронтероса, уже ставшего к тому моменту бригадным генералом.

Молодой генерал купался в лучах славы и строил амбициозные планы на будущее. Все это продолжалось до тех пор, пока из джунглей не выбралась небольшая группа повстанцев, среди которых находился известный журналист межпланетного канала новостей с Нового Вашингтона. Когда этот канал запустил в эфир привезенные им материалы, все человечество

было повергнуто в шок. Умиротворение колонии наступило столь быстро потому, что повстанцы были безжалостно уничтожены. Для этого полковник Эронтерос использовал средство, которое еще тысячи лет назад, когда человечество только вышло за пределы атмосферы своей родной планеты, было запрещено как варварское и бесчеловечное. Это были отравляющие газы. Как показало расследование, сразу после приземления полковник встретился с управляющим колонией и предложил за определенное вознаграждение урегулировать ситуацию к обоюдной выгоде. Управляющий ухватился за это предложение обеими руками, и полковник в течение недели отравил газами почти семьсот квадратных километров джунглей, уничтожив на этой территории не только повстанцев, но и семьдесят тысяч поселенцев-фермеров, и вообще все живое. Разразился страшный скандал. Военное ведомство королевства Инката моментально забыло о том, что Эронтеросу было присвоено звание генерала, и уволило полковника в отставку. Против него было начато судебное расследование, но до самого суда дело так и не дошло. Видно, какие-то влиятельные люди нажали на необходимые рычаги, и о полковнике как будто забыли. И вот теперь Стоватору Игеноме стало ясно, кто были эти влиятельные люди. Он лихорадочно вздохнул и вытер выступивший на лбу холодный пот, а полковник, продолжая смотреть на него своими рыбьими глазами, повторил:

– Я спросил: они все здесь «оттаявшие»?

Главный администратор проглотил комок, внезапно застрявший в горле, и, судорожно кивнув, ответил:

– Да.

Губы полковника скривились то ли в улыбке, то ли в брезгливой гримасе. Все так же бесстрастно он сказал:

– Хорошо.

К обеду они вернулись в административный сектор. Стоватор Игенома все время пытался отогнать от себя тревожные мысли, но они продолжали вертеться в голове. За все время экскурсии господин Перье не проронил ни слова, только дважды удивленно вскинул брови, когда главный администратор назвал объем перерабатываемой за день породы, 99 процентов которой приходилось отправлять на поверхность, будто изумляясь, как при таких расходах главный администратор может быть против предложений своего директора финансового департамента. Что подтверждало вчерашние мысли Стоватора Игеномы. Эронтерос же совал нос во все дыры, с сосредоточенным видом открывал крышки кабельных магистралей и назадал такую кучу вопросов, что Игенома вынужден был вызвать старшего энергетика, чтобы иметь возможность самому находиться рядом с господином советником. Потом был обед, скромный, но изысканный. За обедом, на котором присутствовал весь высший менеджмент и инженерный состав, господин Перье, который все утро держал себя холодно и отстраненно, вдруг снова резко изменил манеру поведения и стал подчерк-нуто дружелюбным. От этого у Стоватора Игеномы еще больше испортилось настроение.

После обеда они прошли в кабинет главного администратора. Как только за ними закрылась дверь, господин финансовый советник повернулся к хозяину кабинета. Теперь его тон был сух и даже немного презрителен:

– Я думаю, вы узнали нашего попутчика, господин Игенома? – Господин Перье сделал паузу и, дождавшись, пока главный администратор кивнет, продолжил: – В таком случае, я думаю, вы обрадуетесь, узнав, что столь прекрасный специалист будет вашим новым начальником охраны.

Стоватор Игенома был слишком опытным администратором, чтобы отреагировать на это известие как-то иначе, а не простым кивком головы. Хотя он дался ему с большим трудом. А финансовый советник между тем все говорил:

– Я бы хотел, чтобы вы поподробнее рассказали нашему гостю о колонии.

– Но... – начал было Игенома, однако господин финансовый советник его перебил:

– Именно о колонии, господин главный администратор, а не только о компании. Хотя, судя по нашей утренней прогулке, вы либо не поняли меня, что вызывает сомнения в ваших умственных способностях, либо не захотели этого сделать, что вызывает сомнения уже в вашей лояльности. – Перье усмехнулся. – Ну ничего, завтра мы исправим эту ошибку, а сейчас приступайте. Причем не упуская никаких деликатных подробностей.

Стоватор Игенома несколько мгновений пристально смотрел на господина Перье, но финансовый советник невозмутимо выдержал его взгляд. Действительно, что такого необычного было в его просьбе? Главный администратор шагнул к настенному экрану, чувствуя себя, однако, так, словно поднимается на эшафот.

Вечером, когда Эронтерос сидел в своем номере за пультом переносного компьютера, что-то увлеченно набирая, в его комнате появился господин Перье:

– Ну, что скажете, полковник?

Господин финансовый советник знал, что Эронтеросу нравится, когда его по-прежнему называют полковником, ибо он считал, что этот чин был присвоен ему абсолютно заслуженно. Впрочем, как и чин бригадного генерала. Только вот с этим чином было связано слишком много неприятностей, а потому инкатец больше любил, когда к нему обращались, называя полковником. Известно, что, потакая таким маленьким желаниям человека, можно добиться от него чего угодно. И хотя сейчас в этом не было особой нужды, Инсат Перье делал это просто по привычке. Эронтерос оторвал глаза от экрана и повернул к гостю возбужденное лицо:

– О, сеньор, никаких проблем. Штольни отделяются друг от друга почти полукилометровым слоем породы, а тоннели и шахты легко перекрыть. Но я бы не рекомендовал начинать демонтаж энергостанции в Первой штольне, пока мы не будем полностью готовы. Вероятнее всего, ее вообще не стоит демонтировать до окончания операции. Мы можем насторожить этих тварей. Я знаю эту породу. Они чувствуют опасность точно крысы, даже лучше крыс. А для нас главное – собрать их в одном месте. И поскольку большая часть сейчас находится в Первой штольне, не стоит делать ничего такого, что может их заставить уйти оттуда. Тем более что энергостанция располагается в герметичном блоке, так что ей ничего не грозит. – Он сделал паузу. – Меня беспокоит только этот Игенома. По моему, он что-то заподозрил.

Господин Перье рассмеялся:

– У вас такая репутация, друг мой, что мудрено ничего не заподозрить. Но не беспокойтесь – у меня есть уздечка, которая заставит его бежать в нашей упряжке.

– Чего? – не понял Эронтерос.

– Ничего, – поморщившись, ответил господин Перье, – просто знайте, что я держу его в руках.

– Тогда... асталависта, – радостно заключил полковник.

Назавтра по настоянию господина финансового советника они отправились в Первую штольню. Персоналу это было преподнесено как естественное желание высокого гостя осмотреть энергостанцию. Необычным было только то, что на сей раз они поехали на

грузовом магнитоптере. Но и это тоже было вполне объяснимо. Дороги Первой штольни уже давно никем не расчищались, и, хотя для господина Перье с парой сопровождающих вполне хватило бы разъездного магнитоптера, которым обычно пользовался сам главный администратор, тот настоял на транспорте, на котором передвигались рабочие смены. Почему, Игенома понял, когда увидел, сколько народу сопровождало господина финансового советника в этой поездке. Хотя, наверное, господин Перье не мог и предположить, какое транспортное средство им будет подано.

В назначенный час к парадному подъезду административного здания медленно подкатил шахтный грузовоз с объемом кузова в тысячу кубических ярдов. Господин Перье, одетый в аккуратный рабочий комбинезон с мощным фонарем на каске, с недоуменным видом забрался в кузов по неудобной лесенке и осмотрелся. Его внимание привлекли пластиковые скамейки вдоль бортов и поперек гигантского кузова. Он повернулся к главному администратору:

– Чья это идея?

Стоватор Игенома угрюмо пожал плечами, отметив про себя, что теперь, когда присутствуют только те, кого господин финансовый советник привез с собой, он не дает себе труда быть даже просто вежливым.

– Мне казалось, это разумное решение. Лавки достаточно прочны, и загруженная в кузов порода им никак не вредит, а наши рабочие не привыкли к особым удобствам. Зато мы экономим на транспорте.

Господин Перье скептически скривил губы, кто-то из его окружения пренебрежительно хихикнул:

– А как вы доставляете рабочих обратно?

Игенома разозлился:

– Я счел, что один порожний рейс двух грузовозов в день обойдется дешевле, чем содержание семнадцати пассажирских магнитоптеров с отдельными водителями и расходами на запчасти.

Господин Перье сухо спросил:

– И что, в двух грузовозах размещается вся смена?

Главный администратор кивнул:

– Да, за исключением тех, кто пригоняет на обслуживание самоходную технику. Они сменяются в гаражах.

– Но ведь, насколько я помню, в одной смене у вас работает почти семьдесят тысяч человек. А здесь вряд ли уместится больше двух тысяч.

– Как вы знаете, работы у нас ведутся в двух штольнях одновременно. Так вот, та, где разработка началась раньше, обычно уже оборудована транспортером и рабочие доставляются из казарм и обратно на нем, а грузовозы работают только в новой.

– Тогда почему бы сразу не оборудовать каждую штольню транспортером?

– Разработка штольни начинается в центре и идет по спирали, так что на первоначальном этапе транспортер пришлось бы переносить практически каждый день. Поэтому мы монтируем его, только когда проходим сорок процентов запланированного радиуса. А до этого ежедневные расходы на обслуживание транспортера были бы в среднем в три раза выше, чем суточные затраты на обслуживание грузовозов. Как только они выравниваются, мы переносим транспортер и начинаем бурить новую штольню.

Господин Перье кивнул:

– Что ж, разумно.

В Первой штольне, как всегда, было темно и грязно. Все магистрали, за исключением узкой дороги, которая вела к энергостанции, были завалены обвалами породы. Грузовоз, натужно ревя, подъехал к глухим, герметичным воротам и остановился в ожидании, пока створки распахнутся. Господин Перье подал знак полковнику Эронтеросу. Тот молча кивнул в ответ и полез из кузова. Его люди последовали за ним, и спустя несколько мгновений в кузове остались только господин Перье и главный администратор. В этот момент ворота распахнулись, и грузовоз плавно въехал под купол энергостанции. На центральном посту было только трое сотрудников. Господин финансовый советник окинул помещение безразличным взглядом и повернулся к Стоватору Игеноме:

– Здесь есть место, где мы могли бы спокойно поговорить?

Главный администратор кивком показал на дверь. Они молча прошли по коридору и поднялись этажом выше. Игенома остановился перед одной из дверей, распахнул ее и шагнул в сторону, пропуская высокого гостя вперед. С этой комнатой у него было связано много воспоминаний. Когда «Копи Рудоноя» только начинались, это был его кабинет. Господин Перье прошелся по комнате, то и дело поглядывая на что-то, что держал в руке, потом резко повернулся:

– Ну что ж, господин главный администратор, расставим точки над «i».

– Простите? – переспросил Игенома.

Инсат Перье усмехнулся:

– Да нет, ничего. – Он убрал невидимый предмет в карман, провел рукавом по стоявшему у стола креслу, словно смахивая с него пыль, уселся и в упор посмотрел на главного администратора. Когда молчание стало уже невыносимым, господин финансовый советник наконец заговорил: – Как вы уже несомненно поняли, я решил принять план вашего директора финансового департамента.

Игенома глухо ответил:

– Я готов немедленно подать прошение об отставке.

Господин Перье усмехнулся:

– Не надо спешить. Всем будет объявлено, что это *ваш* план и именно вы займетесь его выполнением.

Игенома изумленно уставился на Инсата Перье. Тот смотрел на него с сардонической усмешкой. Главный администратор упрямо вскинул голову:

– Я отказываюсь. Вы не представляете, во сколько нам обойдется эта глупая затея. Как только мы начнем работы, обитатели заброшенных штолен поднимут бунт. А справиться с ними не так-то просто...

Ему не дали договорить.

– Я в курсе как вашего особого отношения к этим человеческим отбросам, так и его причин. Но вам придется, так сказать, переломить себя. Так что слушайте меня внимательно. – Господин советник надменно улыбнулся. – О том, что будут делать эти отбросы, можете не беспокоиться. Этим займется полковник Эронтерос. Он привез с собой все необходимое. На вас ложатся только инженерные и технические вопросы. И я уверен, что с ними вы справитесь гораздо лучше нашего нового управляющего. Поэтому-то я и решил дать вам возможность еще раз проявить себя и, заметьте, несколько увеличить размер своего выходного пособия. У этого варианта есть и еще одна привлекательная сторона. – В голосе господина Перье снова послышались насмешливые нотки. – Ведь когда вы, воплотив в жизнь

идею вашего директора финансового департамента, уйдете в отставку, ваша строптивость не сможет причинить нам неприятностей. Ибо, как только вы откроете рот, чтобы попытаться обвинить нас в чем-нибудь, мы тут же выдвинем против вас встречное обвинение в том же самом. Изящное решение, не правда ли?

Игенома, бледный как полотно, застыл неподвижно, не сводя ошеломленного взгляда с сидевшего перед ним человека, потом всей грудью вдохнул воздух, явно собираясь сказать что-то резкое. Но Инсат Перье опередил его. Он рассмеялся и зачастил в этакой светской манере:

– У вас прекрасная дочь, господин Игенома, она мне очень понравилась при личной встрече. А ваш сын подает большие надежды в одной из наших дочерних компаний. Правда, они оба, как и вы, впрочем, имеют некоторую склонность к рискованным поступкам. – Он помедлил и сухо добавил: – Поэтому я не удивлюсь, если с ними вдруг что-нибудь случится.

Стоватор Игенома с шумом выпустил воздух сквозь сжатые зубы.

– ...И с тех пор не работает. – Чудовищно толстая женщина, по прикидкам Убогого превзошедшая даже мамашу Джонс, с багровым пятном от криогенного ожога в пол-лица, развела руками, изображая отчаяние, и уставилась на него просительным взглядом.

Убогий, вздыхая, бегло осмотрел громоздкий допотопный каталитический нагреватель и повернулся к клиентке:

– Ну и что же я получу за ремонт этой рухляди?

Женщина плаксиво запричитала:

– Вы же понимаете, мы люди бедные, а как прожить без очага-то...

Убогий поморщился. Первые несколько дней он, несмотря на бурные протесты совладельцев мастерской, коими числились Гугнивый Марсель и Пристукнутый Пит, раз за разом поддавался на подобные слезливые уговоры. Пока вдруг не понял из случайного подслушанного разговора, что люди смеются над ним за такую податливость. После того случая он наконец внял просьбам компаньонов и стал брать с клиентов то, что считалось здесь справедливой ценой. Однако слухи о том, что в новой мастерской можно обслужиться почти даром, уже распространились довольно широко. Как и о том, что здесь занимаются не только подзарядкой, но и починкой. И теперь разговор о плате всякий раз начинался одинаково.

– Простите, мадам, но все, кто сюда приходит, находятся примерно в таком же положении, как и вы. Так что, если вам есть чем заплатить, будьте добры, покажите, и тогда я посмотрю, что можно сделать, ну а если нет... – Он с отсутствующим видом посмотрел в сторону.

Толстуха сердито насупилась. Но затем, рассудив, что ссориться с мастером еще рановато, снова приняла удрученный вид и начала пыхтя рыться в своей корзине из сваренных стальных прутьев, набитой какими-то тряпками. Найдя наконец искомое, она воровато оглянулась на дверь, которая заменила тряпичную занавеску, ранее прикрывавшую вход в комнату, и извлекла две слегка вздувшиеся и густо тронутые ржавчиной по обрезу крышки жестяные банки. Убогий раскрыл глаза от удивления. Да это же тушенка! Просто невероятно!

Высший инженерный персонал и служащие компании, работавшие по контракту, могли питаться очень даже неплохо. К их услугам был продуктовый магазин, в котором можно было купить практически все, и два ресторана в развлекательном центре. Однако даже банка консервированной кукурузы стоила там столько, сколько рядовой специалист-контрактник получал за целый рабочий день. Поэтому многие предпочитали экономить, урезая свой рацион до достаточно дешевых, по их меркам, армейских пищевых концентратов и блюд из грибной массы, которая производилась на местных грибных фермах. Надзиратели и младший персонал из «оттаявших» получали паек второй категории, по набору продуктов сходный с тем, что имели специалисты более высокого ранга, но их пищевые концентраты были, конечно, гораздо хуже качеством, зачастую с просроченным сроком годности. Основная масса «оттаявших» довольствовалась только грибными продуктами и раз в неделю получала скверную бобовую похлебку из концентратов. Ну а люди-крысы жили тем, что удавалось украсть с грибных ферм. Некоторые, правда, собирали еще улиток и слизней, неведомо каким образом расплодившихся в заброшенных тоннелях, но компания регулярно проводила

дезинфекцию тоннелей, поэтому такой пищей можно было запросто отравиться. Так что мясо, даже в виде тушенки, было здесь деликатесом, о котором нельзя и мечтать, да никто и не мечтал, потому как его в Первой штольне не бывало никогда.

Прежде чем посмотреть в глаза толстухе, Убогий попытался принять равнодушный вид и сощурил глаза, чтобы не выдать своего удивления:

– Пойдет, хозяйка.

Женщина, как видно, все же что-то заметила, потому что вдруг сменила тон:

– А коли так, чего расселся? Или ты думаешь, что получишь плату за пустые разговоры? – прокричала она, подбоченясь.

Убогий, поспешно поднявшись с табурета, шагнул к искореженному, в пятнах ржавчины кубу обогревателя. Пока он возился с задней панелью, перед его мысленным взором витали открытые банки с тушенкой, от вида которых у него заурчало в желудке и рот наполнился слюной. Он так увлекся своими мечтаниями, что в очередной раз несколько косо поставил отвертку и она сорвалась, располосовав ему палец на левой руке. Убогий чертыхнулся и сунул палец в рот. Хотя, похоже, в этом не было особой необходимости. Несколько дней назад он вдруг заметил, что любые ссадины и порезы заживают на нем как на собаке. А изуродованные пальцы, несмотря на пока еще неприглядный внешний вид, уже довольно ловко управляют с проводками, таблетками микросхем и иной тонкой начинкой. А ведь у остальных обитателей Первой штольни с ее затхлой атмосферой даже легкий порез превращался подчас в язву, гноившуюся неделями. Впрочем, в остальном он ничем не отличался от других – как и они, получал ссадины, сажал себе шишки и синяки, мучился желудком, съев что-нибудь мало пригодное для еды, и регулярно испытывал чувство голода. Последнее, впрочем, ему не грозило уже несколько недель. С тех пор как они открыли свою мастерскую, еды стало вдоволь. Его расчет на то, что люди валом повалят к мастеру, умеющему не только заряжать севшие батареи, но и устранять неисправности, полностью оправдался. Так что шунт, как он и предполагал, скорее был знаком, что здесь расположена мастерская, чем действительно использовался. Ну да ладно, невелика была работа. Так что еды у них хватало. К тому же, как оказалось, мастерская стала настоящим университетом по изучению людей. Хотя нет – началось это еще в ночлежке мамыши Джонс. Именно там Убогий впервые научился различать тончайшие оттенки настроений по таким, казалось бы, далеким от этой тонкой материи признакам, как топот башмаков Фуга Стамески, сопение Грязного Буча или то, как мамаша Джонс вытирает замызганным фартуком пухлые мозолистые ладони, что позволяло ему не только вычислять их возможную реакцию на его появление, но и безошибочно угадывать момент, когда можно урвать лишний кусок и получить за это не слишком крутую затрещину. Здесь же университет только продолжался. Какие только невероятные истории ему не приходилось выслушивать, пока клиенты сидели на колченогой табуретке, ожидая, когда Убогий закончит разбираться с их рухлядью. Что только не пытались ему наплести, чтобы заставить скинуть цену. Среди обитателей Первой штольни встречались выходцы с доброй полусотни миров, и вся эта яркая смесь культур, манер, привычек, моральных норм и жизненных историй каждый день проходила перед ним, поворачиваясь то одним, то другим боком. Он узнал, что кайтанцев лучше не обманывать, а тренцы никогда не говорят правды. Регуланцы – мастера поторговаться, а таирцы хитры как черти. К тому же он вдруг с удивлением осознал, что может с успехом использовать это знание. Для того чтобы добиться своего, не требовалось даже прилагать каких-то особых усилий – достаточно было вовремя хмыкнуть или поддакнуть, а то и просто бросить

вскользь, что вот-де Крутой Болт был бы не против, и все оказывалось, как он того хотел. Это открытие его просто поразило. На него временами накатывало смутное ощущение, что раньше ему уже доводилось руководить подчиненными и подчиняться вышестоящим. Но сейчас, к его удивлению, получалось, что он может управлять людьми, которые и не находятся у него в подчинении. Из-за мыслей об этом он вот уже несколько дней не сразу засыпал, долго ворочаясь с боку на бок под ворчание стариков. Ему не давало покоя настойчивое ощущение, что именно отсутствие этого умения и повергло его когда-то в то состояние, в котором он сейчас находился. Но пока он был еще в самом начале пути по овладению этим умением. К тому же, если его что-то выбивало из колеи, как, например, банка тушенки, все его умение исчезало напрочь.

Убогий откинул заднюю панель и отшатнулся: из внутренностей обогревателя вылетело целое облако пыли и трухи.

– Где он у тебя стоял, хозяйка?

– Не твое дело, – прикрикнула она. – Ты давай чини. А то ничего не получишь!

Убогий вздохнул. Ему совсем не нравился такой оборот дела. Что-то эта помесь слонихи с носорогом слишком много себе позволяет. Ее следовало приструнить, а то как бы по штольне не пошли гулять слухи, что его можно запугать. Он с треском вогнал на место только что снятую крышку и, распрямившись, повернулся к клиентке:

– Вот что, мадам, я чувствую, что при таком хамском отношении вам придется поискать другого мастера.

Женщина бросила на него оценивающий взгляд. Мало найдется в Первой штольне людей, способных устоять перед настоящим мясом. Но этот урод, глотавший слюну, стоял с таким независимо-оскорбленным видом, что она тут же пошла на попятную:

– А что я такого сказала? Я же ничего не сказала, вы уж не обижайтесь на старую бедную Грету.

Ив мысленно присвистнул. Так вот, значит, кто сидит перед ним. Белобрысая Грета! Самая богатая и влиятельная женщина в Первой и Второй штольнях. Ну еще бы! Можно было бы и догадаться. У кого еще могло бы найтись мясо. Убогий покосился на камин. Вряд ли Белобрысая Грета так уж сильно нуждалась в тепле от этой рухляди. Выходит, этот обогреватель нужен ей для чего-то еще.

– Вы хотите, чтобы он грел, и все?

– Вот еще, – фыркнула Грета, но тут же, спохватившись, перешла на примирительный тон: – Нет, уважаемый, мне нужно, чтобы он работал так же, как прежде. Чтобы на передней панели так же плясали языки пламени и он наполнял бы мою комнату не только теплом, но и уютом.

Убогий мрачно вздохнул. Да уж, судя по всему, за эти две банки придется изрядно попотеть.

– Боюсь, я не смогу вам сразу сказать, насколько это возможно. Оставьте, я вечером посмотрю его повнимательнее.

– Вот еще, – снова фыркнула женщина, но, взглянув на мастера, опять сбавила тон: – А может, займешься прямо сейчас? Мне он нужен уже завтра.

Убогий усмехнулся:

– Не беспокойтесь, мадам. Если окажется, что что-то можно сделать, то завтра он будет готов, а если нет... – Он развел руками, показывая, что результат зависит не только от него. – Тогда я вряд ли успею завтра к утру, если даже займусь им немедленно.

Белобрысая Грета нахмурилась, размышляя, и со вздохом поднялась с табуретки:

– Ну что ж, парень, я пришлю ребяток завтра к десяти. Ты уж постарайся, ладно?

Она нерешительно посмотрела на банки у себя в корзине и, махнув рукой, бросила ему одну:

– На, это задаток.

Убогий поймал банку на лету, сглотнул слюну и протянул ее обратно:

– Извините, мадам, но вынужден отказаться. Вряд ли эта банка доживет у меня до утра, а ведь может оказаться, что я ничего не смогу сделать.

Белобрысая Грета покачала перед собой ладонью:

– А и пес с ним. Я побывала уже во всех лучших мастерских, и никто не взялся помочь. Даже мастер, ставящий шунты. Можешь считать это подарком. А уж если сделаешь, то не пожалеешь. – С этими словами она повернулась и направилась к выходу.

Убогий подождал, пока захлопнется входная дверь, и метнулся в угол мастерской. Там он вытащил из стены камень, затолкал в отверстие банку и вбил камень на место. Его компаньоны уж как-нибудь обойдутся без мяса, а для него этот подарок просто манна небесная. Он замер, рисуя в воображении пир, который устроит себе сегодня вечером, и тут вдруг почувствовал, что в комнате он не один. Это было словно ушат холодной воды. Убогий резко повернулся, готовый разразиться бранью, и... замер на месте с открытым от удивления ртом.

– Ну что, сын мой, явилось ли тебе чудо Господне? – прогремел у двери трубный глас фра Така.

Убогий, недвижно застывший в углу, стряхнул наконец оцепенение и с широкой улыбкой шагнул вперед, раскрыв объятия неожиданному гостю. Этот человек ухитрился всего за пару не самых приятных дней стать для него намного ближе и роднее, чем все, кто встретился ему за последний год.

– Ну что ж, уважаемый мастер, – сказал фра Так через некоторое время, сидя на табурете и прихлебывая горячий отвар из сушеного чайного гриба, – ты, как я вижу, неплохо устроился.

– Можно сказать и так, – улыбнувшись, согласился Убогий, со стуком вогнав на место батарею ручного фонаря и протягивая его подошедшему меж тем клиенту: – Получайте.

Тот обрадованно схватил фонарь, несколько раз щелкнул кнопкой, проверяя, как он работает, и, подозрительно покосившись на фра Така, протянул Иву треснутый стеклянный плафон с оббитым краем, в котором лежало с десятков слизняков.

– Не сомневайтесь, мастер, это из моего особого тоннеля, – прошептал он на ухо мастеру. – «Белолицы» о нем не знают, и потому там никогда не бывает «травилки».

Убогий кивнул. Это были обычные местные байки. Откуда взяться каким-то тайным тоннелям на глубине почти полутора километров, если все они были проложены по планам компании и машинами компании? Однако он не стал отказываться. Кто его знает, возможно, слизняки вполне съедобны, а если так, то плата выходила даже щедрой. Впрочем, это как раз и усиливало сомнения. Альтруисты и меценаты здесь не выживали.

Когда за посетителем закрылась дверь, Убогий с хрустом потянулся и повернулся к фра Таку:

– На сегодня все. – Он бессильно опустил руки. – Извини, старина, не могу пригласить тебя в бар, поскольку таковых здесь не водится, но за последнюю неделю я немного разбогател, так что... – Ив нагнулся над кучей ржавых деталей и поломанных механизмов и

достал оттуда емкость, представлявшую собой рассеиватель верхней фары магнитофтера, наполненную вонючим грибным бренди.

– Сатанинского зелья не употребляю, – сурово ответил фра Так, но тут же расплылся в улыбке: – Разве что по особому случаю.

Посоветовавшись, оба решили, что это и есть тот самый случай.

Весь вечер Убогий чувствовал душевный подъем, и к тому времени, когда бренди закончилось, обоим было очень хорошо, хотя и немного обидно. В середине импровизированной попойки Убогий как-то бессознательно отметил про себя, что в мастерской находятся взявшиеся откуда-то Гугнивый Марсель и Пристукнутый Пит. Но они как появились, так и исчезли, очевидно испуганные видом грузного и громогласного монаха, который, размахивая своими здоровенными кулачищами, как раз в этот момент заорал что-то уж очень отдаленно напоминавшее молитву. Когда же фра Так выудил из своего неизменного мешка фляжку, в которой бултыхалось что-то, пахнущее намного лучше, чем вонючее грибное бренди, Убогий поймал себя на мысли, что, пожалуй, вечерок сегодня получился что надо. Несмотря на вонь, грязь, слизь, убогость и более чем километровую толщу породы над головой.

Когда охи, вздохи и скудные воспоминания были исчерпаны и Убогий ответил на все вопросы, которые на него вывалил фра Так, он вдруг только теперь заметил рясу, по-прежнему обтягивавшую дородную фигуру монаха, и озадаченно спросил:

– Слушай, а ты-то как ускользнул от рычагов проходческого щита?

Фра Так усмехнулся:

– У меня большой опыт в этом деле. Можешь себе представить – это мое восьмое «оттаивание».

Убогий ошарашенно воззрился на него:

– Да-а-а, я, конечно, почувствовал, что ты опытный человек, но восемь раз... Слушай, а почему ты мне помог?

Фра Так ласково посмотрел на него:

– Как тебе сказать, просто... Понимаешь, сын мой, там у всех были глаза... затравленных зверей. Кто смотрел овцой на бойне, кто бараном, кто собакой, а кто и волком, а когда в отсеке появился ты, то я сразу обратил внимание, что ты смотришь совсем не так. У тебя был взгляд... – Он пошевелили пальцами, подбирая слова. – Что в нем было такое?.. Я бы сказал, этакая смесь смирения и... гнева, что ли. Будто тебя, прости господи, отвлекли от чего-то важного. И ты понимаешь, что хотя это совсем не входило в твои планы, но деваться некуда и придется посвятить этому неприятному делу некоторую часть своего драгоценного времени. Хотя, конечно, это тебе очень не нравится. – Монах перевел дух, хитро поглядывая на Убогого. – А теперь представь-ка себе этот взгляд у еле стоящего на ногах уродца. Да не обрушится на меня кара Господня.

Убогий попытался представить нарисованную картину и, когда что-то получилось, рассмеялся:

– Поэтому ты и нарек меня тем странным именем?

– А что оставалось делать? Ты ведь не пожелал представиться.

Они выпили еще по глотку. Убогий прислушался, как обжигающая влага прошла по пищеводу, и поинтересовался:

– Откуда у тебя такая роскошь?

– Ну, да простит меня Господь, даже на Варанге я бы не согласился с такой оценкой,

однако здесь... Да, это роскошь. – Фра Так прикрыл глаза, смакуя вкус принесенного напитка. – Благодарение Господу, это дар одного из моих прихожан.

– У тебя есть приход? – удивился Убогий.

– Теперь да.

Убогий покачал головой:

– Вот уж не думал, что тебе удастся уговорить кровососов, которые здесь командуют, чтобы разрешили тебе открыть приход.

Фра Так пожал плечами:

– Я сам удивляюсь. Хотя мне удалось сделать это даже на Ирронтканге. А можешь себе представить, как тяжело разъяснить догматы христианства созданиям, которые размножаются яйцекладкой, поедают своих мертвецов на прощальной церемонии и обучают детей приемам продолжения рода на публичных церемониях соития. Но, возблагодарим Господа нашего, как мне кажется, здесь дело не только в моем красноречии. Я считал, что мне потребуется не менее полугода, а то и год, прежде чем я сумею добиться разрешения на открытие прихода. И когда на первое прошение получил категорический отказ с пояснением, что им вполне достаточно приходов, финансируемых компанией, то не слишком расстроился. Однако неисповедимы пути Господни. Неделю назад меня поздно вечером вызвали в центральный офис и сам господин Стоватор Игенума, главный администратор компании, вручил мне разрешение на открытие прихода. – Монах сделал паузу. – Он сказал мне, что ему нужно такое место, где между ним и Господом будет наименьшее число посредников.

Они помолчали, потом Убогий спросил:

– А к чему ты разыскал меня?

– Ты, наверное, хочешь спросить, как разыскал... Ну, благодарение Господу, это было просто. Я знал, что твой порядковый номер обязательно будет в первом десятке, а среди первых обычно не бывает задохликов. Так что мне было достаточно уточнить, куда делось тело из первого десятка, на которое поступило наибольшее число отказов. Но даже я не ожидал, что на тебя оформят бесплатную выдачу. Сказать по правде, узнав об этом, я даже пал духом. Если бы ты оказался в рабочих казармах, то со здешней системой надзора отыскать тебя было бы раз плюнуть. А как, скажите на милость, можно тебя разыскать среди тысяч людей, что ютятся по норам Первой штольни, если здесь даже соседи зачастую не знают, кто копошится в соседней норе. Так что мне повезло, что ты, во-первых, уже успел стать известной личностью в Первой штольне, а во-вторых, оказался вполне соответствующим тому имени, которым я тебя нарек. За что, несомненно, стоит поблагодарить само божественное Провидение.

Убогий кивнул:

– Пожалуй, стоит. Но ты не ответил на мой вопрос. Я не ошибся, когда спросил, к чему ты меня разыскал.

Фра Так замялся, подыскивая слова:

– Господь сподобил. Не знаю. Однако, когда сам главный администратор ищет место, где можно было бы без свидетелей обратиться к Господу, мне становится как-то неуютно. А ты мне – единственная знакомая душа на Рудоное.

Они немного помолчали, думая каждый о своем, потом Убогий, вздохнув, заметил:

– Ты не производишь впечатление человека, который смиренно вверяет свою судьбу Господу.

– А почему ты думаешь, что Господу угодно бездействие? Вся моя жизнь до сих пор убеждала меня в обратном.

Они снова замолчали.

– Допустим, эти, как их здесь называют, «белолицы» действительно готовят какую-то пакость, – наконец заговорил Убогий. – Но чем могу помочь я?

Фра Так тяжело вздохнул:

– Не знаю, я молился, и Господь не подал мне никакого знака и не вложил в мою голову никакой мысли, кроме как обратиться к тебе. Хотя я не знаю ни кто ты такой, ни почему я должен это сделать. Просто знаю, что должен. – Монах вдруг спросил с некоторой робостью: – Ты не испытываешь желания исповедаться, сын мой?

Убогий горько усмехнулся:

– Если бы я мог...

Фра Так недоуменно воззрился на него. И то ли Убогий слишком много выпил в этот вечер, то ли действительно пришло время, но он вдруг поднялся и, шагнув к брату Таку, опустился перед ним на колени, на этот раз даже не обратив внимания на то, как привычно проделало это его тело.

– Простите меня, святой отец, ибо грешен я...

Он рассказал ему все. Его рассказ был сумбурным, он перескакивал с одного на другое, повторялся, путался, потом возвращался назад, но в конце концов фра Так узнал всю короткую историю его новой жизни и все то, что так удивляло его самого. Когда Убогий замолчал, в комнате наступила мертвая тишина. Он и сам был несколько оглушен своим порывом. Это помещение с грязными стенами и дверью, сделанной из куска пластика, с двумя колченогими табуретами и несколькими ворохами тряпья у дальней стены, служившими постелью трем не очень чисто плотным мужчинам, совсем не походило на исповедальню. Однако когда он наконец поднял глаза на исповедника, то понял, что поступил правильно. Во взгляде фра Така светилась некая торжественность. С замиранием сердца Убогий спросил, хотя, как ему казалось, он уже знает ответ:

– Вы... можете мне, святой отец?

Тот кивнул:

– Да, сын мой. – Фра Так повел плечами и смущенно потерся щекой о плечо. – Хотя пока я не знаю как. – Он на миг задумался. – Скорее мы оба поможем друг другу.

Убогий посмотрел исподлобья на монаха – уж не смеется ли тот над ним, – но фра Так был серьезен. Снова наступила тишина. Потом монах заговорил снова, медленно и словно бы с опаской:

– Как я понял, тебя больше всего мучает один вопрос – кто ты и откуда?

Убогий кивнул:

– Это так.

Хотя этот разговор вызвал в нем новый приступ сомнений, граничащих с отчаянием, он чувствовал, что сегодня что-то произойдет. А главное – он почувствовал облегчение просто от одного того, что кто-то еще будет нести бремя его тайны.

– А не кажется ли тебе, сын мой, что все твои метания оттого, что рядом с тобой не было человека, которому ты мог бы поведать свои раздумья и сомнения?

Убогий нерешительно кивнул:

– Я не знаю, возможно, ты прав.

– А не задумывался ли ты над тем, почему все это с тобой происходит?

Убогий недоуменно посмотрел на монаха:

– Что «все»?

– Ну все: пожар, беспамятство, страдания, «мясной склад», то, что ты оказался на самом дне грязной ямы, переполненной человеческой низостью и подлостью?

Убогий ошарашенно уставился на Така:

– Уж не думаешь ли ты...

– Нет, – перебил его монах, – это – Испытание. Сдается мне, Господь готовит тебя для чего-то воистину великого.

От этих слов у Убогого побежали по спине мурашки. Он не знал, что сказать.

– И... что? – еле слышно спросил он.

Фра Так молча опустил на колени и нараспев забормотал молитву, и она была столь страстной, что Убогий тоже невольно стал повторять за ним ее слова, нимало не удивляясь тому, что помнит их наизусть. Закончив молитву, монах постоял еще немного на коленях с закрытыми глазами, потом повернулся к Убогому:

– Да будет воля Господа нашего. – Фра Так осенил его крестным знамением. – Мне кажется, Господь ниспослал мне откровение. Ибо чувствую я, что предстоит тебе дело более трудное, чем ты думал ранее. – Он помедлил. – И не зря я нарек тебя именем Корн. Ибо в нем и есть твоя истинная сущность, которую ты обязательно обретешь.

– И с чего же мне начать? – спросил Убогий.

Монах вздохнул:

– Не знаю. Если ты позволишь мне стать твоим духовником, я смогу время от времени мучить тебя сомнениями.

Убогий невесело усмехнулся:

– Ну это и у меня самого иногда неплохо получается, – и, подумав, добавил: – Впрочем, мне кажется, не стоит с ходу отвергать помощь настоящего профессионала.

В мастерской воцарилось молчание, которое, впрочем, тут же было нарушено громким хохотом.

– Завтра я покидаю Рудоной. Операцию начинайте не позже, чем через сутки после моего отъезда. Вы уверены в том, что для полного разложения ОВ будет достаточно двухнедельного карантина? – Господин Перье испытующе посмотрел на полковника Эронтероса.

Тот энергично закивал:

– Да, с запасом. Я использовал этот газ на Убийне, и там мы проводили зачистку уже через четверо суток. Так что две недели – это даже с запасом.

Инсат Перье слегка наклонил голову, как бы соглашаясь с Эронтеросом, но если бы в апартаментах господина финансового советника присутствовал кто-то, кто хорошо знал господина Перье, от него бы не ускользнуло едва заметное движение его губ, сложившихся в тщательно скрываемой усмешке. Впрочем, если бы в апартаментах господина Перье действительно находился такой человек, то финансовый советник ни за что не позволил бы себе подобного движения лицевых мускулов. А Эронтерос... Это просто тупой злобный подонок, которому нравится убивать. Сейчас он весь переполнен предвкушением того, что вскоре займется любимым делом. Господин Перье отвел взгляд. Глаза меньше поддаются контролю, и не стоит давать Эронтеросу ни малейшего намека на то, как он действительно к нему относится. Впрочем, даже если бы он и понял, ничего страшного – просто пришлось бы поменять стиль взаимоотношений, что, однако, означало бы потерю времени, соответственно, затраты и дополнительные усилия.

– Не сомневайтесь, ваша честь, сделаем все в наилучшем виде, целую ваши ноги.

Господин Перье едва заметно поморщился. Эронтерос так и не смог до конца избавиться от своих провинциальных замашек. Хотя чего еще можно ожидать от выходца из такой дыры, как Инката.

– Ну, что ж, полковник, я очень на вас надеюсь.

Тот одернул полы рабочего комбинезона, как будто на нем был военный мундир, и попытался щелкнуть каблуками своих горняцких ботинок на толстой и мягкой рифленой подошве. Не удалось. Господин финансовый советник кивнул, и полковник вышел, четко печатая шаг. Когда дверь захлопнулась, Инсат Перье убрал с лица высокомерно-благосклонное выражение и устало потер пальцами веки. В общем-то, все было готово, однако его продолжал грызть червячок сомнения. Он никак не мог взять в толк, почему Стоватор Игенома так категорично отвергает столь выигрышный в финансовом отношении план. И ведь нельзя сказать, чтобы главный администратор действительно испытывал какие-то особые симпатии к этим отбросам. Намеки Перье насчет судьбы его бывшей секретарши, ныне пребывающей среди людей-крыс, предназначались скорее для создания определенного настроения в разговоре. Разве это не понятно? К тому же Игенома слишком хороший администратор, чтобы не видеть столь очевидных выгод проекта. Тогда в чем же дело? Моральные соображения? Перье усмехнулся. Руководители такого уровня о морали вспоминают только тогда, когда это выгодно. Тогда что? От этих размышлений закололо в висках. Он тряхнул головой и помассировал их кончиками пальцев. А может, действительно следовало положиться на гигантский опыт главного администратора и предоставить ему свободу действий? Во всяком случае, до сих пор он прекрасно справлялся. Инсат Перье несколько мгновений сидел, уставившись неподвижным взглядом в стену, потом

раздраженно поджал губы. Да что это с ним происходит? Разве не он сам лично не только проработал в деталях этот план, но и провел рекогносцировку непосредственно на Рудоное? Тогда какие могут быть сомнения? По-видимому, это просто усталость. Мало того что он уже давно не покидал так надолго орбитальную станцию клана Свамбе, на которой была расположена штаб-квартира госпожи Свамбе-Никатки, так еще это подсознательное ощущение километрового слоя породы над головой... С каким удовольствием он завтра покинет эти штольни. Инсат Перье поднялся из-за стола и направился в спальню. Однако, когда он, уже приняв душ, лежал в постели, ему внезапно пришло на ум, что, как бы он ни был уверен в успехе, следует кое-что сделать, чтобы на всякий случай подстраховаться. Эта мысль его успокоила, и он уснул.

...Фра Так появился в мастерской лишь через неделю. Всю эту неделю Убогий провел в беспокойстве. В Первой штольне появились какие-то темные личности. Они явно были не из беглых «оттаявших», хотя носили очень похожие грязные комбинезоны и потрескавшиеся каски. В то же время это были и не обычные ремонтники компании, хотя имели при себе мощные фонари и диагностическую аппаратуру. Те осмеливались появляться в Первой штольне только в сопровождении хорошо вооруженной охраны, зная прекрасно о том, что их снаряжение и оборудование – лакомый кусок для ее обитателей. Эти же были одни и вели себя по-хозяйски. К тому же когда одна из местных шаяк попробовала было зажать пару таких темных личностей в одном из тупиков, то минут через пять обе жертвы спокойно покинули место засады, а численность шайки уменьшилась на пять единиц. Слух об этом разнесся по всей Первой штольне, и непонятных гостей больше задевать не пытались. Рассказ монаха о внезапном желании главного администратора побеседовать с Господом без лишних посредников, да и просыпавшиеся время от времени в глубинах подсознания неясные воспоминания, порой принимавшие форму непонятно откуда возникавших побуждений и навыков, наполняли Убогую предчувствием, что Первую штольню ждут какие-то серьезные неприятности. Только было абсолютно непонятно какие. Конечно, если намечалась серьезная зачистка, то отбросы, составлявшие население Первой штольни, вряд ли смогли бы оказать мало-мальски серьезное сопротивление. Но для того, чтобы добраться до каждой норы, необходимы были столь значительные силы, что Убогий сильно сомневался, насчитывается ли в штате охранной службы компании хотя бы десять процентов от требуемого числа. Облавы же по секторам ничего бы не дали. Люди-крысы привыкли ускользать от регулярных облав, устраиваемых службой охраны, когда она выходила на отлов рабочей силы. Как правило, в сети охранников попадали только те, кто этого хотел сам. На это шли, чтобы слегка подхарчиться или поболтать с приятелями, которые предпочли относительно сытую казарму свободе безделья и прозябания. К тому же жители Первой штольни гораздо лучше знали место своего обитания. Нет, явно планировалось что-то другое. Да и не производили эти ребята впечатления обычных охранников. Убогий, воспринимавший внезапно пробудившиеся рефлекс (к примеру, необычную манеру держать нож, подходящую скорее для метания или довольно чистых подсечки и броска, которые он с успехом и провел, пытаясь утихомирить двух клиентов, недовольных размером платы) как некие послания своего подсознания, также пытавшегося пробиться к нему из глубины, восстанавливая его прошлое, а потому несколько недель назад начавший небольшие тренировки, прекрасно представлял себе, на что он способен и на что – нет в своем нынешнем состоянии. И хотя для большинства обитателей Первой штольни он уже был достаточно крепким орешком, для подготовленного профессионала... А эти ребята явно

были профессионалами.

Фра Так появился под вечер. Когда он возник на пороге мастерской, Убогий как раз заканчивал сборку многосистемного тестера-настройщика. С тех пор как начались странные события, он прикинул, что раз его физические кондиции пока не позволяют ему считать себя грозным бойцом, то уж с головой-то у него все в порядке. А потому он решил как-то подготовиться, чтобы в случае чего быть во всеоружии. И начал часть платы брать обломками сложных приборов и остатками консолей, догнивавших в разрушенном здании администрации. Народ быстро смекнул, что можно серьезно сэкономить, подсовывая этому лоху с умелыми руками разный ненужный хлам, и вскоре, несмотря на бурные протесты стариков, их каморка оказалась заполнена разбитыми приборами, искореженными стойками, кусками коаксиального кабеля и иным металлоломом. Однако, худо-бедно, он сумел среди всего этого хлама отыскать некоторое количество целых деталей и собрать примитивный, но достаточно мощный комп и несколько полезных вещей попроще. Убогий пока не мог найти какого-либо удобоваримого объяснения своим навыкам обращения с электроникой и просто пользовался неизвестно откуда берущимися знаниями и умением. Сегодняшний заказ был довольно выгодным, но стоило монаху появиться на пороге, как мастер отложил корпус прибора в сторону и поднялся навстречу гостю:

– Рад тебя видеть, старина, – но, увидев выражение его лица, встревоженно спросил: – Что случилось?

– Много чего, – сквозь зубы ответил монах и, окинув взглядом комнату, грузно опустился на табурет.

Убогий молча ждал продолжения. Монах вздохнул:

– Сегодня улетел Инсат Перье.

Убогий недоуменно пожал плечами:

– А кто это?

Фра Так удивленно взглянул на него и через силу улыбнулся:

– Я как-то позабыл, что, хотя тебе и суждены великие дела, пока что ты просто одна из крыс Первой штольни.

– Тебе бы все смеяться, – шутливо сказал Убогий, однако монах не поддержал на сей раз шутливого тона, а еще больше помрачнел. Стало понятно, что в колонии действительно происходит что-то серьезное. – Вот что, старина, давай-ка по порядку.

– Если по порядку, то вчера вечером ко мне на исповедь пришел Стоватор Игенума. Я должен хранить тайну исповеди, а потому расскажу тебе только о том, что узнал, когда после исповеди бросился проверять то, что он мне рассказал. Во-первых, слухи о том, что Первую штольню собираются очистить от людей-крыс, имеют под собой реальную почву. Во-вторых, у компании новый начальник службы охраны, а сама численность охраны увеличена вдвое. И в-третьих, нового начальника службы охраны зовут полковник Диего Эронтерос.

До Убогого не сразу дошло, почему фра Так произнес с такой многозначительностью имя нового начальника службы безопасности колонии, но вдруг вспомнил. Еще бы, все межпланетные сети новостей два месяца подряд, с момента появления первых свидетельств и все то время, пока шло расследование, заходились в истерике, смакуя чудовищные подробности случившегося на Убийне. Все стало на свои места. Гневно сверкнув глазами, он сдавленно прошептал:

– Значит, газ...

Монах молча кивнул. Убогий тихо спросил:

– И когда?

Фра Так пожал плечами:

– Не знаю, но Инсат Перье улетел сегодня утром.

Убогий поднялся на ноги:

– Ясно... надо предупредить всех и...

Дверь с грохотом распахнулась, и в открывшемся проеме нарисовались несколько плечистых фигур. Убогий ошеломленно замолчал и безвольно опустился на кучу старых деталей и неисправных приборов. Трое из пришедших вошли внутрь. Фра Так поднялся с табурета и, грозно взглянув на них, громко возгласил:

– Именем Господа вопрошаю: кто вы и что вам надо в сем доме?

Первый из вошедших насмешливо улыбнулся:

– Ваши прихожане, святой отец, правда будущие. Но нам было очень любопытно: чем это занимается наш будущий пастырь по ночам? Вот мы и пошли потихоньку за ним, и что же мы обнаружили? – Он все с той же насмешливой миной осуждающе покачал головой. – Святой отец, один! По ночам! Посещает злчные места. Ай-ай-ай. – Он погрозил монаху коротким клешнеобразным пальцем, зло оскалился и, внезапно сжав пальцы в горсть, без замаха ударил фра Така в солнечное сплетение. Тот как-то странно всхлипнул и мешком свалился на пол.

Убогий, по-прежнему сидя с открытым ртом среди железного хлама, молча хлопал глазами. Тот, что ударил монаха, медленно повернулся к нему:

– Ну а ты что скажешь, птенчик? Признаюсь, я несколько разочарован. Этот монах узнал нечто, что вовсе не предназначалось для его ушей. И к кому же он прибежал с этим?! К тебе?! Я ожидал увидеть кого-нибудь попрличней.

Но Убогий продолжал сидеть с ошарашенным видом. До него вдруг дошло, что после трагедии на Убийне прошло почти восемь лет и это было воспоминание из его прошлой жизни. И тут он ясно осознал, что воспринимает все происходящее совсем не так, как еще мгновение назад. Не как едва оправившийся после болезни беспомощный урод, а как опытный боец. Расстояние до нападавших, где находятся их руки, степень напряжения мышц, направление взглядов – все это внезапно стало ясным и понятным. Как и то, что и как он должен и может сделать.

– Так что, птенчик? Или ты уже умер?

Убогий поднял глаза на ухмылявшегося противника и, скорчив трусливую гримасу, дрожащим голосом спросил:

– Это правда?

Тот усмехнулся:

– Тебе это не грозит. Ты ведь проживешь ненамного дольше, чем святой отец.

Он сделал шаг вперед и лениво пнул в грудь это убогое, перепуганное существо. «Крыса» опрокинулся навзничь, судорожно раскинув руки, но в следующее мгновение его руки вдруг взлетели вверх с каким-то куском трубы, присоединенным к кабелю. Раздался треск, с переднего конца трубы сорвалась гигантская белая искра. Парни были обучены совсем неплохо, но они были совершенно не готовы к какому-либо сопротивлению. Первый рухнул, не успев понять, что случилось, второй успел рвануть руку к поясу, а третий даже умудрился выхватить лучевой пистолет. Но это было все, что он успел сделать. Убогий отшвырнул шунт, кувыркнулся вперед, подхватил руку третьего, сжимавшую вытасченный лучемет, и, потянув за нее, подтащил тело к пролому в стене. Затем он показал глазами

ошарашенному фра Таку на лежащее тело и пристально посмотрел в сторону двери. Монах, собиравшийся было что-то сказать, захлопнул рот, понимающе кивнул, на четвереньках подобрался к одному из валявшихся противников и, приподняв его, выставил в проеме двери. Из темноты тут же ударило два быстрых разряда. Не успела еще погаснуть вспышка, как Убогий выстрелил в ответ. Там, откуда стреляли по двери каморки, раздался короткий вскрик и упало что-то тяжелое. Убогий быстро пригнулся, крутанул безжизненное тело, руки которого так и не выпустил, проскочил сквозь пролом и замер под стеной. Некоторое время ничего не происходило. Фра Так облегченно выдохнул:

– Ну все, – и отпустил мертвое тело, которое держал.

На противоположной стороне улицы сверкнул луч и ударил как раз туда, где Убогий только что находился, затем дважды – по дверному проему. Убогий успел ответить на второй выстрел. Снова сдавленный крик и шумное падение. Убогий бросился на пол и, дотянувшись до какого-то устройства, хлопнул по нему ладонью. Тишину ночи, уже нарушенную треском выстрелов, разорвал вой сирены.

Когда сирена завела пятую руладу, Убогий отключил ее. Фра Так, сидя на полу у входа, обводил недоуменным взглядом поле битвы. Наткнувшись глазами на приятеля, который с досадливым выражением на лице вытирал вспотевший лоб, монах уважительно покачал головой:

– Да-а-а, теперь я могу понять, почему Господь выбрал именно тебя.

Убогий посмотрел на свои дрожащие руки и, судорожно переводя дух, грустно усмехнулся:

– Зато я пока не могу... – Он махнул рукой и поднялся на ноги, стараясь унять дрожь в коленях.

Фра Так ткнул рукой в недвижимого главаря:

– Чем это ты их?

Убогий передернул плечами:

– Да так... после нашей первой встречи я подумал, что не мешает иметь что-нибудь, что может пригодиться в качестве оружия. И поставил на шунт искровой разрядник. – Он искоса посмотрел на огромный черный ожог на груди мертвеца. – Вот только с мощностью переборщил. Надо было бы оставить в живых хоть одного.

– Зачем?

– Эронтерос наверняка уже перекрыл тоннели, а они знали пароли, места расположения постов.

Монах понимающе кивнул:

– А зачем ты держишь его за руку?

Убогий повернул ладонь мертвого главаря – на двух пальцах были надеты кольца.

– Дистанционный предохранитель. Я встречал такие штучки... – Он запнулся и досадливо нахмурился. – Только вот не помню где. Лучемет может выстрелить, только когда эти кольца касаются рукояти, а если нет, то от него не больше проку, чем от молотка. – С этими словами Убогий неторопливо стянул кольца с пальцев налетчика и надел на свои, повторив эту же операцию со всеми мертвецами. За дверью раздался шум, в мастерскую всунулась чья-то голова и, зыркнув на монаха, обратилась к Убогому:

– Слышь, мастер, тут твои компаньоны лежат и еще двое неизвестных. Все того... Кончились.

Убогий нахмурился:

– Ладно, достойная смерть, Вечному бы понравилась. – Он оторопело замолчал, не понимая, откуда пришли к нему эти слова.

Когда фра Так, коротко рассказав собравшимся у мастерской людям о том, что их ждет, вернулся в комнату, Убогий был уже готов. Продукты и приборы были упакованы в два объемистых мешка с самодельными лямками. Сначала он лихо подхватил тот, что был побольше, но тут же, охнув, опустил его на пол и, сердито дернув клапан, начал торопливо выкидывать какие-то предметы. Этот груз был ему еще не по силам. Хотя его не покидало ощущение, что раньше он без труда мог бы унести оба мешка. Только вот где и когда было это «раньше»... Фра Так остановился на пороге, посмотрел вокруг и шагнул ко второму рюкзаку. Убогий спросил:

– Они поверили?

– Большинство – пока нет, но трупы этих молодцов кое-кого убедили. Остальные, впрочем, тоже знают, что я говорю правду, только пока боятся поверить. Ну ничего – когда те, кто уже поверил, бросятся к тоннелю и наткнутся на охрану, то поверят и остальные.

Убогий безнадежно махнул рукой:

– Какого черта, все равно всем конец. Если они рассчитали количество баллонов и места их закладки с учетом циркуляции воздуха – все здесь обречены, а чтобы удержать тоннель, достаточно десятка солдат со станковым лучеметом.

Фра Так не совсем уверенно возразил:

– И все же если они последуют твоему совету и кинутся искать заложенные баллоны, чтобы сбросить их в дренажные шахты, то, может быть, немного оттянут конец. На несколько дней. Впрочем, я сомневаюсь.

Убогий, ничего не говоря, двинулся к двери. Он вышел наружу первым.

Они молча прошли с полмили, когда фра Так наконец спросил:

– А куда мы идем?

Убогий молча указал рукой на сверкавший огнями купол энергостанции.

– Пока остальные будут рваться в тоннели, мы сможем пробраться туда. Как я слышал, купол герметичен, так что там мы будем вне опасности. К тому же им даже в голову не пришло, насколько это уязвимое место. Этот Эронтерос считает всех, кто живет здесь, тупым быдлом, не способным ни на что. Я хочу показать ему, как сильно он ошибается.

Фра Так с сомнением посмотрел на сияющий купол:

– Не думаю, чтобы они оставили его без охраны.

Убогий утвердительно кивнул головой:

– Я тоже. Но это не страшно. Я пока не собираюсь поднимать шум. Наша задача – потихоньку проникнуть в купол и отсидеться там, пока все не кончится, а если что... – Он внимательно посмотрел вперед. – Вряд ли их там больше десятка, от силы человек двадцать. Они же считают, что им ничего не угрожает. К тому же у меня есть сильное подозрение, что там не бойцы, а ребята из «грязной конторы». Такие больше привыкли пинать ногами связанного, чем драться со сколько-нибудь серьезным противником. И я очень сомневаюсь, что у них есть опыт боя в ограниченном пространстве. – Убогий замолчал, словно прислушиваясь к себе – уверен ли он сам в своих силах, – и понял, что да, вполне уверен, что было удивительно. И, понизив голос, добавил: – А если что, то даже в худшем случае мы не задохнемся, а погибнем в бою. Слегка очистив человечество от мрази. – И Убогий снова с улыбкой повторил неведомо откуда взявшуюся фразу: – Хорошая смерть, Вечному бы понравилась.

Фра Так ничего не сказал.

До энергостанции оставалось не более сотни ярдов, когда из-за кучи камней, обильно усеявших пространство перед куполом, выступило несколько темных фигур. Убогий чертыхнулся про себя и стремительно бросился за ближайший камень, выхватывая лучевой пистолет. Надо же было быть таким идиотом, чтобы нарваться на охранников в двух шагах от цели. Но тут он сообразил, что охранники вряд ли стали бы вылезать из купола и открыто выходить им навстречу, они просто пристрелили бы их из засады. К тому же фигуры, после его рывка суматошно прыснувшие в разные стороны, в нерешительности остановились, увидев монаха, неподвижно стоящего посреди дороги. Убогий опустил лучевой пистолет и, осторожно подняв голову, негромко спросил:

– Кто такие?

После некоторого промедления чей-то голос ответил:

– Мы из Второй штольни. Вечером пришли охранники и погнали всех сюда. Пешком. Даже не дали собраться... – Говоривший сделал паузу и, натужно вздохнув, добавил невпопад: – А в тоннеле охраны ну дюже много.

Убогий помедлил, напряженно раздумывая:

– Сколько вас?

– Да сорок семь, ежели детишек считать.

Он невольно присвистнул. Дети в заброшенных штольнях!.. Он задумался. Судя по всему, это тоже были люди-крысы, которые, однако, чем-то неуловимо отличались от обитателей Первой штольни. Он еще раз окинул взглядом стоящих перед ним людей. Может быть, это тоже часть его Испытания? И его обязанность сейчас в том, чтобы не просто затаиться и выжить, а попытаться спасти как можно больше людей? И отомстить. Убогий тряхнул головой и, повернувшись к куполу энергостанции, взглянул на него, словно стараясь угадать, вместит ли она всех. Потом повернулся к молчаливой толпе:

– Что думаете делать?

Одна из фигур шагнула вперед:

– Кто ж его знает?

Он покачал головой:

– Мне нужно человек десять, покрепче.

Из темноты выступили новые фигуры и осторожно начали подходить к говорившим.

– Зачем? – поинтересовался первый собеседник.

Убогий коротко объяснил. Кто-то в задних рядах ахнул, все возбужденно заговорили разом. Убогий повысил голос:

– Тихо! Энергостанция – наш единственный шанс. Вы видели, что творится в тоннеле, и знаете, что там не пробиться. Но, судя по форме зданий, а главное – по тому, что они не стали демонтировать станцию перед началом газовой атаки, она герметична. – Он мгновение помолчал, потом громко спросил: – Итак, кто пойдет со мной?

Раздался хор голосов:

– Я.

– Я.

– Меня возьмите!

– Да мы все...

– Стоп. – Убогий поднял руку, призывая к тишине. – Мне нужно только десять человек, и каждый должен знать, что там нас ждет вооруженная охрана. Кто пойдет со мной – скорее

всего, там и сложит голову. – После недолгой паузы он добавил: – Мне нужны люди с военным опытом.

Наступила тишина. Каждый примерял ситуацию на себя. Наконец вперед шагнул коренастый мускулистый мужчина:

– Я пойду. Бывший урядник Второго пластунского иррегулярного полка Ратевеевского казачьего войска Родион Пантелеев.

– Русский? – удивленно переспросил Убогий. Среди «оттаявших» русские почти не попадались. Русский император предпочитал скорее использовать своих подданных для собственных надобностей, чем позволять разным конторам торговать ими в виде мороженого мяса.

Крепыш утвердительно кивнул головой и, повернувшись к толпе, отрывисто бросил в темноту:

– Петр, Грабарь, Большерукий, Цыган, Даргинец, Хохол, Лукошин, Чехов и Две Затяжечки.

По мере того как он называл клички и имена, из темноты показывались крепкие фигуры и, ни слова не говоря, становились рядом с урядником. Убогий окинул шеренгу довольным взглядом. Эти ребята чем-то отличались от простых обитателей Первой штольни. Ну так что ж, они и жили-то не в Первой, а во Второй – кто его знает почему.

– А тебя самого как кличут, командир?

Он на мгновение задумался. Пожалуй, Убогому пора было исчезнуть из его жизни.

– Зовите меня... Корн.

Спустя час они стояли у стены рядом с воротами и следили за тем, как тот, что назвался Корном, осторожно подсоединяет выводы самодельного компа к клавише вызова на стене, рядом с воротным проемом. Несколько минут прошли в напряженном молчании, потом командир поманил их рукой. На крошечном экранчике компа высветилось схематическое изображение помещений энергостанции.

– Смотрите. Люди здесь, здесь и здесь, всего человек пятнадцать – двадцать. Человек пять – рабочая смена, остальные – охранники. – Корн поднял глаза на урядника, тот ответил кивком. – Как только войдем, сразу разделимся на две группы. Старшие обеих групп, как я уже говорил, будут вооружены лучевым пистолетом. Ты, – он взглянул на урядника, – должен быстро проскочить сюда, – он чиркнул ногтем по схеме, – и затаиться. В этих помещениях, скорее всего, находится охрана, поэтому, как только я подниму шум наверху, они бросятся к лифтовому холлу. Вот эту группу, что побольше, пропустишь мимо, а вот этих – они побегут следом за первой – постарайся задержать. Но не торопись, помни, что они вооружены. Подпусти их поближе, чтобы они не могли воспользоваться оружием, и...

Урядник, поколебавшись, спросил:

– А они точно там?

– Уверен. Я влез в программу управления кондиционированием помещений, она показывает, что в этих помещениях установки работают в рабочем, а не в дежурном режиме. Но, конечно, кто-то, может, просто спит или находится в каком-то тамбуре или коридоре, где нет климатических систем, так что будьте повнимательнее.

Урядник, ограничившись безмолвным кивком, повернулся к своим товарищам и что-то негромко сказал. Потом снова обратил исполненный готовности взгляд на командира. Тот в последний раз осмотрел свое воинство и достал лучевик. Затем, сделав несколько вдохов и выдохов, словно, одетый в боевой скафандр, готовился через мгновение прыгнуть к чужому

кораблю, и мимоходом удивившись этому, нажал клавишу на компьютере. Ворота энергостанции дрогнули и поползли в сторону. Битва началась.

Полковник Эронтерос ворвался в вестибюль центрального офиса компании, едва не вышибив раздвижные стеклянные двери. Стоявший у дверей кабинета главного администратора охранник при его появлении невольно отшатнулся; полковник, не замечая его, рывком распахнул дверь. Стоватор Игенома сидел в своем кресле, откинувшись на спинку, в его правой руке была судорожно зажата рукоятка элегантного лучевика. Голова свесилась набок, открывая взору аккуратную дырочку у правого виска, а на стене, там, куда ударил луч, пробив череп насквозь, темнел подтек расплавленного металла. По-видимому, главный управляющий поставил регулятор на полную мощность.

Полковник грубо выругался и быстрым шагом подошел к телу. Крови почти не было, так как лучевик мгновенно запаивал кровеносные сосуды, и все же зияющие дыры в висках выглядели не очень эстетично. У двери кто-то негромко вскрикнул. Эронтерос резко обернулся:

– Что вы здесь делаете?

Грегори Экрой, начальник финансового департамента, из-за которого все и началось, испуганно вздрогнул:

– Я... видите ли... то есть...

– Короче! – рявкнул полковник.

Экрой, несмотря на дрожь, сумел все же собраться и внятно произнести:

– Видите ли, дело в том, что директор финансового департамента, кем я как бы являюсь во время отсутствия главного администратора, то есть временно, как бы должен выполнять его обязанности, ну, пока он не приедет, то есть, как только... мне сразу и сообщили, извините... – Его взгляд уперся в мертвого Стоватора Игеному, и директор финансового департамента опять впал в прострацию.

Полковник вскинул над головой стиснутые кулаки и зарычал. О дева Мария, с какими идиотами ему приходится работать! Один по-дурацки кончает с собой за два часа до начала операции, да еще ухитряется предварительно слегка почистить свою нечистую совесть идиотским заявлением, оставленным в личных файлах Главного центра управления, другой при первом же трупке выпадает в осадок...

– Вот что, сопляк, у меня нет времени заниматься всей этой ерундой, так что возьми на себя всю волокиту по организации похорон, передаче большой королевской печати, или что там у вас вместо нее, а главное – найди людей, которые взломали бы личный код этого придурка и убрали бы из его файлов это дурацкое заявление. А у меня и так забот по горло. До начала операции осталось два часа. Ну! Понял? – Эронтерос едва сдержался, чтобы не врезать этому гринго по физиономии.

Тот, дрожа всем телом и клацая зубами, забормотал, не спуская с полковника испуганных глаз:

– А разве операция состоится? Господин Перье заверил меня, что, если все раскроется, вся вина падет на госпо-о-о... на покойного, а теперь, когда он... то есть надо срочно связаться с господином Перье.

Тут уже Эронтерос ему врезал. От души.

– Молчать!! Никакой связи! Ты должен исполнять обязанности главного администратора в его отсутствие? Вот и исполняй. А что касается тела, то мы его сейчас отсюда уберем и

обнаружим только спустя полтора часа в изуродованном «роллс-ройсе» в Первой штольне. Его убили эти крысы, ты понял?

– Но... – начал было сосунок, но полковник не дал ему закончить:

– Ты понял?!

Грегори Экрой втянул голову в плечи и кивнул с жалкой гримасой на лице. Эронтерос прорычал что-то сквозь зубы и, резко развернувшись, вышел из кабинета. Что ж, может, все и к лучшему. Теперь можно будет обвинить крыс в убийстве главного управляющего и этим оправдать предпринимаемые меры в глазах персонала колонии, о чем так беспокоился Перье. Хотя ему самому, в общем-то, на это глубоко наплевать.

Корн подтянулся на руках и взобрался на длинную балку, проходящую под самым куполом. До сих пор он справлялся неплохо, но сейчас почувствовал, что надо передохнуть. Легкие хрипели, как дырявый насос привода пневмопочты, руки и ноги дрожали, будто с перепоя. С того момента, как они проскользнули в приоткрывшуюся щель ворот, прошло не более десяти минут, а они уже прикончили как минимум пятерых охранников, хотя и сами потеряли троих. Самое меньшее. Во всяком случае, в его группе остались он с монахом да один русский. Сейчас они прятались за стойками с аппаратурой, и русский то и дело постреливал, не давая противнику высунуться из-за стоек, расположенных в противоположной стороне зала, и в то же время стараясь не зацепить чего-нибудь опасного из оборудования. Дежурная смена и последний уцелевший пока охранник из тех, что находились в центральном зале управления, сгрудились в дальнем углу, не рискуя приближаться к пульту, а значит, и к системе связи. Вроде бы слышались шаги на аварийной лестнице – Корн торопливо вскочил и побежал по балке в сторону видневшегося внизу пульта. Если к охраннику успеет подойти подмога, их положение станет просто отчаянным. Пройдя шагов десять, он оказался сбоку от охранника. Остановившись, он всадил ему луч в левую сторону груди. Тот взмахнул руками и рухнул на пол. Один из дежурных операторов подхватил упавший пистолет, и Корн чуть не выстрелил в него, но сдержался. Как оказалось – правильно сделал. Оператор высунулся из-за стойки и, прокричав: «Не стреляйте, мы всего лишь инженеры!», – запустил лучевик по полу в сторону фра Така. Тот поднял голову, посмотрел на Корна и, увидев одобрительный взмах рукой, вышел из-за укрытия. Подобрав лучевик, фра Так пробормотал:

– Сатанинское отродье, – и, брезгливо держа его двумя пальцами, передал русскому.

В этот момент с грохотом распахнулась дверь, ведущая на аварийную лестницу, и Корн два раза выстрелил. Первые двое рухнули на пол, не успев войти. Следующий ворвался в помещение, высоко подпрыгнул, преодолевая препятствие на своем пути, и был сражен в прыжке выстрелом русского. Луч поразил его в грудь. По-видимому, остальных это несколько отрезвило, потому что больше никто не показывался. Корн застыл на месте, напряженно прислушиваясь. Наконец снизу, от подножия лестницы, донесся частый треск выстрелов и испуганные вскрики. В открытую дверь влетели несколько лучевиков, сопровождаемых истошным криком:

– Сдаемся!

Корн сел на балку и вытер испарину на лбу. Энергостанция была в их руках.

Эронтерос неотрывно смотрел на дисплей с колонками стремительно уменьшавшихся в значении чисел. Наконец все, кроме последнего, стали нулями. И тут в дверь магнитоопера, в котором он устроил свой штаб, кто-то громко забарабанил. Полковник сердито оглянулся на

дверь и снова вернулся к своему занятию. Со злорадной миной на лице он надавил на клавишу. Газовые бомбы сработали секунда в секунду. Хотя это утешало в едва не сорвавшейся операции. Конечно, командную систему можно было подключить к таймеру, но в собственноручном акте активации этого небольшого армагеддона было что-то мистическое. А ему сейчас, как никогда, требовалось взбодриться. Недаром он за две минуты до времени «Ч», выслушав последние доклады, выгнал всех и заперся в штабной машине, полностью отключившись от внешнего мира. Ничто не должно было мешать ему, когда он совершает священнодействие. Эронтерос посмотрел, как вспыхнули и погасли все огоньки, обозначающие заложенные заряды, и, встав с кресла, наконец отворил дверь:

– Ну чего еще?

Возбужденный охранник скороговоркой зачастил:

– Полковник, переключитесь на третий канал.

Эронтерос нахмурился и стукнул по клавише. На экране появилось изображение какого-то типа с худым, изможденным лицом, изрядно подпорченным безобразными шрамами, с лохматыми бровями и клочковатой шевелюрой. Одним словом, типичная крыса.

– Откуда он взялся? – Полковник тяжело уставился на охранника, а тот, разом вспотев под его взглядом, пробормотал:

– Крысы захватили энергостанцию. Этот тип заявил, что, если вы активируете газовые бомбы, он отключит энергию во всей колонии.

– ЧТО?!!

Эронтерос жажнул по пульту стиснутыми кулаками и разразился такой тирадой, что уши подчиненного должны были бы увянуть и свернуться в трубочку. Лишь через несколько минут, когда приступ бешенства немного утих, один из связистов, уже возвратившихся на свои рабочие места, повинувшись его жесту, торопливо включил канал связи с офисом. На экране появилось побелевшее лицо Грегори Экроя. Эронтерос пренебрежительно фыркнул:

– Эй, сопляк, как там у вас дела? Были ли вопросы по поводу Игеномы?

Тот заговорил, то и дело запинаясь:

– Были, и еще какие. Вы не захотели меня слушать, а всем в колонии известно, что Стоватор Игенома никогда, вы слышите – никогда! – не пользовался «роллс-ройсом» и что ни один администратор такого ранга ни за что не поедет в Первую штольню без охраны. Так что вопросы есть, и их много, и как начальник службы охраны готовьтесь отвечать на них на заседании правления компании, и...

[Купить полную версию книги](#)